ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1 (16) 2017

Выходит 4 раза в год

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре). Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
д-р юрид. наук, профессор С. И. Архипов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
канд. техн. наук, доцент А. А. Мецгер
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р юрид. наук, профессор З. А. Незнамова
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юрид. наук А. П. Семитко
д-р юрид. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет
д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
академик РАХ, проф. С. В. Голынец
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
проф. Ма Цзяньшэ (Гуаньчжоу, КНР)
д-р экон. наук В. И. Маршев (Москва)
д-р политологии Ж.-Р. Равьо (Франция)
д-р юрид. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р юрид. наук, проф. С. А. Степанов
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

1 (16) 2017

Frequency: 4 times a year

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(Deputy Editor-in-Chief)
Doctor of Law S. I. Arkhipov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Candidate of Engineering, Associate Prof. A. A. Metzger
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Law Sciences Z. A. Neznamova
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council
Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev
Prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
Member of the Russian Academy of Arts, Prof. S. V. Golynets
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Prof. Ma Jianshe (Guangzhou, China)
Doctor of Economics V. I. Marshev (Moscow)
Doctor of Political Science J.-R. Ravier (France)
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Law, Prof. S. A. Stepanov
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Содержание

Экономика …..……5
Южакова А. С., Тарасьев А. М.
Анализ взаимосвязи цикличности российской экономики
с экономиками некоторых стран Европы, США и отдельных стран Востока …..……6
Пиксайкина О. В., Ходенева Е. А.
Экономико-математическая модель оптимизации управления
бизнес-процессами производственного предприятия …..……..14
Акишева Т. О., Хмелькова Н. В.
Кобрендинг как маркетинговая стратегия альянса:
опыт эмпирического исследования эффективности …..……20
Красовский Н. А., Тарасьев А. М.
Построение равновесных траекторий
в динамических биматричных координационных играх …..…….25

Юриспруденция …..…….35
Михайленко И. А., Теплякова О. А.
К вопросу о проблемах бюджетного федерализма …..……..36
Резник Е. С.
Актуальные вопросы оказания бесплатной юридической помощи
и направления совершенствования законодательства …..…….43
Денисов С. А.
Имитация социализма с помощью норм государственного права …..……..55

Философия …..……..63
Моисеенко Я. Ю.
Конформизм как имманентный элемент тоталитарных,
авторитарных и либерально-демократических политических режимов …..……64
Зубков К. И.
Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века ……72
Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С.
Земная радость эксперимента …..……85
Гусев М. А.
Попытка интерпретации философии Парменида …..…….98
Коркунова О. В.
Вклад Э. Кассирера в развитие философской антропологии …..……105
Батюта Е. А.
Нарративы территориального бренда Урала …..……..110
Трушина Т. Л.
Кино и мода: взгляд через экран …..……..117

Научные события …..……125
Глушкова С. И.
Дискуссии об актуальных проблемах соблюдения и защиты прав человека
(обзор материалов Международной конференции по правам человека) …..…….126
Глухих О. И., Глушкова С. И., Загайнов А. В.
Защита прав ребенка в России: особенности Свердловской области
(обзор материалов научно-практического семинара) …..……133
Литвинова И. Н., Глушкова С. И., Саланова Л. А.
Российский Красный Крест: основные направления деятельности,
вопросы сотрудничества и взаимодействия
(обзорная статья по итогам научно-практического семинара) …..…….138

**Требования к оформлению и порядку представления статей
в журнал «Вестник Гуманитарного университета»** …..…….145

Contents

Economics ……5
Yuzhakova A. S., Tarasyev A. M.
Analysis Correlation between Cyclic Nature of Russian Economy
with Economies of Some European Countries, USA and Certain Eastern Countries ……...6
Piksaikina O. V., Khodeneva E. A.
Economic-Mathematical Model of Management Optimization
of Industrial Enterprise's Business Processes …..……...14
Akisheva T. O., Khmelkova N. V.
Cobranding as a Marketing Strategy of Alliance:
Experience of Empirical Study of Efficiency …..……20
Krasovskii N. A., Tarasyev A. M.
Construction of Equilibrium Trajectories in Dynamical Bimatrix Coordination Games …..…..25

Law ……..35
Mikhailenko I. A., Teplyakova O. A.
To a Question of Fiscal Federalism Problems …..……..36
Reznik E. S.
Topical Issues of Free Legal Aid and Ways of Improving Legislation …..……43
Denisov S. A.
The Imitation of Socialism by Means of the Rules of State Law …..……...55

Philosophy ……..63
Moiseenko Y. Y.
Conformity as an Inherent Element of Totalitarian,
Autoritarian and Liberal Political Regimes …..……...64
Zubkov K. I.
Absolutism and Modernization:
On the Evaluation of the Peter the Great's Reforms of the Early 18th Century …..……...72
Pogorelskaya E. Yu., Chernov L. S.
Contradictory Joy of Experiment …..……..85
Goosev M. A.
An Attempt of Interpretation of Parmenides' Philosophy …..…….98
Korkunova O. V.
E. Kassirer's Contribution to the Development of Philosophical Anthropology …..…….105
Batyuta Y. A.
Narrations of the Urals' Brand …..……110
Trushina T. L.
Cinema and Fashion: a Look through the Screen …..……117

Scientific Events ……...125
Glushkova S. I.
Discussions on Urgent Problems of Observance and Human Rights Protection
(Review of Materials of the International Conference on Human Rights) …..……..126
Glukhikh O. I., Glushkova S. I., Zagaynov A. V.
Protection of Children's Rights in Russia: Features of the Sverdlovsk Region
(Review of Science Workshop's Materials) …..……133
Litvinova I. N., Glushkova S. I., Salanova L. A.
Russian Red Cross: the Main Activities, Cooperation and Interaction
(Review on the Seminar Results) …..……138

Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors …..…….145

ЭКОНОМИКА

УДК 339.9

А. С. Южакова[*], А. М. Тарасьев[**]

Анализ взаимосвязи цикличности российской экономики с экономиками некоторых стран Европы, США и отдельных стран Востока

В рамках данной статьи нами производится анализ взаимосвязи экономических колебаний российской конъюнктуры с экономиками некоторых стран Европы, США и отдельных стран Востока. Анализировались показатели ВВП, безработицы, инфляции и размер государственного долга. Приведенные данные обрабатывались (путем деления каждого показателя на максимальное в его ряде), и выявлялось среднее арифметическое значение для каждого года. Таким образом, были построены кривые для экономик стран: США, Германии, Франции, Англии, Китая, Японии и России. В качестве инструментария используется коэффициент парной корреляции Фехнера среднего значения каждой из перечисленных стран с показателем РФ.

На основании проведенного корреляционного анализа выявлено, что между средними показателями экономик России и стран мира существует обратная зависимость. Для разъяснения, за счет какого экономического показателя или экономики какой страны выявлено вышеуказанное заключение, было принято решение провести однофакторный и двухфакторный дисперсионные анализы, позволяющие выявить причины, а не только установить зависимости и интенсивность взаимосвязи показателей. Таким образом нами был проведен статистический анализ, позволяющий выявить тенденции и закономерности взаимосвязи экономических колебаний российской конъюнктуры с рассматриваемыми странами.

Ключевые слова: цикличность; коэффициент корреляции Фехнера; однофакторный дисперсионный анализ; двухфакторный дисперсионный анализ.

Одним из ключевых признаков рыночной экономики является ее цикличность, то есть периодические колебания экономической активности, выражающиеся в более или менее регулярном повторении спадов и подъемов производства.

Известно, что спады производства спорадически обнаруживались в отдельных странах и регионах мира задолго до возникновения рыночной системы экономики. Они возникали в основном в результате действия неэкономических факторов (природных, политических, демографических, социальных), таких как засухи, наводнения, землетрясения, войны, эпидемии и революции. Подобного рода чрезвычайные ситуации нередко оборачивались широкомасштабной хозяйственной разрухой, для ликвидации которой требовались годы и даже десятилетия. Очевидно, что и по сей день экономическая жизнь общества (при любом типе ее организации) не застрахована от негативного воздействия всех названных факторов.

Однако на протяжении двух последних веков сложилась и продолжает развиваться в различных формах экономическая цикличность как особая закономерность и принцип функционирования рыночной системы экономики.

Таким образом, цель работы – анализ взаимосвязи экономических колебаний российской конъюнктуры с экономиками некоторых стран Европы, США и отдельных стран Востока.

Для достижения поставленной цели нами было принято решение провести анализ показателей: ВВП, безработицы, инфляции и размера государственного

[*] **Анастасия Сергеевна Южакова,** аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[**] **Александр Михайлович Тарасьев,** д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© А. С. Южакова, А. М. Тарасьев, 2017

долга. Приведенные показатели обрабатывались (путем деления каждого показателя на максимальное в его ряде), и выявлялось среднее арифметическое значение для каждого года. Таким образом были построены кривые для экономик стран: США, Германии, Франции, Англии, Китая, Японии и России.

Для продолжения анализа было принято решение рассчитать коэффициент корреляции Фехнера среднего значения каждой из перечисленных стран с показателем РФ. Коэффициент парной корреляции знаков Фехнера является показателем тесноты связи, основанный на сравнении поведения отклонений индивидуальных значений каждого признака (X и Y) от своей средней величины $\overline{X}$ и $\overline{Y}$. При этом во внимание принимаются не величины отклонений ($X_i - \overline{X}$) и ($Y_i - \overline{Y}$), а их знаки («+» или «–»). Определив знаки отклонений от средней величины в каждом ряду, рассматривают все пары знаков и подсчитывают число их совпадений (С) и несовпадений (Н). Тогда коэффициент Фехнера рассчитывается как отношение разности чисел пар совпадений и несовпадений знаков к их сумме, т.е. к общему числу наблюдаемых единиц:

$$К_ф = \frac{\sum С - \sum Н}{\sum С + \sum Н} \quad (1)$$

Если знаки всех отклонений по каждому признаку совпадут, то $К_Ф = 1$, что характеризует наличие прямой связи. Если все знаки не совпадут, то $К_Ф = -1$(обратная связь). Если $\sum С = \sum Н$, то КФ = 0. Как и любой показатель тесноты связи, коэффициент Фехнера может принимать значения от -1 до 1.

При помощи статистических данных среднего показателя экономик Германии и России были рассчитаны отклонения средних показателей от каждой из величин.

Таблица 1[1]

Корреляция экономик Германии и России. Знаки Фехнера

Дата	Германия (X)	Россия (Y)	$X_i - \overline{X}$	$Y_i - \overline{Y}$
1998	64,45	43,16	-5,92	7,36
1999	70,63	33,44	0,26	-2,36
2000	59,3	41,28	-11,07	5,48
2001	57,24	100	-13,13	64,20
2002	64,54	55,43	-5,83	19,63
2003	69,75	47,2	-0,62	11,40
2004	66,82	36,18	-3,55	0,38
2005	66,81	37,62	-3,56	1,82
2006	79,14	32,77	8,77	-3,03
2007	83,33	29,2	12,96	-6,60
2008	78,92	25,26	8,55	-10,54
2009	79,55	22	9,18	-13,80
2010	82,49	24,55	12,12	-11,25
2011	54,91	29,79	-15,46	-6,01
2012	67,56	24,57	-2,81	-11,23
2013	80,73	22,98	10,36	-12,82
2014	73,74	18,78	3,37	-17,02
2015	66,76	20,18	-3,61	-15,62
Сумма	1266,67	644,39		
Среднее	70,37	35,79		

[1] Составлено автором.

Число совпадений знаков С = 3; число несовпадений Н = 15.

Тогда коэффициент Фехнера для анализа средних показателей экономического состояния Германии и России составит:

$$К_ф = \frac{\sum С - \sum Н}{\sum С + \sum Н} = \frac{3-15}{3+15} = -0{,}667 \qquad (2)^2$$

Аналогичные расчеты были произведены и в отношении других стран. Сводные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2[3]

Парная корреляция РФ. Коэффициент Фехнера

Страна	Германия	США	Франция	Англия	Япония	Китай
Парная корреляция	-0,67	-0,33	-0,78	-0,33	-0,22	-0,44
Интерпретация корреляции	умеренная	слабая	сильная	слабая	-	умеренная

Коэффициент Фехнера не учитывает величину отклонения признаков от средних значений, но он может служить некоторым ориентиром в оценке интенсивности связи. Согласно результатам, представленным в таблице 2, самая интенсивная связь экономики РФ наблюдается с экономикой Франции, тогда как ее отсутствие характерно с показателями Японии.

Проведенный корреляционный анализ позволяет заключить, что между средними показателями экономик России и стран мира существует обратная зависимость. Иными словами, фаза подъема экономики развитого мира сопровождается снижением экономических показателей РФ. И, одновременно, рост показателей РФ совпадает с регрессией средних значений США, Германии, Франции, Англии, Японии и Китая. Данный анализ составлен по результатам статистических данных с 1998-го по 2015 г. И требует разъяснения и понимания, каким экономическим показателем или экономикой какой страны вызвано вышеуказанное заключение.

Для ответа на данный вопрос было принято решение провести однофакторный и двухфакторный дисперсионные анализы, позволяющие выявить причины, а не только установить зависимости и интенсивность взаимосвязи показателей.

Пусть генеральные совокупности X_1, X_2, …., X_p распределены нормально и имеют одинаковую, хотя и неизвестную, дисперсию; математические ожидания также неизвестны, но могут быть различны. Требуется при заданном уровне значимости по выборочным средним проверить нулевую гипотезу H_0: $M(X_1) = M(X_2) = \ldots = M(X_p)$ о равенстве всех математических ожиданий. Другими словами, требуется установить, значимо или незначимо различаются выборочные средние. Стоит отметить, что с возрастанием числа средних возрастает и наибольшее различие между ними: среднее новой выборки может оказаться больше наибольшего или меньше наименьшего из средних, полученных до нового опыта. По этой причине для сравнения нескольких средних используется метод, основанный на сравнении дисперсий – дисперсионный анализ (автором является английский статистик Р. Фишер).

Основная идея дисперсионного анализа состоит в сравнении «факторной дисперсии», порождаемой воздействием фактора, и «остаточной дисперсии», обусловленной случайными причинами. Если различие между этими дисперсиями значимо, то фактор оказывает существенное влияние на X; в этом случае средние

[2] Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика. – М. : Изд-во Московского университета, 1994. – С. 329.

[3] Составлено автором.

наблюдаемых значений на каждом уровне (групповые средние) различаются также значимо.

Для проведения однофакторного дисперсионного анализа возникла необходимость составления сводной таблицы, содержащей в себе значения ВВП, безработицы, инфляции и объема государственного долга для всех групп стран. Однако в рамках данного анализа мы имеем возможность анализировать строго определенный период. В качестве такового был выбран самый последний из анализируемых – 2015 год (табл. 3).

Таблица 3[4]

Приведенные к максимальному значению экономические показатели стран в 2015 г.

Страна/показатель	ВВП	Инфляция	Безработица	Гос. долг
США	100	39,47	76	76,06
Франция	97,54	34,4	90,52	100
Германия	100	57,14	47,32	95,8
Англия	88,55	60	93,9	100
Япония	83,67	10,53	75,93	100
Китай	100	31,33	98,46	72,87
Россия	100	7,93	44,62	7,98

Согласно однофакторному дисперсионному анализу, проведенному посредством программы Microsoft Office Excel, нами были выявлены итоговые результаты, содержащие математическое ожидание и дисперсию, а также непосредственно коэффициенты межгруппового и внутригруппового анализа (табл. 4).

Таблица 4[5]

Результаты однофакторного дисперсионного анализа

Межстрановой анализ				
Группы	**Счет**	**Сумма**	**Среднее**	**Дисперсия**
ВВП	7	669,76	95,68	45,53
Инфляция	7	240,8	34,4	413,0
Безработица	7	526,75	75,25	473,17
Государственный долг	7	552,71	78,96	1115,88

Дисперсионный анализ						
Источник вариации	**SS**	**df**	**MS**	**F-набл.**	**P-знач.**	**F-крит.**
Между группами	14210,3	3	4736,77	9,25	0,0003	3,009
Внутри групп	12285,5	24	511,89			
Итого	26495,8	27				

(Здесь df – число степеней свободы; SS – сумма квадратов; MS – среднеквадратическое отклонение.)

Первоначально необходимо уточнить, что $F_{набл.} > F_{крит.}$ – следовательно, нулевую гипотезу о равенстве групповых средних можно отвергнуть. Другими словами, групповые средние «в целом» различаются значимо, а именно ВВП, безработица и объем государственного долга не являются одинаковыми и оказывают

[4] Составлено автором.
[5] Составлено автором.

влияние на экономику каждой из анализируемых стран. Самый большой разброс значений в 2015 году у показателя государственного долга. Иными словами, именно этот показатель в 2015 году в наибольшей степени оказал влияние на макроэкономическую ситуацию в мире. Самым невысоким показателем дисперсии является ВВП, т. е. данный идентификатор в меньшей степени, чем остальные, влиял на экономическое состояние стран.

Однако данные за один период (2015 г.) не являются информативными, если рассматривать процессы цикличности. Для более тщательного анализа были рассмотрены экономические идентификаторы каждой из стран за последние 10 лет (с 2005-го по 2015 г.). Выбор временно́го интервала обусловлен устойчивым периодом развития экономической истории России. Инструментарием в данном случае являлся двухфакторный дисперсионный анализ.

Двухфакторный дисперсионный анализ с повторениями проводится при группировке данных по двум признакам (показатели и страны) и включении нескольких выборок в группу (для каждого экономического показателя обрабатываются данные за несколько лет). В этом случае дисперсионный анализ усложняется, поскольку общая вариация признака раскладывается на большее число компонентов. Таким образом, источником групповой вариации являются оба фактора:

$$w_{гр.1+гр.2} = w_{гр.1} + w_{гр.2} \quad (3)$$

где $w_{гр.1+гр.2}$ – групповая вариация под воздействием двух факторов; $w_{гр.1}$ – групповая вариация под воздействием первого фактора; $w_{гр.2}$ – групповая вариация под воздействием второго фактора.

С опорой на статистические данные о ВВП, инфляции, безработице и государственном долге США, Германии, Франции, Англии, Японии и Китая проводился двухфакторный дисперсионный анализ с повторениями посредством программы Microsoft Office Excel, в результате чего были рассчитаны математическое ожидание и дисперсия по каждому из экономических идентификаторов, а также вариация между странами и показателями.

Таблица 5[6]

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа

ИТОГИ	США	Англия	Германия	Франция	Япония	Китай	Россия
ВВП							
Счет	10	10	10	10	10	10	10
Сумма	849,64	862,82	894,28	896,39	837,49	558,93	660,63
Среднее	84,96	86,28	89,43	89,64	83,74	55,89	66,06
Дисперсия	71,82	53,53	88,61	93,72	95,35	771,35	595,74
Инфляция							
Среднее	63,153	59,78	63,92	57,2	-4,17	37,35	11,12
Дисперсия	1020,14	414,2	664,75	658,17	1430,3	578,29	11,06
Безработица							
Среднее	71,68	79,39	72,25	79,48	81,85	74,62	53,31
Дисперсия	230,38	296,57	326,69	39,29	63,97	296,2	59,31
Государственный долг							
Среднее	69,95	69,21	87,89	81,01	88,92	57,93	10,61
Дисперсия	664,69	131,79	76,32	155,12	46,36	518,89	21,64
Итого							
Счет	40	40	40	40	40	40	40
Сумма	2897,51	2946,57	3089,3	3073,31	2503,4	2257,91	1410,96
Среднее	72,44	73,66	77,23	76,83	62,58	56,45	35,27
Дисперсия	1030,3	402,86	359,02	365,53	1908,1	685,29	790,8

[6] Составлено автором.

Дисперсионный анализ						
Источник вариации	**SS**	**df**	**MS**	**F-набл.**	**P-знач.**	**F-крит.**
Выборка	57865,76	3	19288,6	12,92	3,9E-28	2,64
Столбцы	55305,12	6	9217,5	10,2	6,07E-25	2,13
Взаимодействие	49477,07	18	2748,7	6,11	7,46E-17	1,64
Внутри	85389,9	252	338,85			
Итого	248037,8	279				

Для анализа эффекта взаимодействия показателей при уровне значимости $\alpha = 0,05$, отклоняется нулевая гипотеза об отсутствии эффекта взаимодействия, при условии, что вычисленное значение F-наблюдаемого (см. табл. 5, строку «Взаимодействие», столбец F-набл.) больше верхнего критического значения F-распределения (табл. 5, столбец F-крит.). Поскольку $F_{крит.} = 1,64 < F_{набл.} = 6,11$, гипотеза H_0 не отклоняется. Иными словами, мы можем утверждать, что в течение 10 анализируемых лет показатели ВВП, безработицы, инфляции и государственного долга взаимодействуют друг с другом в разных странах. Следовательно, необходимо проанализировать и главные эффекты.

При уровне значимости, равном 0,05, в основе проверки разности между анализируемыми экономическими идентификаторами лежит следующее правило: нулевая гипотеза отклоняется, если рассчитанное значение F-статистики больше критического значения F-распределения (см. табл. 5, строку «Выборка», коэффициенты F-набл. и F-крит.). Поскольку $F_{крит.} = 2,64 < F_{набл.} = 12,92$, нулевая гипотеза отклоняется. Соответственно, утверждение о значимости вариации между показателями истинно. Посредством двухфакторного дисперсионного анализа мы утвердили предположение о том, что показатели различных стран зависимы друг от друга и оказывают сильное влияние в течение последних 10 лет экономической истории.

Необходимо отметить, что самое сильное влияние среди рассматриваемых показателей в обозреваемом временно́м промежутке оказывает инфляция. Ее дисперсия составляет максимальное значение, тогда как безработица имеет наименьшее влияние на экономическую ситуацию. Соответственно, именно изменение инфляции в странах мира оказывает наибольший эффект на макроэкономическом уровне.

Наконец, необходимо установить наличие взаимосвязи и между анализируемыми странами по рассматриваемым группам показателей. Аналогичным образом мы принимаем нулевую гипотезу H_0 об отсутствии значимости вариации между странами. Согласно рассчитанным показателям F-статистики и F-распределения, мы выявили, что $F_{крит.} = 2,13 < F_{набл.} = 10,2$, нулевая гипотеза отклоняется. И мы вновь вынуждены отметить, что в течение последних 10 лет страны влияют друг на друга посредством различных показателей.

Самой большой дисперсией в группе ВВП обладает Китай, а значит, размер указанного показателя в Китае обладает самыми высокими рисками и наибольшим образом влияет на общее макроэкономическое состояние. В строке «Инфляция» самым большим отклонением от среднего значения обладает Япония. Следовательно, от инфляции в Японии во многом зависит экономическое благополучие в мире и именно в этой стране данный показатель несет в себе наибольшие риски. В продолжение дисперсионного анализа приведена безработица. Наибольший разброс значений достигается в Германии (хоть и самый меньший относительно инфляции и размера государственного долга). Иными словами, размер безработицы в данной стране несет в себе наибольшие риски на протяжении последнего десятилетия и оказывает сильное влияние на мировой арене. Наконец, размер государственного долга в течение последних 10 лет достиг максимального значения дисперсии также в США (чуть меньше, но соизмеримо в Китае). Ука-

занный результат свидетельствует о том, что размеры государственного долга США и, в меньшей степени, Китая несут в себе высокие риски и влияют на стабильность экономики в мире.

Примечательно, что в итогах двухфакторного дисперсионного анализа с повторениями наибольшим разбросом дисперсий обладает Япония. Таким образом, в качестве обобщающего заключения необходимо отметить, что именно данная страна и ее экономика оказывают решающее влияние на показатели других стран. Согласно расчетам коэффициента Фехнера, Россия наименьшим образом коррелирует именно с данной страной. С одной стороны, это говорит о том, что в случае интенсивного роста Японии, РФ в меньшей степени окажется на повышательной волне такого цикла. С обратной стороны медали, в случае регрессии японской экономики внутреннее макроэкономическое состояние России ухудшится в незначительной степени.

Данный анализ является исключительно статистическим. Существующие методы расчета показателей корреляции и факторные анализы прежде всего являются математическими. А значит, они могут выявить тенденции и закономерности, но едва ли позволяют провести экономический анализ с учетом специфичности каждой из представленных стран.

Как видим, выявить строгую взаимосвязь показателей анализируемых стран с коэффициентами РФ оказывается весьма трудно. Поэтому многие современные экономисты ограничиваются общим указанием на то, что причина заложена в сложном и противоречивом характере многообразных сил и факторов, оказывающих воздействие на движение рыночной экономики.

Очевидно, что экономические циклы и кризисы не существуют вне связи с объективными условиями. Каждый цикл и кризис воспроизводят ту экономическую обстановку, в которой они развиваются. Но охарактеризовать тот или иной цикл или кризис можно только с временного расстояния.

В заключение хочется отметить, что не может быть универсальных рецептов в процессе анализа взаимосвязи различных показателей. Однако знание основных закономерностей развития экономики – совершенно необходимая предпосылка эффективной макроэкономической политики правительства в любой стране.

Литература

1. Абель Э., Бернанке Б. Макроэкономика. – СПб. : Питер, 2008.

2. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика. – М. : Изд-во Московского университета, 1994. – 478 с.

3. Ромер Д. Высшая макроэкономика. – М. : ИД Высшей школы экономики, 2014. – 855 с.

Anastasiya Sergeevna Yuzhakova,
Post-graduate Student,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)
Alexander Mikhailovich Tarasyev,
Doctor of Physics and Mathematics, Professor at Management
and Marketing Chair, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

Analysis Correlation between Cyclic Nature of Russian Economy with Economies of Some European Countries, USA and Certain Eastern Countries

In this article the authors analyze the relationship of economic fluctuations in the Russian market with certain countries in Europe, USA and the East. The following information was analyzed: GDP, unemployment, inflation and public debt. The presented data were processed (each indicator was divided by the maximum in its row), and the arithmetic mean value for each year was calculated. Thus, the curves for the countries: USA, Germany, France, England, China, Japan and Russia were constructed. As the instruments, the authors used the correlation of Fechner coefficient of the average value for each of the countries with the indicator of the Russian Federation.

Based on the correlation analysis, an inverse relationship between the averages of the economies of Russia and other countries of the world was revealed. To clarify what economic indicator or what country economy created the basis of the above-mentioned result, it was decided to conduct a one-factor and two-factor dispersion analysis that made it possible to identify the reasons rather than to establish the interdependencies and intensity of relationship indicators.

Thus, the statistical analysis identifying the trends and patterns of relationship of economic fluctuations in the Russian market with the countries concerned was accomplished.

Key words: cyclic nature; Fechner correlation coefficient; one-factor of variance; two-factor analysis of variance.

УДК 338.3

О. В. Пиксайкина[*], Е. А. Ходенева[**]

Экономико-математическая модель оптимизации управления бизнес-процессами производственного предприятия

В данной статье рассматривается экономико-математическая модель оптимизации управления бизнес-процессами. Решается многокритериальная задача с использованием вектора, и формируется задача линейного математического программирования. Для решения многокритериальной оптимизационной задачи использовался метод обобщенного критерия (метод скаляризации). По итогу решения задачи требуется получить максимальный объем продаж; максимальную прибыль; минимальную себестоимость; минимальную трудоемкость изготовления продукции.

Ключевые слова: оптимизация; многокритериальная экономико-математическая модель; бизнес-процессы; номенклатура продукции; технологии.

Проблема оптимизации управления бизнес-процессами производственного предприятия является одной из базовых при реализации процедуры реинжиниринга [1]. Причем при исследовании этой проблемы необходимо учитывать сложность организационной структуры конкретного предприятия, его отраслевую принадлежность, номенклатуру выпускаемой продукции, уровень автоматизации процессов и другие факторы [1–3].

В данной статье для решения *задачи оптимизации управления бизнес-процессами предприятия* предлагается использовать экономико-математическое моделирование в форме многокритериальной задачи оптимизации управления, решение которой сводится к реализации конечной последовательности задач дискретной оптимизации и линейного математического программирования. Результаты данной работы основываются на исследованиях [2; 3] и могут быть использованы для решения других оптимизационных задач в экономике. Математические модели таких задач представлены, например, в работах [4–6].

В данной работе рассматривается *многокритериальная задача оптимизации управления бизнес-процессами производственного предприятия.*

Пусть предприятие производит n видов продукции и реализует ее на рынке. Имеется K всех допустимых вариантов реализации бизнес-процессов предприятия, образующих множество $\boldsymbol{B}_K = \{\boldsymbol{B}_k\}_{k\in\overline{1,K}}$, где $\boldsymbol{B}_k$ – k-й вариант $(\overline{1,K} = \{1,2,\ldots,K\})$. Зафиксируем k-й вариант реализации бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$ $(k\in\overline{1,K})$. Предполагается, что при реализации k-го варианта бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$ $(k\in\overline{1,K})$ для производства продукции используются m_k различных типов ресурсов. Расход i-го ресурса $(i\in\overline{1,m_k})$ на единицу продукции j-го вида $(j\in\overline{1,n})$ при реализации k-го варианта бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$ составляет $a_{ij}^{(k)}$ единиц. Первоначальные запасы i-го сырья в единицу времени известны и составляют $b_i^{(k)}$ единиц $(i\in\overline{1,m_k})$. Причем запас ресурсов может быть пополнен в на-

[*] **Ольга Владимировна Пиксайкина,** канд. экон. наук, замдекана факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[**] **Елена Алексеевна Ходенева,** аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© О. В. Пиксайкина, Е. А. Ходенева, 2017

чале планового периода. При реализации *k*-го варианта бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$ предприятие располагает финансовыми средствами в размере $\boldsymbol{L}_k$ единиц, а производственные ресурсы можно приобрести по ценам q_i за *i*-й ресурс $(i \in \overline{1, m_k})$. Емкость рынка по каждому виду продукции оценена и составляет $\boldsymbol{S}_{max\,j}$ единиц $(j \in \overline{1, n})$. Для каждого вида продукции рассчитана точка безубыточности $\boldsymbol{S}_{min\,j}$ единиц $(j \in \overline{1, n})$.

Тогда можно сформулировать следующую *многокритериальную задачу оптимизации управления бизнес-процессами производственного предприятия*.

Требуется найти *оптимальный вариант реализации бизнес-процессов* $\boldsymbol{B}_{k_{opt}} = \boldsymbol{B}_k \in \boldsymbol{B}_K \ (k = k_{opt} \in \overline{1, K})$, такой, чтобы существовала возможность сформировать соответствующий ему план выпуска готовой продукции, характеризующийся:

- максимальным объемом продаж в стоимостном выражении;
- максимальной прибылью;
- минимальной себестоимостью;
- минимальной трудоемкостью изготовления продукции.

Управляющие переменные для данной задачи имеют вид:

$z^{(k)} = (x^{(k)}, y^{(k)}) = (x_1^{(k)}, x_2^{(k)}, ..., x_n^{(k)}, y_1^{(k)}, y_2^{(k)}, ..., y_{m_k}^{(k)}) \in \mathbf{R}^{(n+m_k)}$ – вектор, включающий плановые объемы задания по выпуску готовой продукции (первые *n* компонент) и первоначальной закупке производственных ресурсов (последующие m_k компонент) при реализации *k*-го варианта бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k \in \boldsymbol{B}_K$ $(k \in \overline{1, K})$. Здесь и далее для любого $k \in \mathbf{N}$, где $\mathbf{N}$ есть множество всех натуральных чисел, $\mathbf{R}^k$ – k-мерное векторное пространство векторов-столбцов (даже если из экономии места они записаны в виде строки).

Тогда, в результате экономико-математического моделирования, для каждого *k*-го варианта реализации бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k \in \boldsymbol{B}_K \ (k \in \overline{1, K})$ можно сформировать следующую задачу линейного математического программирования:

$$\boldsymbol{XY}_k = \begin{cases} z^{(k)} = (x^{(k)}, y^{(k)}): \ (x^{(k)}, y^{(k)}) \in \mathbf{R}^{(n \times m_k)}, \\ \boldsymbol{S}_{min\,j} \le x_j^{(k)} \le \boldsymbol{S}_{max\,j}, \ j \in \overline{1, n}; \\ A^{(k)} x^{(k)} \le b^{(k)} + y^{(k)}; \\ < q, y^{(k)} >_{m_k} \le \boldsymbol{L}_k; \\ b^{(k)} = (b_1^{(k)}, b_2^{(k)}, ..., b_{m_k}^{(k)}) \in \mathbf{R}^{m_k}, \\ q = (q_1, q_2, ..., q_{m_k}) \in \mathbf{R}^{m_k}, \\ y^{(k)} = (y_1^{(k)}, y_2^{(k)}, ..., y_{m_k}^{(k)}) \in \mathbf{R}^{m_k}; \\ x_j^{(k)}, \boldsymbol{S}_{min\,j}, \boldsymbol{S}_{max\,j} \in \mathbf{R}^1; \end{cases} \quad (1)$$

$$
\begin{aligned}
f_1^{(k)} &= -\langle c, x\rangle_n \to min,\\
f_2^{(k)} &= -\left\langle p^{(k)}, x\right\rangle_n \to min,\\
f_3^{(k)} &= \boldsymbol{S}_0^{(k)} + \left\langle r^{(k)}, x\right\rangle_n + \langle q, y\rangle_n \to min,\\
f_4^{(k)} &= \left\langle t^{(k)}, x\right\rangle_n \to min.
\end{aligned}
\qquad (2)
$$

где $A^{(k)} = \left\| a_{ij}^{(k)} \right\|$, $i \in \overline{1, m_k}$, $j \in \overline{1, n}$ – матрица порядка $(m_k \times n)$; c_j – цена единицы продукции *j*-го вида $(j \in \overline{1,n})$, а $c = (c_1, c_2, ..., c_n) \in \mathbf{R}^n$ – вектор цен; $p_j^{(k)}$ – прибыль от единицы продукции *j*-го вида $(j \in \overline{1,n})$ при реализации *k*-го варианта бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$, а $p^{(k)} = (p_1^{(k)}, p_2^{(k)}, ..., p_n^{(k)}) \in \mathbf{R}^n$ – соответствующий вектор прибыли; $\boldsymbol{S}_0^{(k)}$ – общая сумма накладных расходов при реализации *k*-го варианта бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$; $r_j^{(k)}$ – объем прямых расходов на производство единицы продукции *j*-го вида $(j \in \overline{1,n})$ при реализации *k*-го варианта бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$, а $r^{(k)} = (r_1^{(k)}, r_2^{(k)}, ..., r_n^{(k)}) \in \mathbf{R}^n$ – соответствующий вектор прямых расходов; $t_j^{(k)}$ – трудоемкость изготовления единицы продукции *j*-го вида $(j \in \overline{1,n})$ при реализации *k*-го варианта бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$, а $t^{(k)} = (t_1^{(k)}, t_2^{(k)}, ..., t_n^{(k)}) \in \mathbf{R}^n$ – соответствующий вектор трудоемкости; для любых натурального числа $\alpha \in \mathbf{N}$ и векторов $s, d \in \mathbf{R}^\alpha$ символом $\langle s, d\rangle_\alpha$ обозначается их скалярное произведение.

В данной многокритериальной задаче (1), (2) для фиксированного *k*-го варианта реализации бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k$ $(k \in \overline{1,K})$ необходимо найти наилучшее решение $z^{(e,k)} = (x^{(e,k)}, y^{(e,k)}) = (x_1^{(e,k)}, x_2^{(e,k)}, ..., x_n^{(e,k)}, y_1^{(e,k)}, y_2^{(e,k)}, ..., y_{m_k}^{(e,k)}) \in \boldsymbol{XY}_k$, руководствуясь четырьмя различными целями, описываемыми (2). Причем эти цели в той или иной степени противоречат друг другу, т.е. нет такого допустимого решения, которое было бы лучше других из области всех допустимых решений $\boldsymbol{XY}_k \subset \mathbf{R}^{(n \times m_k)}$ данной задачи, описываемой ограничениями (1), с точки зрения всех рассматриваемых четырех критериев, введенных соотношениями (2).

Для решения рассматриваемой многокритериальной оптимизационной задачи, описываемой соотношениями (1), (2), воспользуемся *методом обобщенного критерия* (*методом скаляризации*) [4].

Тогда, для оценивания качества управления рассматриваемыми бизнес-процессами, описываемыми системой (1), (2), для каждого фиксированного *k*-го варианты реализации бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k \in \boldsymbol{B}_K$ ($k \in \overline{1,K}$), введем в рассмотрение векторный функционал (показатель качества процесса) $\boldsymbol{F}^{(k)} = (\boldsymbol{F}_1^{(k)}, \boldsymbol{F}_2^{(k)}, \boldsymbol{F}_3^{(k)}, \boldsymbol{F}_4^{(k)})$, представляющий собой набор из 4 линейных функционалов $\boldsymbol{F}_i^{(k)}$: $\mathbf{R}^{(n \times m_k)} \to \mathbf{R}^1$ ($i \in \overline{1,4}$), таких, что для реализации набора $z^{(k)} = (x^{(k)}, y^{(k)}) \in \mathbf{R}^{(n \times m_k)}$ их значения определяются следующими соотношениями:

$$\boldsymbol{F}_i^{(k)}(z^{(k)}=(x^{(k)},y^{(k)}))=f_i^{(k)}(x^{(k)},y^{(k)}),\ i\in\overline{1,4}, \quad (3)$$

где $f_i^{(k)}$: $\mathbf{R}^{(n\times m_k)}\to\mathbf{R}^1$ – линейный функционал, для каждого $i\in\overline{1,4}$ определяемый одним из соотношений (2).

На основании введенного соотношением (3) векторного функционала $\boldsymbol{F}^{(k)}=(\boldsymbol{F}_1^{(k)},\boldsymbol{F}_2^{(k)},\boldsymbol{F}_3^{(k)},\boldsymbol{F}_4^{(k)})$, для оценки качества рассматриваемого процесса управления бизнес-процессами введем в рассмотрение скалярную целевую функцию $\boldsymbol{\Phi}^{(k)}(z^{(k)}=(x^{(k)},y^{(k)}))$, значения которой для всех допустимых наборов $z^{(k)}=(x^{(k)},y^{(k)})\in\boldsymbol{XY}_k\subset\mathbf{R}^{(n\times m_k)}$ определяются в соответствии с (3) следующим соотношением:

$$\boldsymbol{\Phi}^{(k)}(z^{(k)}=(x^{(k)},y^{(k)}))=\sum_{k=1}^{4}\mu_k\cdot\boldsymbol{F}_i^{(k)}(z^{(k)})=\sum_{i=1}^{4}\mu_i\cdot f_i^{(k)}(x^{(k)},y^{(k)}),$$

$$\forall i\in\overline{1,4}\colon \mu_i\ge 0,\ \sum_{i=1}^{4}\mu_i=1. \quad (4)$$

Отметим, что целевая функция (функционал) $\boldsymbol{\Phi}^{(k)}(z^{(k)})$ является линейной скалярной сверткой векторного функционала $\boldsymbol{F}^{(k)}=(\boldsymbol{F}_1^{(k)},\boldsymbol{F}_2^{(k)},\boldsymbol{F}_3^{(k)},\boldsymbol{F}_4^{(k)})$, т. е. она формируется в соответствии с методом обобщенного критерия (скаляризации) векторных целевых функций (см., например, [4]), с неотрицательными весовыми коэффициентами μ_i, $i\in\overline{1,4}$, выбор которых является достаточно сложной самостоятельной задачей, и они могут определяться, например, экспертным путем или на основании знания статистической информации об истории реализации основных параметров рассматриваемого производственного процесса.

Тогда на основании изложенного выше можно сформулировать с позиции ЛПР его цель в *многокритериальной задаче оптимизации управления бизнес-процессами производственного предприятия* для системы (1)–(4) следующим образом.

Будем считать, что ЛПР заинтересовано в таком исходе управления бизнес-процессами в системе (1) – (4) путем влияния на них возможным выбором допустимых вариантов реализации бизнес-процессов $\boldsymbol{B}_k\in\boldsymbol{B}_K$, $k\in\overline{1,K}$ и выбором допустимого набора $z^{(k)}=(x^{(k)},y^{(k)})\in\boldsymbol{XY}_k\subset\mathbf{R}^{(n\times m_k)}$, при котором функционал $\boldsymbol{\Phi}^{(k)}(z^{(k)})$, определенный соотношением (4), принимает наименьшее возможное значение.

Достижение этой цели ЛПР для рассматриваемой экономико-математической модели (1) – (4) реализуется в рамках решения следующей оптимизационной задачи.

Задача 1. Для имеющегося множества $\boldsymbol{B}_K=\{\boldsymbol{B}_k\}_{k\in\overline{1,K}}$ допустимых вариантов реализации бизнес-процессов производственного предприятия, описываемых системой (1)–(2), требуется найти *оптимальный вариант бизнес-процессов* $\boldsymbol{B}_{k_{opt}}=\boldsymbol{B}_k\in\boldsymbol{B}_K$ $(k=k_{opt}\in\overline{1,K})$ и множество $\boldsymbol{Z}^{(e,k_{opt})}\subseteq\boldsymbol{XY}_{k_{opt}}$ $(k_{opt}\in\overline{1,K})$ всех пар $z^{(e,k_{opt})}=(x^{(e,k_{opt})},y^{(e,k_{opt})})=(x_1^{(e,k_{opt})},x_2^{(e,k_{opt})},\ldots,x_n^{(e,k_{opt})},\ y_1^{(e,k_{opt})},y_2^{(e,k_{opt})},\ldots,y_{m_{k_{opt}}}^{(e,k_{opt})})\in\boldsymbol{XY}_{k_{opt}}$, которое явля-

ется *множеством оптимальных планов производства* и на основании (1)–(4) определяются соотношениями:

$$(\boldsymbol{Z}^{(e,k_{opt})}, \boldsymbol{B}_{k_{opt}}) = \{(z^{(e,k_{opt})}, k_{opt}) : z^{(e,k_{opt})} = (x^{(e,k_{opt})}, y^{(e,k_{opt})}) \in \boldsymbol{XY}_{k_{opt}},\ k_{opt} \in \overline{1,K},$$

$$\boldsymbol{\Phi}^{(k_{opt})}(z^{(e,k_{opt})} = (x^{(e,k_{opt})}, y^{(e,k_{opt})})) = \sum_{i=1}^{4} \mu_i \boldsymbol{F}^{(e,k_{opt})}(z^{(e,k_{opt})}) =$$

$$= \sum_{i=1}^{4} \mu_i f^{(e,k_{opt})}((x^{(e,k_{opt})}, y^{(e,k_{opt})})) =$$

$$= \min_{z^{(k_{opt})} = (x^{(k_{opt})}, y^{(k_{opt})}) \in \boldsymbol{XY}_{k_{opt}}} \boldsymbol{\Phi}^{(k_{opt})}(z^{(k_{opt})} = (x^{(k_{opt})}, y^{(k_{opt})})) =$$

$$= \min_{z^{(k_{opt})} \in \boldsymbol{XY}_{k_{opt}}} \sum_{i=1}^{4} \mu_i \boldsymbol{F}^{(k_{opt})}(z^{(k_{opt})}) =$$

$$\min_{(x^{(k_{opt})}, y^{(k_{opt})}) \in \boldsymbol{XY}_{k_{opt}}} \sum_{i=1}^{4} \mu_i f^{(k_{opt})}((x^{(k_{opt})}, y^{(k_{opt})})) =$$

$$= \min_{k \in \overline{1,K}} \min_{z^{(k)} = (x^{(k)}, y^{(k)}) \in \boldsymbol{XY}_k} \boldsymbol{\Phi}^{(k)}(z^{(k)} = (x^{(k)}, y^{(k)})) =$$

$$= \min_{k \in \overline{1,K}} \min_{z^{(k)} \in \boldsymbol{XY}_k} \sum_{i=1}^{4} \mu_i \boldsymbol{F}^{(k)}(z^{(k)}) = \min_{k \in \overline{1,K}} \min_{(x^{(k)}, y^{(k)}) \in \boldsymbol{XY}_k} \sum_{i=1}^{4} \mu_i f^{(k)}((x^{(k)}, y^{(k)})) =$$

$$= c^{(e)}(\boldsymbol{B}_K),\ (\boldsymbol{Z}^{(e,k_{opt})}, \boldsymbol{B}^{(k_{opt})}),\ \boldsymbol{Z}^{(e,k_{opt})} = \{z^{(e,k_{opt})}\} = \{(x^{(e,k_{opt})}, y^{(e,k_{opt})})\},$$

$$\boldsymbol{B}_{k_{opt}} = \boldsymbol{B}_k \in \boldsymbol{B}_K\ \ (k = k_{opt} \in \overline{1,K})\}. \qquad (5)$$

Здесь функционал $\boldsymbol{\Phi}^{(k)}(z^{(k)})$ определен соотношениями (3), (4).

Число $c^{(e)}(\boldsymbol{B}_K)$ будем называть *оптимальным результатом* для *многокритериальной задачи оптимизации управления бизнес-процессами производственного предприятия*, описываемой экономико-математической моделью (1)–(5).

Отметим, что, учитывая конечность множества $\boldsymbol{B}_K = \{\boldsymbol{B}_k\}_{k \in \overline{1,K}}$, *решение задачи 1 существует и сводится к решению конечного числа задач линейного математического программирования*.

Для решения задачи 1 в данной работе предлагается методика, которая сводится к *решению конечного числа задач дискретной оптимизации и линейного математического программирования* [2; 3].

В заключение отметим, что предлагаемая экономико-математическая модель (1)–(5) *многокритериальной оптимизации управления бизнес-процессами производственного предприятия* позволяет реализовать проведение оптимизационных расчетов по нахождению оптимального варианта реализации бизнес-процессов предприятия и находить соответствующий ему *оптимальный план производства*. На основе предлагаемой экономико-математической модели и методики решения рассматриваемой задачи 1 можно разрабатывать компьютерные информационные системы поддержки принятия управленческих решений, которые будут способствовать повышению экономической эффективности деятельности производственных предприятий.

Литература

1. Репин В. В. Бизнес-процессы. Моделирование, внедрение, управление. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

2. Шориков А. Ф., Виноградова Е. Ю. Динамическая оптимизация комплексного управления технологическими процессами на предприятии // Известия Уральского гос. экон. ун-та. – 2007. – № 1 (18). – С. 254–266.

3. Шориков А. Ф., Рассадина Е. С. Многокритериальная оптимизация формирования ассортимента продукции предприятия // Региональная экономика : научный информационно-аналитический экономический журнал РАН. – 2010. – № 2 (22). – С. 189–196.

4. Лотов А. В. Введение в экономико-математическое моделирование. – М. : Наука : Главная редакция физико-математической литературы, 1984.

5. Математические методы и модели исследования операций : учебник для студентов вузов / под ред. В. А. Колемаева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

6. Орлов А. И. Теория принятия решений : учеб. пособие. – М. : Март, 2004.

Olga Vladimirovna Piksaikina,
Candidate of Economics, Deputy Dean of Business
and Management Department, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)
Elena Alekseevna Khodeneva,
Post-graduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

Economic-Mathematical Model of Management Optimization of Industrial Enterprise's Business Processes

This article examines the economic-mathematical model of optimization of management of business processes. The multicriteria problem is solved using a vector and the problem of linear mathematical programming is formed. For the solution of multicriteria optimization problem the authors use the method of generalized criterion (the method of scalarization). Based on the results of the solution of the problem they intend to obtain the maximum sales volumes; maximum profit; minimum cost; minimum intensity of manufacturing products.
Key words: optimization; multicriteria mathematical model; business processes; product range; technology.

УДК 339.1

Т. О. Акишева[*], Н. В. Хмелькова[**]

Кобрендинг как маркетинговая стратегия альянса: опыт эмпирического исследования эффективности

В статье авторы раскрывают сущность кобрендинга как маркетинговой стратегии, предполагающей объединение компаний для совместного производства и брендирования продукта. В эмпирической части представлены результаты авторского исследования, позволяющего выявить проблему влияния выбора партнера для альянса на эффективность кобрендинга.

Ключевые слова: кобрендинг; альянс; эффективность; маркетинговая стратегия.

Многие компании в настоящее время экспериментируют с маркетинговыми альянсами для создания товаров и услуг с добавленной ценностью. Такое взаимодействие происходит через бренды, которые известны широкому кругу потребителей. В данной статье рассмотрена сущность кобрендинга как маркетинговой стратегии, основанной на альянсе, и обобщены результаты авторского исследования по оценке его эффективности.

Сущность кобрендинга. Кобрендинг является наиболее развитой формой комаркетинга. С. Д. Хант рассматривает комаркетинг как один из видов бизнес-альянса между двумя или несколькими фирмами, которые объединяют свои ресурсы для достижения совместных целей, которые они не смогли бы легко достичь в одиночку [10]. Комаркетинговые альянсы становятся все более распространенными, так как все большее число компаний стремятся развивать партнерские отношения с другими фирмами в целях достижения конкурентного преимущества.

Существуют различные трактовки понятия «кобрендинг». А. Бешарат определяет кобрендинг как долгосрочный вид сотрудничества между двумя или более брендами, конечной целью которого является выпуск нового уникального продукта или услуги, при этом известность брендов представляет собой добавленную ценность [8]. По мнению Т. Блэккета и Б. Боуда, кобрендинг представляет собой совместный проект, созданный в целях продвижения интересов двух или более сторон согласно продуманному стратегическому маркетинговому плану, который включает в себя совместное использование каналов сбыта продаж, совместную рекламу и кросс-пиар, программы лояльности [9].

Исходя из определений главным критерием кобрендинга является наличие у партнеров по кобрендингу общего продукта, который предлагается потребителям под совместным брендом. Это приводит к полной интеграции комплексов маркетинга взаимодействующих компаний [4].

П. Зикерманн выделяет 2 типа кобрендинга [12] .

1. Компонентный (ingredient) брендинг, или вертикальный кобрендинг. В этом случае один бренд является составной частью другого бренда. По мнению Б. Симонин и Д. Руз, при компонентом кобрендинге оба бренда должны содержаться в продукте и не могут быть использованы друг без друга [7]. Ярким примером такого кобрендинга является серия линейки Google Nexus, которая включает смарт-

[*] **Татьяна Олеговна Акишева,** студентка 3-го курса факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[**] **Наталья Владимировна Хмелькова,** д-р экон. наук, доцент, завкафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Т. О. Акишева, Н. В. Хмелькова, 2017

фоны и планшеты с операционной системой Android, выпускаемые Google в сотрудничестве с производителями аппаратного обеспечения, такими как LG, Asus, Samsung, HTC.

2. Комбинированный (composite) брендинг, или горизонтальный кобрендинг. Как отмечают В. Парк, С. Джун и А. Шокер, при комбинированном брендинге два бренда объединяются, чтобы сформировать новый продукт или услугу, а их названия и логотипы используются вместе в комбинированном формате [7]. Например, тайваньская компания ASUS, производящая разнообразную компьютерную технику, и итальянская компания Lamborghini, производящая дорогие суперкары, создали ноутбук ASUS-Lamborghini VX5 «по мотивам» эксклюзивного автомобиля Lamborghini Reventon. Напоминая облик автомобиля Lamborghini Reventon, корпус ASUS-Lamborghini VX5 представляет собой сочетание четких линий и глянцевых поверхностей.

В данной статье общий термин «кобрендинг» используется для обозначения как горизонтальных, так и вертикальных кобрендинговых альянсов.

Эмпирическое исследование эффективности кобрендинга. Для того чтобы сделать выводы относительно эффективности заключаемых брендами маркетинговых альянсов и определяющих ее факторов, было проведено маркетинговое исследование. Объектом исследования выступил кобрендинг компаний Asus и Lamborghini.

В 2006 году компания Asus, производящая разнообразную компьютерную технику, и Lamborghini – производитель дорогих автомобилей запустили линейку продуктов – ноутбуки Asus-Lamborghini серии VX. Каждый ноутбук отражал отдельные черты определенного спортивного кара.

Например, ноутбук VX1 повторял дизайн Lamborghini Gallardo, а именно в дизайне продукта присутствовала ярко-желтая краска, которая используется для покраски кузова спортивного автомобиля, на нижней половине ноутбука присутствовали элементы, напоминающие отдельные детали автомобиля, а на верхней крышке были помещены логотипы компаний Asus и Lamborghini.

Возглавила серию продуктов ASUS-Lamborghini модель VX7, основой для которой послужил образ спортивного автомобиля Lamborghini Murcielago LP640. Как утверждала компания, специалисты ASUS сумели не просто создать высокотехнологичный ноутбук, но и во всей полноте передали особый дух марки Lamborghini, которую с достоинством несет данная машина из мира компьютеров [6].

Характерной чертой данной линейки ноутбуков явились не только дизайн и фирменные цвета автомобилей Lamborghini, но и мощная аппаратная конфигурация. По заявлению компании Asus, ноутбуки ASUS-Lamborghini серии VX ускорялись «в мгновение ока», так же как и послужившие творческой основой автомобили. Поэтому данная линейка ноутбуков была ориентирована на энергичных молодых людей, которые готовы испытать захватывающий дух скорости.

С целью изучения восприятия потребителями ноутбуков ASUS-Lamborghini было проведено анкетирование потребителей. В анкетировании приняли участие 40 человек в возрасте от 18 до 50 лет, проживающих на территории Свердловской области.

В таблице 1 представлена структура выборки, в которой преобладают респонденты мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет.

Таблица 1

Структура выборки, %

Пол		Возраст, лет		Доход (на члена семьи в месяц), р.	
Мужской	**Женский**	**18–35**	**35–50**	**До 10 000**	**10 000–30 000**
60	40	70	30	10	90

При ее формировании учитывалось исследование маркетингового агентства FDFgroup, проведенное в марте 2011 года. Согласно полученным данным, доля потребителей ноутбуков в России наиболее высока среди мужчин (56 % против 44 % среди женщин) в возрасте от 18 до 24 лет (58 % против 24 % в группе от 25 до 39 лет) [2]. Также принимались во внимание данные опроса исследовательской группы TNS Global, проведенного в марте 2012 года, согласно которому 60 % российских автомобилистов составляют мужчины в возрасте от 25 до 54 лет [11].

Общий объем выборки составил 40 человек. Малый объем выборки объясняется проективной методикой исследования, предполагающей, что единицей анализа являются не респонденты, а оценки, которые они выставляют объектам. В этом случае для получения значимых результатов достаточно относительно небольших выборок – 30–50 человек [3].

Для получения интегральной оценки отношения потребителей к ноутбуку Asus-Lamborghini было проведено анкетирование. Для сравнения были выбраны марки ноутбуков Asus и Lamborghini. В последнем случае имелся в виду сценарий выпуска итальянским производителем ноутбука под собственным брендом.

Для определения отношения потребителей была взята модель Фишбейна. Оценка проводилась с применением семибалльной биполярной шкалы от -3 до +3 по формуле [1]:

$$A = \sum_{i=1}^{n} B_i E_i,$$

где A – интегральная оценка отношения к бренду;

B_i – сила мнения, что товар имеет показатель i;

E_i – вес (значимость) для потребителя характеристики i.

Величина B_i измерялась со значениями от «маловероятно» до «очень вероятно», а величина E_i от «очень плохо» до «очень хорошо».

Данная модель показывает отношение потребителя к товару или фирме. Отношение помогает определить позицию товара на рынке и играет существенную роль в формировании поведения потребителя.

Анкета состояла из нескольких частей, так как для получения интегральной оценки необходимо оценить мнения потребителей по каждому показателю для каждой марки. Сначала респондентам было предложено дать оценку значимости характеристик ноутбука. После этого респонденты выставили оценки соответствия ноутбуков под брендами Asus, Lamborghini и Asus-Lamborghini предложенным характеристикам.

Результаты исследования. Как видно из таблицы 2, бренд Asus был оценен респондентами достаточно высоко (интегральная оценка 5,20) и наивысший балл был поставлен по наиболее значимому для потребителей параметру «известный бренд» (1,80). Согласно результатам исследования маркетингового агентства FDFgroup, в России ноутбуки Asus являются самой известной маркой (без подсказки ее называют 75 % респондентов). В этом же исследовании выяснилось, что имидж бренда воспринимает как «оптимальное соотношение цены и качества». При этом имидж дополняется эмоциональной оценкой респондентов «марка для таких, как я» [2].

Таблица 2

Оценка отношения к брендам ноутбуков по методу Фишбейна

Характеристика ноутбука	Вес, кг	Оценка соответствия брендов характеристике		
		Asus	Lamborghini	ASUS-Lamborghini
Стильный дизайн	0,35	0,25	1,60	0,65
Цена не более 30 000 р.	1,45	1,20	-0,80	0,10
Известный бренд	1,60	1,80	1,20	0,40
Мощная аппаратная конфигурация	1,40	0,50	1,30	0,60
Большое время автономной работы	0,85	0,30	0,10	0,20
Небольшой вес	0,15	0,10	-0,20	0,00
Интегральная оценка		5,68	3,20	2,02

Согласно результатам опроса, сценарий выпуска Lamborghini ноутбука под собственным брендом также получил положительную оценку. Однако, по мнению респондентов, существовала вероятность присутствия в таком ноутбуке лишь характеристик стильного дизайна (1,60) и мощной аппаратной конфигурации (1,30). При этом наличие такого важного для них параметра, как цена не более 30 000 р., (-0,80), представлялось им маловероятным.

Исходя из результатов опроса бренд ASUS-Lamborghini оценивался положительно, но ниже, чем если бы Lamborghini выпустил ноутбук самостоятельно. Респонденты предполагали, что такой ноутбук имеет стильный дизайн (0,65) и мощную аппаратную конфигурацию (0,60). Однако совместное использование в названии ноутбука двух брендов привело к снижению интегральной оценки отношения потребителей к общему продукту компаний (с 3,21 у Lamborghini до 2,02 у ASUS-Lamborghini). Предполагаем, что на это повлияло несколько факторов.

1. Бренд Lamborghini в сознании потребителей ассоциируется с дорогими автомобилями, а значит, и ноутбук от этой компании, по мнению потребителей, будет тоже дорогим. Например, сам автомобиль стоит в самой минимальной комплектации 11 000 000 рублей, а цена ASUS-Lamborghini VX7 в России составляет 60 990 рублей.

2. Общий продукт имеет стильный дизайн, как и автомобили Lamborghini. Но при этом данная характеристика не является главной при выборе ноутбука, и потребители не хотят переплачивать за дизайн.

Вывод. Исследование показало, что сотрудничество компаний не является эффективным и каждая из них может производить ноутбуки собственными силами. Полагаем, что причиной сложившейся ситуации является неудачно выбранный компанией ASUS партнер для кобрендинга. В результате сочетание брендов не принесло потребителям дополнительной выгоды. По нашему мнению, дальнейшее изучение кобрендинга должно вестись в направлении разработки принципов и подходов, на основе которых партнеры смогут заключать эффективные кобрендинговые альянсы [5].

Литература

1. Макарова Т. Н. Поведение потребителей: практикум. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 66 с.

2. Маркетинговое исследование потребителей ноутбуков [Электронный ресурс] / FDFgroup. – 2011. – URL: http://www.fdfgroup.ru/?id=234

3. Даудрих Н. И. Психосемантические методы в исследованиях бренда [Электронный ресурс]. – 2003. – URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/brand/psychosem.htm

4. Хмелькова Н. В. Формирование стратегии ко-брендинга в условиях современного рынка. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011. – 296 с.

5. Хмелькова Н. В. К вопросу о выборе партнера в ко-брендинговом стратегическом маркетинговом альянсе // Вестник Гуманитарного университета. – 2013. – № 2. – С. 46–53.

6. ASUS-LamborghiniVX7. Стильная скорость [Электронный ресурс] / ASUS. – 2011. – URL: https://www.asus.com/ru/Notebooks/ASUSAutomobili_Lamborghini_VX7/2011

7. Beckman I., Willas K. Multiple Co-Branding: From the Consumer's Point of View. – Diplomica Verlag GmbH, 2005.

8. Besharat A. A Step Forward Toward Discernment Of Co-Branding Strategy // Proceedings of the 2009 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference. – 2009. – № XXXII (May). – P. 37.

9. Blackett T., Road R. Co-Branding: The Science of Alliance. – Macmillan press ltd, 1999. – 142 p.

10. Singh S., Seo J. Y. Competition and cooperation in partnership arrangements in financial services // The Routledge Companion to Financial Services Marketing. – 2014. – P. 110–115.

11. Whos best-driver [Электрон. ресурс] / TNSglobal – 2011. – URL: http://www.tnsglobal.com/intelligence-applied/whos-best-driver.

12. Zickermann P. Co-Branding: Fit Factors Between Partner Brands. – Anchor Academic Publishing, 2015.

Tatiana Olegovna Akisheva,
Student, Applied Informatics Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)
Natal'ya Vladimirovna Khmelkova,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of Economics and Informatization Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Cobranding as a Marketing Strategy of Alliance:
Experience of Empirical Study of Efficiency

The article reveals the essence of cobranding as a marketing strategy, involving the merger of co-production and product branding. The results of the author's research discover the influence of the choice of a partner for the alliance on efficiency of cobranding.
Key words: cobranding; alliance; efficiency; marketing strategy.

УДК 330.46

Н. А. Красовский [*], А. М. Тарасьев [**]

Построение равновесных траекторий в динамических биматричных координационных играх[1]

В работе рассматривается задача построения равновесных траекторий в динамических биматричных координационных играх. Считается, что игроки распоряжаются движением инвестиционных средств, которое обладает свойством инертности по отношению к поступающим сигналам управления. Стратегии управления строятся на основе принципа обратной связи из теории дифференциальных игр, развиваемой в школе Н. Н. Красовского. Исследуется универсальная постановка игровой задачи, в которой динамика управляемой системы функционирует на бесконечном временном горизонте, а функционалы качества игроков определяются как предельные значения математических ожиданий выигрышей биматричных игр. Решение задачи построения равновесных траекторий осуществляется в рамках теории дифференциальных игр и теории обобщенных минимаксных решений уравнений в частных производных типа Гамильтона–Якоби. Для проверки свойств стабильности построенных решений используется техника сопряженных производных. Предложен алгоритм построения равновесных траекторий на основе стратегий управления, порожденных линиями переключения функций цены. Проводится исследование асимптотического поведения равновесных траекторий, которое выявляет тренды, важные, например, для анализа динамики инвестиций. Предложенный подход генерирует новые качественные свойства равновесных траекторий и обеспечивает значения функционалов выигрыша, превосходящие значения конкурентных статических равновесий по Нэшу. Полученный результат осуществляет идею сдвига динамической системы из неблагоприятного конкурентного равновесия по Нэшу к кооперативным точкам максимума Парето с лучшими значениями функционалов выигрыша. В качестве приложения рассматривается модель инвестиций в газотранспортные системы Восточной Сибири, для которой строятся равновесные траектории, и проводится анализ эффективности вложений.

Ключевые слова: динамические биматричные координационные игры; равновесные траектории; сопряженные производные функций цены; динамические игровые модели инвестиций.

Введение

Работа посвящена построению динамических равновесных траекторий в биматричных координационных играх. Динамика системы обеспечивает возможность управления поведением игроков с помощью управляющих сигналов [5; 6; 9; 14; 16; 17; 19]. Предполагается, что действия игроков инертны в том смысле, что только часть средств может быть инвестирована в каждом временно́м периоде согласно управляющим сигналам. Управляющие параметры в системе не фиксированы априори и могут быть построены на принципе обратной связи в рамках теории дифференциальных игр [4; 7; 13; 18].

Игровая динамика рассматривается на бесконечном горизонте времени, и, соответственно, функционалы качества игроков определяются как пределы средних

[*] **Николай Андреевич Красовский,** канд. физ.-мат. наук, математик отдела динамических систем Института математики и механики им. Н. Н. Красовского УрО РАН (г. Екатеринбург).

E-mail: nkrasovskiy@gmail.com

[**] **Александр Михайлович Тарасьев,** д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО «Гуманитарный университет»; завотделом динамических систем Института математики и механики им. Н. Н. Красовского УрО РАН (г. Екатеринбург).

E-mail: tam@imm.uran.ru

[1] *Работа выполнена при финансовой поддержке проекта УрО РАН 15-16-1-13.*

© Н. А. Красовский, А. М. Тарасьев, 2017

значений, вычисленных по матрицам выигрышей. Такая постановка задачи направлена на нахождение устойчивых ситуаций равновесия в играх, связанных с долгосрочными инвестициями [8].

Для решения задачи используются подходы к методам построения динамического равновесия по Нэшу в неантагонистических позиционных дифференциальных играх, которые развивались в работах А.Ф. Клейменова [3] на основе универсальных стратегий Н. Н. Красовского [7; 18].

Элементы динамического равновесия по Нэшу основаны на гарантированных обратных связях [7; 13; 18], которые можно получить в рамках теории обобщенных минимаксных решений [11] для уравнений Гамильтона–Якоби. В работе аналитически строятся функции цены для серии дифференциальных игр и их свойства стабильности верифицируются с помощью техники сопряженных производных [12]. Равновесные траектории генерируются управляющими линиями переключения функций цены.

Асимптотические свойства равновесных траекторий исследуются для различных начальных положений динамической биматричной игры. Показано, что предложенный подход порождает новые качественные свойства для равновесных траекторий и гарантирует лучшие значения функционалов выигрыша, чем репликаторная динамика в эволюционных играх или значения равновесия по Нэшу в статических биматричных играх. Отметим, что этот результат сочетается с идеей сдвига динамической системы из неблагоприятного равновесия по Нэшу к решениям максимума Парето или решениям с лучшими значениями функционалов выигрыша [1; 2; 5; 6; 19; 20].

Эффективность разработанных алгоритмов демонстрируется приложениями для построения равновесной динамики взаимодействия игроков в биматричных координационных играх. В качестве примера выбрана модель инвестиций в два проекта строительства газопроводов в Восточной Сибири. Игроками выступают российская компания «Газпром» и «Китайская национальная нефтегазовая корпорация». Объектами инвестиций являются две газотранспортные системы: «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» и «Сила Сибири». Значения матриц выигрышей игроков при инвестициях в газотранспортные системы выражены в виде процентных ставок и означают выгоду от соответствующих инвестиций. Значения доходности инвестиций в этих матрицах основаны на реальных данных [10; 22; 23].

Рассматриваются два варианта биматричных координационных игр с разными матрицами выигрышей в соответствии с разными сценариями доходности инвестиций. В первом варианте равновесные траектории при любых начальных данных сходятся к точке равновесия по Нэшу с координатами (1,1), которая обладает кооперативными свойствами точек максимума Парето. Это означает, что инвестиционные средства в динамике переходят полностью в первый проект, которым является газотранспортная система «Сахалин». Во втором варианте равновесные траектории сходятся к точкам границы квадрата, которые также обладают кооперативными свойствами точек максимума Парето. Значения функционалов выигрыша игроков в предельных точках равновесных траекторий имеют лучшие показатели, чем в точке статического равновесия по Нэшу.

Динамическая игра

Рассмотрим систему дифференциальных уравнений, которая описывает динамику поведения двух групп (коалиций) игроков или движение инвестиционных средств:

$$\dot{x} = -x + u,$$

$$\dot{y} = -y + v.$$

Здесь параметры $x, 0 \le x \le 1$ и $y, 0 \le y \le 1$ определяют доли инвестиционных средств, направляемых в соответствующий проект. Другая интерпретация

может быть связана с вероятностной постановкой, в которой параметры *x* и *y* задают вероятности того, как выбранные игроки придерживаются своих выбранных стратегий. Управляющие параметры *u* и *v* удовлетворяют условиям $0 \le u \le 1, 0 \le v \le 1$ и являются сигналами, рекомендующими смену стратегий игроками. Например, значение $u = 0$ $(v = 0)$ соответствует сигналу: «сменить первую стратегию на вторую». Значение $u = 1$ $(v = 1)$ соответствует сигналу: «сменить вторую стратегию на первую». Значение $u = x$ $(v = y)$ соответствует сигналу: «сохранять предыдущую стратегию». В частности, в игре, моделирующей инвестиционный процесс, управляющие сигналы *u, v* задают движение средств из одного проекта в другой.

Терминальные функционалы качества определяются как математическое ожидание выигрышей, задаваемых соответствующими матицами $A = \{a_{ij}\}$, $B = \{b_{ij}\}$, $i, j = 1,2$ в биматричной игре, и могут быть интерпретированы как «локальные» интересы игроков:

$$g_A(x(T), y(T)) = C_A x(T) y(T) - \alpha_1 x(T) - \alpha_2 y(T) + \alpha_{22}$$

в заданный момент времени *T*. Здесь параметры C_A, α_1, α_2 определяются в соответствии с классической теорией биматричных игр [1]:

$$C_A = a_{11} - a_{12} - a_{21} + a_{22},$$
$$\alpha_1 = a_{22} - a_{12},$$
$$\alpha_1 = a_{22} - a_{21}.$$

Функционал качества g_B второго игрока определяется аналогично в соответствии с коэффициентами матрицы *B*.

«Глобальные» интересы I_A^∞ первого игрока определяются как предельные соотношения для функционалов качества на бесконечном горизонте планирования:

$$I_A^\infty = [I_A^-, I_A^+],$$
$$I_A^- = \lim_{t \to \infty} \inf g_A(x(t), y(t)),$$
$$I_A^+ = \lim_{t \to \infty} \sup g_A(x(t), y(t)).$$

Интересы I_B^∞ второго игрока определяются аналогично.

Рассматривается решение динамической игры на основе теории оптимального управления [21] и теории дифференциальных игр [7]. Следуя работам [3; 5; 6; 7; 9], представим понятие динамического равновесия по Нэшу в классе позиционных стратегий (обратных связей) $U = u(t, x, y, \varepsilon)$, $V = v(t, x, y, \varepsilon)$.

Определение 1

Пусть $\varepsilon > 0$ *и* $(x_0, y_0) \in [0,1] \times [0,1]$. *Пара обратных связей* $U^0 = u^0(t, x, y, \varepsilon)$, $V^0 = v^0(t, x, y, \varepsilon)$ *называется равновесием по Нэшу для начального положения* (x_0, y_0), *если для любых других обратных связей* $U = u(t, x, y, \varepsilon)$, $V = v(t, x, y, \varepsilon)$ *выполняется следующее условие: неравенства*

$$I_A^-(x^0(\cdot), y^0(\cdot)) \ge I_A^+(x_1(\cdot), y_1(\cdot)) - \varepsilon,$$
$$I_B^-(x^0(\cdot), y^0(\cdot)) \ge I_B^+(x_2(\cdot), y_2(\cdot)) - \varepsilon$$

выполняются для всех траекторий

$$(x^0(\cdot), y^0(\cdot)) \in X(x_0, y_0, U^0, V^0),$$
$$(x_1(\cdot), y_1(\cdot)) \in X(x_0, y_0, U, V^0),$$
$$(x_2(\cdot), y_2(\cdot)) \in X(x_0, y_0, U^0, V),$$

Здесь символ X обозначает множество траекторий, которые стартуют из начальной позиции (x_0, y_0) *и генерируются соответствующими стратегиями* (U^0, V^0), (U, V^0), (U^0, V).

Динамическое равновесие по Нэшу может быть построено путем склейки «позитивных» обратных связей u_A^0, v_B^0 и «наказывающих» обратных связей u_B^0, v_A^0 в соответствии с соотношениями [3]:

$$U^0 = u^0(t,x,y,\varepsilon) = \begin{cases} u_A^\varepsilon(t), \|(x,y) - (x_\varepsilon(t), y_\varepsilon(t))\| < \varepsilon, \\ u_B^0(x,y), \quad \text{в противном случае,} \end{cases}$$

$$V^0 = v^0(t,x,y,\varepsilon) = \begin{cases} v_B^\varepsilon(t), \|(x,y) - (x_\varepsilon(t), y_\varepsilon(t))\| < \varepsilon, \\ v_A^0(x,y), \quad \text{в противном случае.} \end{cases}$$

Функция цены для «позитивных» обратных связей

Основное значение при построении динамического равновесия по Нэшу принадлежит «позитивным» обратным связям u_A^0, v_B^0, которые гарантированно максимизируют значения величин g_A, g_B на бесконечном горизонте времени $T \to \infty$. С этой целью строятся функции цены w_A, w_B в играх с нулевой суммой на бесконечном горизонте. Основываясь на методе обобщенных характеристик уравнений Гамильтона–Якоби, получим аналитическую структуру функции цены. В случае, когда $C_A > 0$, функция цены w_A определяется системой четырех функций:

$$w_A(x,y) = \psi_A^i(x,y), \quad \text{если } (x,y) \in E_A^i, \quad i = 1,\dots,4,$$

$$\psi_A^1(x,y) = a_{22} - \frac{(a_1 x + a_2 y)^2}{4C_A xy},$$

$$\psi_A^2(x,y) = a_{11} - \frac{((C_A - a_1)(1-x) + (C_A - a_2)(1-y))^2}{4C_A(1-x)(1-y)},$$

$$\psi_A^3(x,y) = C_A xy - a_1 x - a_2 y + a_{22},$$

$$\psi_A^4(x,y) = \frac{a_{22}C_A - a_1 a_2}{C_A} = v_A.$$

Здесь v_A является ценой статической игры с матрицей *A*. Функция цены w_A представлена на рисунке 1. Здесь показаны линии $KA_1, KA_2, KA_3, KA_4, KA_5$, которые делят квадрат возможных ситуаций игры на области EA_1, EA_2, EA_3, EA_4, в которых функция цены определяется функциями $\psi_A^1, \psi_A^2, \psi_A^3, \psi_A^4$. Наиболее значимыми из них являются линии KA_2, KA_3, которые определяют смену сигналов в стратегии управления и поэтому называются линиями переключения.

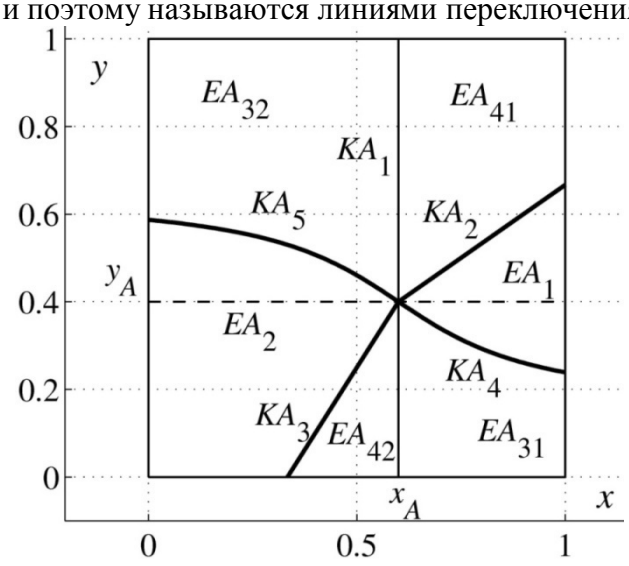


Рис. 1. Структура функции цены w_A

Показано, что функция цены w_A имеет свойства *u*-стабильности и *v*-стабильности [7; 18], что может быть выражено в виде сопряженных производных [12]:

$$D_* w_A(x,y)|s \le H(x,y,s), \qquad (x,y) \in (0,1) \times (0,1),$$
$$s = (s_1, s_2) \in R^2,$$
$$D^* w_A(x,y)|s \ge H(x,y,s), \qquad (x,y) \in (0,1) \times (0,1),$$
$$w_A(x,y) \le g_A(x,y), \qquad s = (s_1, s_2) \in R^2.$$

Здесь сопряженные производные $D_* w_A$ и $D^* w_A$ и Гамильтониан H определяются следующим образом:

$$D^* w_A(x,y)|s = \sup_{h \in R^2} \left(\langle s, h \rangle - \partial_- w_A(x,y)|(h) \right),$$
$$D_* w_A(x,y)|s = \inf_{h \in R^2} \left(\langle s, h \rangle - \partial_+ w_A(x,y)|(h) \right),$$
$$H(x,y,s) = -s_1 x - s_2 y + \max\{0, s_1\} + \max\{0, s_2\}.$$

Модель

Рассмотрим пример координационной игры. Напомним, что в таких играх функции выигрышей игроков не являются прямо противоположными и подразумевают скоординированные решения. Например, такая ситуация описывает процесс инвестирования в два аналогичных проекта.

Возьмем для примера ситуацию инвестирования средств двумя компаниями в два проекта строительства газопроводов. Пусть первым игроком является российская компания «Газпром», вторым игроком «Китайская национальная нефтегазовая корпорация». Компании инвестируют средства в два проекта: «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» и «Сила Сибири».

Рис. 2. Газопроводы «Сахалин» и «Сила Сибири». (Источник: gazprom.ru)

На рисунке 2 газопровод «Сахалин» показан сплошной линией, а газопровод «Сила Сибири» – пунктирной линией.

Проект газотранспортной системы «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» является первой на востоке России межрегиональной газотранспортной системой. Она предназначена для доставки газа, добываемого на шельфе Сахалина, потребителям Хабаровского и Приморского краев. Газотранспортная система создала условия для их масштабной газификации и поставок газа в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе в Китай. Для нашей модели важным обстоятельством является то, что значительная часть этой газотранспортной системы до Владивостока уже построена.

Магистральный газопровод «Сила Сибири» будет транспортировать газ Иркутского и Якутского центров газодобычи российским потребителям на Дальнем Востоке и в Китай («восточный» маршрут»). Этот проект отличается от проекта «Сахалин» тем, что значительная его часть еще не построена.

Согласно источникам [23], средневзвешенная норма доходности (WACC) функционирующего газотранспортного проекта составляет 13 %. Предполагается, что при условии продления газопровода «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» на территорию Китая компания «Газпром» на новом участке будет иметь 10%-ную доходность инвестиций, а Китайская компания будет иметь 16%-ную доходность с учетом равнодолевого участия. При этом доходность рассчитывается для доходов, полученных в валютно-экспортных торговых операциях. Если же продолжение газопровода «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» на территории Китая не будет функционировать, то Китайская компания получает нулевую доходность, а «Газпром» будет получать 7%-ную доходность с учетом инфляции и понижения курса рубля на функционирующей части газопровода в России.

Согласно данным из работы [10] средневзвешенная норма доходности строящегося проекта «Сила Сибири» составляет 17 %. В связи с этим доходность компании «Газпром» как собственника проекта может составить 23 %, а доходность китайской компании [22] составит 11% при условии равнодолевого участия. В случае если проект «Сила Сибири» не будет реализован, доходности обеих компании равны нулю.

Указанные данные могут быть формализованы в матрицах биматричной игры. В этой игре выбор первой строки первым игроком (компанией «Газпром») означает инвестирование в проект «Сахалин», а второй строки – в проект «Сила Сибири». При этом выбор первого столбца вторым игроком («Китайская национальная нефтегазовая корпорация») означает инвестирование им в проект «Сахалин», а второго столбца – в проект «Сила Сибири». Выигрыши игроков определяются как доходность от соответствующих инвестиций, выраженная в виде процентных ставок. Первая матрица (матрица А) соответствует выигрышам компании «Газпром» (первого игрока), а вторая матрица (матрица В) описывает выигрыши Китайской компании (второго игрока).

Таким образом, матрицы выигрышей первого и второго игрока задаются следующими параметрами, выражающими процентные ставки доходности инвестиционных проектов:

$$A = \begin{pmatrix} 10 & 7 \\ 0 & 23 \end{pmatrix}, \quad B = \begin{pmatrix} 16 & 0 \\ 0 & 11 \end{pmatrix}.$$

Видно, что игроки ничего не выигрывают или выигрывают мало, если вкладываются в разные проекты, и, наоборот, получают больше выгоды, когда вкладываются в одинаковые проекты.

Параметры статической биматричной игры определяются соотношениями:

$$C_A = a_{11} - a_{12} - a_{21} + a_{22} = 10 - 7 - 0 + 23 = 26,$$
$$a_1 = a_{22} - a_{12} = 23 - 7 = 16,$$
$$a_2 = a_{22} - a_{21} = 23 - 0 = 23,$$
$$x_A = \frac{a_2}{C_A} = \frac{23}{26} = 0.88,$$
$$y_A = \frac{a_1}{C_A} = \frac{16}{26} = 0.62,$$
$$C_B = b_{11} - b_{12} - b_{21} + b_{22} = 16 - 0 - 0 + 11 = 25,$$
$$\beta_1 = b_{22} - b_{12} = 11 - 0 = 11,$$

$$\beta_2 = b_{22} - b_{21} = 11 - 0 = 11,$$
$$x_B = \frac{\beta_2}{C_B} = \frac{11}{25} = 0.44,$$
$$y_B = \frac{\beta_1}{C_B} = \frac{11}{25} = 0.44,$$

Такой вариант биматричной игры подразумевает существование трех статических равновесий по Нэшу [1].

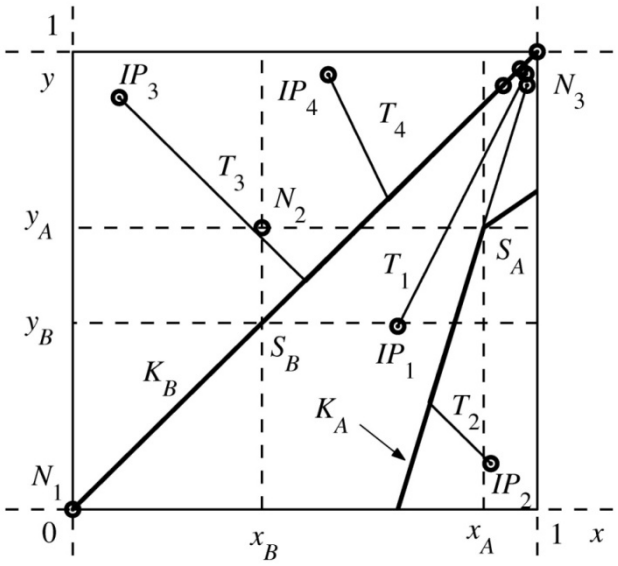


Рис. 3. Равновесные траектории в биматричной координационной игре. Сценарий 1

На рисунке 3 представлен случай с тремя статическими равновесиями по Нэшу N_1, N_2, N_3 в биматричной координационной игре. Управляющие линии переключения K_A, K_B генерируются функцией цены, построенной с помощью теории обобщенных минимаксных решений уравнений Гамильтона–Якоби. Отметим, что линии переключения K_A, K_B связаны с седловыми точками S_A, S_B антагонистических матричных игр с матрицами A и B соответственно и ориентированы на вершины квадрата возможных ситуаций игры. Проведены вычислительные эксперименты, в которых равновесные траектории T_1, T_2, T_3, T_4 начинают движение из начальных позиций IP_1, IP_2, IP_3, IP_4, расположенных в качественно различных областях игры. В рассматриваемом сценарии 1 линии переключения K_A и K_B не пересекаются, и поэтому, отсутствует точка пересечения, к которой могли бы сходиться равновесные траектории. В этом сценарии равновесные траектории имеют следующее качественное поведение: они двигаются вдоль характеристик уравнений Гамильтона–Якоби, затем встречаются с линиями переключения K_A или K_B и после этого скользят вдоль этих линий в направлении точки равновесия по Нэшу N_3, которая обладает также свойствами точек максимума Парето. Значения функционалов выигрыша обоих игроков в асимптотически предельной точке N_3 равны следующим значениям процентных ставок доходности:

$$g_A(N_3) = 10, \qquad g_B(N_3) = 16,$$

которые выше значений ставок доходности в точке конкурентного равновесия по Нэшу N_2:

$$g_A(N_2) = 8.8, \qquad g_B(N_2) = 6.5.$$

Таким образом, в сценарии 1 осуществляется сдвиг от неблагоприятного конкурентного равновесия по Нэшу N_2 к благоприятному кооперативному равновесию N_3, обладающему свойством точки максимума Парето.

Рассмотрим второй сценарий игры, при котором матрицы выигрышей (процентных ставок доходности) игроков немного исправляются по сравнению с первым сценарием:

$$A = \begin{pmatrix} 10 & 0 \\ 7 & 23 \end{pmatrix}, \quad B = \begin{pmatrix} 19 & 0 \\ 4 & 11 \end{pmatrix}.$$

Аналогично формулам решения статических биматричных игр [1] получаются следующие значения для координат седловых точек и точки равновесия по Нэшу N_2:

$$x_A = 0.62, \quad y_A = 0.88,$$
$$x_B = 0.27, \quad y_B = 0.42.$$

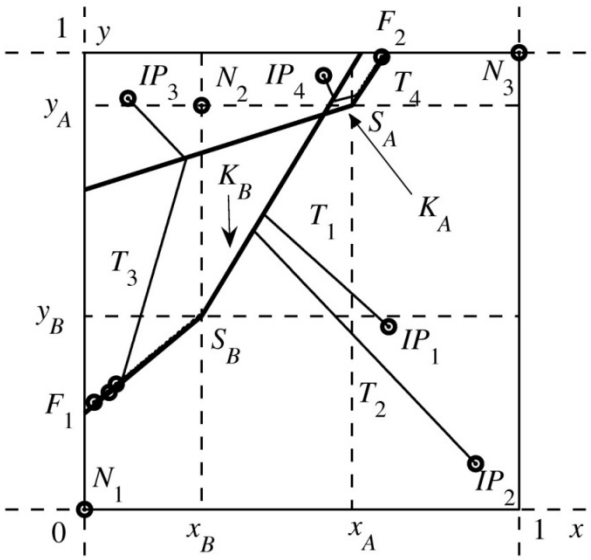


Рис. 4. Равновесные траектории в биматричной координационной игре. Сценарий 2

На рисунке 4 показан случай, в котором линии переключения K_A и K_B пересекаются внутри квадрата возможных ситуаций игры. Отметим, что в сценарии 2 точка пересечения линий переключения K_A, K_B не является притяжением равновесных траекторий, как это происходит в модели Курно [15]. Вычислительные эксперименты показывают, что равновесные траектории имеют следующее качественное поведение: они двигаются вдоль характеристик уравнений Гамильтона–Якоби, затем встречаются с линиями переключения K_A или K_B и после этого скользят вдоль этих линий переключения до тех пор, пока не встретятся с границами единичного квадрата, которые обладают свойствами точек максимума Парето.

Отметим, что в сценарии 2 предельные точки равновесных траекторий зависят от начальных позиций IP_1, IP_2, IP_3, IP_4, расположенных в качественно различных областях игры. Так, для начальных позиций IP_1, IP_2, IP_3 траектории T_1, T_2, T_3 сходятся к точке F_1, имеющей свойство максимума Парето и лежащей на левой границе квадрата. Для начальной позиции IP_4 траектория T_4 сходится к точке F_2, имеющей свойство максимума Парето и лежащей на верхней границе квадрата.

Во втором сценарии, так же как и в первом, значения функционалов выигрыша игроков (в виде процентных ставок доходности) в предельных точках F_1, F_2 равновесных траекторий T_1, T_2, T_3, T_4 строго больше, чем значения функционалов выигрыша в точке конкурентного статического равновесия по Нэшу N_2:

$$g_A(F_1) = 19.6, \quad g_B(F_1) = 9.5,$$
$$g_A(F_2) = 9.1, \quad g_B(F_1) = 14.4,$$
$$g_A(N_2) = 8.8, \quad g_B(N_2) = 8.0.$$

Очевидно, что и во втором сценарии происходит сдвиг от неблагоприятного конкурентного статического равновесия N_2 к благоприятным точкам динамического равновесия F_1, F_2, обладающим свойствами максимума Парето.

Литература

1. Воробьев Н. Н. Теория игр для экономистов-кибернетиков. – М. : Наука, 1985.
2. Зенкевич Н. А., Петросян Л. А., Янг Д. В. К. Динамические игры и их приложения в менеджменте. – СПб. : Высшая школа менеджмента, 2009.
3. Клейменов А. Ф. Неантагонистические позиционные дифференциальные игры. – Екатеринбург : Наука, 1993.
4. Красовский А. Н., Ладейщиков А. Н., Чой Е. С. Некоторые задачи оптимального управления при дефиците информации. – Екатеринбург : УрГАУ, 2014.
5. Красовский Н. А., Кряжимский А. В., Тарасьев А. М. Уравнения Гамильтона–Якоби в эволюционных играх // Труды ИММ УрО РАН. – 2014. – Т. 20, № 3. – С. 114–131.
6. Красовский Н. А., Тарасьев А. М. Равновесные решения в динамических играх. – Екатеринбург : УрГАУ, 2015.
7. Красовский Н. Н., Субботин А. И. Позиционные дифференциальные игры. – М. : Наука, 1974.
8. Крушвиц Л. Финансирование и инвестиции. – СПб. : Питер, 2000.
9. Кряжимский А. В., Осипов Ю. С. О дифференциально-эволюционных играх // Труды МИАН. – 1995. – Т. 211. – С. 257–287.
10. Никонов О. И., Минуллин Я. Е. Равновесные модели развития энергетических инфраструктур // Вестник УГТУ-УПИ. – 2003. – № 1. – С. 100–109.
11. Субботин А. И. Минимаксные неравенства и уравнения Гамильтона–Якоби. – М. : Наука. 1991. – 214 с.
12. Субботин А. И., Тарасьев А. М. Сопряженные производные функции цены дифференциальной игры // Доклады АН СССР. – 1985.– Т. 283, № 3. – С. 559–564.
13. Ушаков В. Н., Гусейнов Х. Г., Латушкин Я. А., Лебедев П. Д. О совпадении максимальных стабильных мостов в двух игровых задачах о сближении для стационарных управляемых систем // Труды ИММ УрО РАН. – 2009. – Т. 1, №. 3. – С. 219–240.
14. Friedman D. Evolutionary Games in Economics // Econometrica. – 1991. – Vol. 59, No. 3. – P. 637–666.
15. Intriligator M. Mathematical Optimization and Economic Theory. – New York : Prentice-Hall, 1971.
16. Klaassen G., Kryazhimskii A., Tarasyev A. Competition of Gas Pipeline Projects: Game of Timing. – Laxenburg : IIASA, 2001. – IR-01-037.
17. Krasovskii A. A., Matrosov I. V., Tarasyev A. M. Optimal Timing Control in Game Modeling of an Energy Project Infrastructure // Nonlinear Analysis. – 2009. – Vol. 71, No. 12. – P. E2498-E2506.
18. Krasovskii A. N., Krasovskii N. N. Control Under Lack of Information. – Boston etc. : Birkhauser, 1995.
19. Krasovskii N. A., Tarasyev A. M. Decomposition Algorithm of Searching Equilibria in a Dynamic Game // Automation and Remote Control. – 2015. – Vol. 76, No. 10. – P. 1865–1893.
20. Petrosjan L. A., Mazalov V. V. Handbook of Game Theory. – New York : Nova Science Pub Inc, 2008.
21. Pontryagin L. S., Boltyanskii V. G., Gamkrelidze R. V., and Mischenko E. F. The Mathematical Theory of Optimal Processes. – New York : Interscience, 1962.
22. Годовой отчет компании «Китайская национальная нефтегазовая корпорация» за 2013 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cnpc.com.cn/ru/
23. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2015 год «Многополярная энергия» [Электронный ресурс]. – URL: www.gazprom.ru/f/posts/91/902567/gazprom-annual-report-2015-ru.pdf

Nikolay Andreyevich Krasovskii,
Candidate of Physics and Mathematics,
Mathematician of the Dynamic Systems Department,
Krasovskii Institute of Mathematics
and Mechanics UrB RAS (Ekaterinburg)
Alexander Mikhailovich Tarasyev,
Doctor of Physics and Mathematics,
Professor at Management and Marketing Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities;
Head of the Dynamic Systems Department,
Krasovskii Institute of Mathematics
and Mechanics UrB RAS (Ekaterinburg)

Construction of Equilibrium Trajectories in Dynamical Bimatrix Coordination Games

The paper deals with the problem of construction of equilibrium trajectories in dynamical bimatrix coordination games. Players manage the investment motion, which is inertial with respect to control signals. Control strategies are constructed via the feedback principle from the differential games theory, developed in N.N. Krasovskii's scientific school. The universal formulation of the game problem is investigated, in which the dynamics of the controlled system operates on the infinite time horizon, and players' functionals are determined as the limit of the expected values of bimatrix games payoffs. The solution for the problem of construction of equilibrium trajectories is implemented in the framework of the differential games theory and the theory of generalized minimax solutions of partial differential equations of the Hamilton-Jacobi type. The technique of conjugate derivatives is used to verify the stability property for the proposed solutions. An algorithm for construction of equilibrium trajectories is designed based on control strategies, generated by switching lines of the value function. The asymptotic behavior of equilibrium trajectories is investigated, which reveals important trends for the investments dynamics analysis. The proposed approach generates new qualitative properties of equilibrium trajectories and provides better results than values of competitive static Nash equilibria. The obtained result implements the idea for shifting the dynamical system from unfavorable competitive Nash equilibria to cooperative Pareto maximum points with better payoffs. As an application, a model of investments is examined for East Siberian gas pipeline projects, in which equilibrium trajectories are constructed and investment efficiency is analyzed.
Keywords: dynamical bimatrix coordination games; equilibrium trajectories; conjugate derivatives of value functions; dynamical game models of investments.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342:336

И. А. Михайленко[*], О. А. Теплякова[**]

К вопросу о проблемах бюджетного федерализма

В условиях экономической нестабильности особое значение приобретает вопрос рационализации распределения налоговых поступлений между Российской Федерацией и входящими в ее состав субъектами. В статье определяется сущность бюджетного федерализма, рассматриваются сложившиеся в мировой практике три типа бюджетного федерализма. На основе изучения специфики существующей в Российской Федерации модели бюджетного федерализма и межбюджетных отношений, для которых характерно сосредоточение налоговых поступлений «в центре», несоответствие расходных обязательств субъекта Федерации его собственным доходным полномочиям, в статье делается вывод, что российский бюджетный федерализм нарушает основополагающие принципы межбюджетных отношений, характерных для федеративного государства. На основе анализа статистики авторы приходят к заключению о том, что современные межбюджетные отношения нашего государства приводят к незаинтересованности регионов в развитии своего налогового потенциала, увеличивают количество субъектов, нуждающихся в дотациях, при одновременном постепенном сокращении числа субъектов-доноров. Авторы предлагают пути совершенствования бюджетной системы с тем, чтобы обеспечить более эффективное распределение налоговых поступлений между субъектами и Федерацией. От результативности решения обостряющейся проблемы бюджетного федерализма зависит дальнейшее укрепление целостности России как федерации.

Ключевые слова: налоги; бюджет; бюджетная система; бюджетный федерализм; межбюджетные отношения.

Как отметил В. В. Путин в своем ежегодном послании к Федеральному Собранию, стоящие перед страной задачи нам приходится решать в сложное и неординарное время. В условиях экономического кризиса и напряженной международной обстановки важное значение приобретает возможность оперативного решения возникающих проблем, что, безусловно, требует значительных финансовых ресурсов – бюджетных средств. От того, насколько эффективно устроена бюджетная система Российской Федерации, зависит, сможет ли страна справиться с брошенными ей в наши дни вызовами.

Форма государственного устройства страны накладывает существенный отпечаток на структуру ее бюджетной системы.

Первым юридическим актом, содержащим положение о федеративном устройстве Российского государства, стал Федеративный договор, подписанный 31 марта 1992 года. Договор закрепил добровольное соглашение о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов. Позднее его основные положения легли в основу закрепленных в Конституции 1993 г. принципов государственного устройства Российской Федерации.

Статья 1 Конституции Российской Федерации закрепляет, что «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Из конституционной нормы следует, что

[*] **Ирина Александровна Михайленко,** студентка 4-го курса направления «Юриспруденция», Институт государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

E-mail: iramikhailenko@gmail.com

[**] **Ольга Андреевна Теплякова,** д-р юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Институт государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

© И. А. Михайленко, О. А. Теплякова, 2017

федеративность как форма государственного устройства является основополагающим принципом построения государства.

На сегодняшний день одной из ключевых и наиболее острых проблем бюджетной системы Российской Федерации является проведение в жизнь принципа бюджетного федерализма.

Как отмечает В. А. Алешин, под бюджетным федерализмом следует понимать форму обеспечения единства и, одновременно, самостоятельности бюджетов различных уровней государственной власти в соответствии с их функциями и полномочиями, основанную на закрепленных в законодательстве нормах [1, с. 116]. Бюджетный федерализм строится на основе сочетания интересов федерального и региональных бюджетов.

В идеале бюджетный федерализм предполагает, что объем расходных полномочий, закрепленный за данным уровнем государственной власти (федеральным или региональным), должен соответствовать объему доходных полномочий. На практике между ними, бесспорно, возникает разрыв, вследствие чего бюджетный федерализм предполагает выравнивание бюджетных систем. Можно выделить вертикальное выравнивание, целью которого является обеспечение финансовой базы для реализации возложенных полномочий, происходящее, с одной стороны, за счет дотаций, субсидий, субвенций, бюджетной ссуды, бюджетного кредита, а с другой стороны – благодаря долевому участию при распределении налогового потенциала государства. Горизонтальное выравнивание преследует обеспечение единого стандартного потребления государственных услуг для уменьшения диспропорций между богатыми и бедными регионами не посредством распределения конкретных взимаемых налогов на уровне субъектов, а с помощью централизованного перераспределения средств специальных фондов.

Из анализа сложившейся мировой практики можно выделить три модели бюджетного федерализма.

Классическая модель бюджетного федерализма строится на основе принципа «один налог в один бюджет». Для данной модели характерна высокая степень децентрализации. Бюджетная система США построена именно на этой модели. В этом государстве перед бюджетной системой не стоит задача по выравниванию налоговых потенциалов регионов, а поддержка штатов происходит на базе программно-целевого метода [2, с. 118].

Вторая модель – модель кооперативного бюджетного федерализма, ориентирована на взаимопомощь, активную деятельность центра по выравниванию бюджетной обеспеченности субъектов. Данная модель применяется в Германии, где после объединения восточной и западной частей наблюдается значительный разрыв между землями. 73 % налогов здесь взимаются на уровне центра, а объем финансовых поступлений из центра составляет, по меньшей мере, 20 % доходной части бюджетов земель [3, с. 39]. Российскую Федерацию можно отнести к кооперативной модели.

Для некоторых государств (Канада, Швейцария) характерна смешанная модель бюджетного федерализма, сочетающая черты классической и кооперативной моделей. Так, в Канаде 48 % налогов взимаются на уровне центра и в то же время финансовая помощь из федерального бюджета составляет 15 % доходной части субъектов.

Принцип федерализма нашел свое отражение в Бюджетном кодексе Российской Федерации *(далее – БК РФ)*. Базовыми принципами построения бюджетной системы нашей страны являются принципы разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации (ст. 30 БК РФ), а также самостоятельности бюджетов (ст. 31 БК РФ). Провозглашенный в ст. 29 БК РФ принцип единства бюд-

жетной системы не предполагает слияния бюджетов либо поглощения региональных бюджетов федеральным.

В целом российскую систему межбюджетных отношений можно считать уже сформированной: закреплены принципы, разработаны механизмы функционирования этой системы, законодательно разграничены предметы ведения Федерации и субъектов, за центром и регионами закреплены доходные источники, установлены основания предоставления межбюджетных трансфертов. Однако сложившийся сегодня в Российской Федерации механизм распределения налогов между различными уровнями налоговой системы не способен обеспечить реализацию поставленной перед ним задачи – поддержание стабильности экономики. Это обусловлено явным отходом от базовых принципов бюджетного федерализма: крайне высокой централизацией налогово-бюджетных полномочий на федеральном уровне; передачей финансовых обязательств с федерального на региональные уровни без достаточного финансового обеспечения; несамостоятельностью регионов в решении своих социально-экономических вопросов, обусловленной финансовой зависимостью от центра.

В нашей стране сложилась достаточно противоречивая и малоэффективная модель распределения налоговых поступлений между федеральным и региональными бюджетами, характерная скорее для унитарного государства, чем для федеративного. В соответствии со статистическими данными наибольший удельный вес в величине налогового потенциала субъектов составили налог на доходы физических лиц (30 %), налог на прибыль организации (23 %), налог на имущество организации (11 %) [4].

Таблица 1

Соотношение доходов и расходов федерального бюджета РФ и консолидированных бюджетов субъектов РФ, %

Показатель	**2005 г.**		**2010 г.**		**2015 г.**	
	Федеральный бюджет	Консолидированный бюджетов субъектов РФ	Федеральный бюджет	Консолидированный бюджетов субъектов РФ	Федеральный бюджет	Консолидированный бюджетов субъектов РФ
Доходы	63	37	63	37	66	34
Расходы	54	46	56	44	68	32
Налоговые доходы	59	41	54	46	56	44

В структуре расходов федерального бюджета статья «Межбюджетные трансферты» достаточно весома. За период с 2005-го по 2015 г. объем межбюджетных трансфертов увеличился практически в два раза (исходя из данных реального ВВП).

Таблица 2

Межбюджетные трансферты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации

Показатель	Год			
	2005	2009	2010	2015
Трансферты, % в ВВП	2,0	3,8	2,9	2,0
Трансферты, % в расходах федерального бюджета	7,0	25,1	12,9	9,6

На сегодняшний день сохраняется зависимость региональных бюджетов от федеральных трансфертов. Можно констатировать, что последние двадцать лет большая часть субъектов (72 из 85) имеет дотационные бюджеты. Доходная часть бюджетов 9 регионов более чем на 60 % сформирована за счет межбюджетных трансфертов (г. Севастополь, республики Ингушетия, Алтай, Тыва, Крым, Дагестан, Чеченская, Карачаево-Черкесская; Камчатский край). Кроме того, в бюджетах 12 регионов доля межбюджетных трансфертов превышает 40 %. В региональные бюджеты поступает менее 50 % налоговых платежей, собираемых на подведомственной им территории, вследствие чего субъекты не заинтересованы в повышении эффективности реализации налогового потенциала.

Таблица 3

Доля межбюджетных трансфертов в доходах бюджетов субъектов Российской Федерации по федеральным округам, 2012–2015 гг., %

Федеральные округа	2012	2013	2014	2015
Центральный	13,56	11,07	10,53	10,92
Северо-Западный	16,72	14,92	14,29	11,73
Южный	26,82	20,07	20,24	20,47
Северо-Кавказский	63,91	60,83	60,76	59,79
Приволжский	21,80	19,39	19,54	19,04
Уральский	10,29	9,11	8,02	7,98
Сибирский	23,27	23,40	24,72	22,74
Дальневосточный	32,03	36,01	28,23	22,75
Крымский	-	-	78,41	67,47

Анализируя статистические данные о доле межбюджетных трансфертов в доходах бюджетов субъектов, можно прийти к выводу о наличии положительной динамики, выраженной в постепенном уменьшении безвозмездных поступлений в структуре региональных субъектов. В то же время стоит отметить, что снижение показателя происходит крайне медленно, а сам процент межбюджетных трансфертов в доходной части бюджетов ряда федеральных округов, превышающий 50 %, говорит о том, что регионы по-прежнему остаются финансово зависимыми от центра.

Статистические данные показывают постепенное снижение количества регионов-доноров. Если по итогам 2005 года число регионов-доноров составляло 19 из 87, к 2013 году их количество уменьшилось вдвое и составило уже 10 из 83. В 2016 году мы видим небольшой прирост количества регионов-реципиентов (13 из 85) на фоне увеличения количества субъектов Федерации. За рассматриваемый период дотационными стали Пермский и Красноярский края, Липецкая, Ярославская, Оренбургская и Челябинская области, а также Республика Коми. Переход регионов из разряда доноров в дотационные обусловлен не внутриэкономическими причинами, а проводимой политикой межбюджетных отношений, носящей дестимулирующий характер. Как отмечает губернатор Калужской области Анатолий Артамонов, сегодня субъекту проще и выгоднее быть дотационным, чем по-

стоянно прикладывать свои усилия для обеспечения роста экономических показателей, расширения налоговой базы, повышения бюджетной обеспеченности [5].

Тюменская область входит в число субъектов-доноров. Она является одним из регионов, вносящих наибольший вклад в экономику страны. В период с 2005-го по 2016 г. на область приходилось в среднем 8–12 % суммы ВРП субъектов Российской Федерации [6].

Тюменская область всегда считалась благополучным с точки зрения доходов бюджета субъектом. Область имеет выгодное географическое положение, являясь связующим звеном между западными и восточными регионами, промышленным Уралом и нефтегазовым Севером. Тюменская область располагает значительным экономическим и социальным потенциалом, привлекательна для инвесторов, относится к регионам с высокой инновационной активностью. Экономика региона является многоотраслевой. В структуре ВРП юга Тюменской области основными отраслями являются: строительство, промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, деятельность по реализации товаров и услуг.

Показатели социально-экономического развития юга Тюменской области за первые девять месяцев 2016 год свидетельствуют о положительной динамике роста производства: индекс промышленного производства составил 102 %, индекс производства по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» – 106,4 %. Добыто 9,3 млн тонн нефти (105,5 % к уровню аналогичного периода 2015 г.).

Ключевой особенностью Тюменской области является то, что природные факторы, прежде всего нефтегазовые ресурсы, оказывают предопределяющее влияние на развитие ее экономики.

Наблюдаемый экономический рост положительно сказывается на уровне жизни населения. За первые девять месяцев 2016 года среднемесячная номинальная начисленная заработная составляет 37,5 тыс. рублей (на 8 % превышает среднероссийский уровень), что предопределяет устойчивый спрос среди населения на товары и услуги.

Доходы бюджета Тюменской области в 2016 году составили 116, 5 млрд руб. и были сформированы, в основном, за счет налога на прибыль организаций (74 %), и налога на имущество (9 %).

В 2017 г. регион потеряет не менее 7,5 млрд руб., что обусловлено действиями федерального правительства (в том числе из-за изъятия 1 % налога на прибыль предприятий), что, безусловно, негативно скажется на социально-экономической ситуации в субъекте. Губернатор Тюменской области В. В. Якушев по этому поводу отметил: «Я сомневался в справедливости этих решений прямо и открыто, но они уже приняты» [7].

Однако, как уже отмечалось ранее, Тюменская область – исключение из общего правила социально-экономического состояния субъектов. Тот факт, что 85 % субъектов являются дотационными регионами, говорит о том, что применяемые сегодня финансовые методы исчерпали себя. Используемая система не способствует повышению финансовой самостоятельности регионов, поэтому необходимо прибегнуть к иным механизмам выравнивания бюджетных систем.

Нам представляется, что решением понятной проблемы является обеспечение равномерного распределения финансов и развития экономики различных субъектов, расширение собственного налогового потенциала регионов. Только в условиях устойчивого роста экономических показателей можно снизить финансовую зависимость от федерального центра, сократить несоответствие между собственными доходными источниками и расходными обязательствами.

Сегодня назрела необходимость отойти от принципа симметричного федерализма, где отношения в налоговой системе предполагают единство налоговых ставок и нормативов их зачисления в бюджет субъектов, в направлении децентра-

лизации. При этом нельзя однозначно ответить на вопрос о том, какую пропорцию распределения средств между федеральным и региональными бюджетами можно назвать справедливой. В данном случае значение имеет не сама пропорция, а обеспечение соответствия собственных доходных полномочий расходным обязательствам. Для сглаживания различий между регионами представляется возможным определение таких пропорций конкретно для каждого из субъектов с учетом его социально-экономических показателей.

На наш взгляд, можно изменить сложившуюся систему межбюджетных отношений путем пересмотра нормативов отчислений в пользу регионов от НДПИ, перераспределения между федеральным и региональными бюджетами НДС, пересмотра порядка распределения сборов за природопользование и загрязнение окружающей среды в пользу регионов.

Пересмотр нормативов отчислений НДПИ в пользу сырьевых регионов позволит стимулировать развитие их экономических показателей, расширить налоговую базу, а также устранить встречные финансовые потоки, так как отпадает необходимость в предоставлении межбюджетных трансфертов.

Необходимость перераспределения между федеральным и региональными бюджетами НДС, а также пересмотра порядка распределения сборов за природопользование и загрязнение окружающей среды продиктована позитивным мировым опытом в этой сфере. Данные шаги позволят повысить финансовую самостоятельность регионов.

Процесс совершенствования бюджетного федерализма сопряжен с объективными трудностями. По данным Росстата, между наиболее богатыми и наиболее бедными регионами Российской Федерации наблюдается разрыв среднедушевого дохода в четыре раза [8]. На дифференциацию субъектов по показателю среднедушевого дохода влияет множество факторов: отраслевая структура хозяйства, географическое положение, численность населения. Тем не менее проблема модернизации бюджетного федерализма назрела и требует быстрого и, что наиболее важно, эффективного разрешения, что поспособствует стабилизации российской государственности.

Литература

1. Алешин В. А., Овчинников В. Н., Челышева Э. А. Бюджетный федерализм: проблемы и перспективы развития на современном этапе // Вопросы регулирования экономики. – 2013. – № 1. – С. 116.

2. Аветисян И. А. Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 1. – С. 118.

3. Васильев В. В. Межбюджетные отношения как основа современной региональной политики России // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 3 : Экономика. Экология. – 2016. – № 2. – С. 39.

4. Структура и динамика доходов [Электронный ресурс] // Министерство финансов Российской Федерации : сайт. – URL: http://info.minfin.ru/ fbdohod.php (дата обращения: 05.02.2017).

5. Легко ли быть донором? [Электронный ресурс] // Российская газета : электронное периодическое издание. – URL: https://rg.ru/2017/01/11/artamonov-k-sokrashcheniiu-chisla-regionov-donorov-vedet-biudzhetnaia-politika.html (дата обращения: 05.02.2017).

6. Финансы [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, ХМАО-Югре и ЯНАО : сайт. – URL : http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ tumstat/ru/statistics/tumStat/finance/ (дата обращения: 05.02.2017).

7. Четыре всадника Якушева [Электронный ресурс] // Znak : интернет газета. – URL: https://www.znak.com/2016-11-24/gubernator_tyumenskoy_oblasti_sobral_elitu_i_predstavil_ey_novyh_komandirov (дата обращения: 05.02.2017).

8. Финансы [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm (дата обращения: 05.02.2017).

Irena Aleksandrovna Mikhailenko,
Law Student, the Institute of State and Law
of Tyumen State University (Tyumen)
Olga Andreevna Teplyakova,
Doctor of Law, Associate Professor at Constitutional
and Municipal Law Chair, the Institute of State and Law
of Tyumen State University (Tyumen)

To a Question of Fiscal Federalism Problems

An issue concerning the rationalization of tax revenue distribution between the Russian Federation and its constituent entities is especially important in conditions of economic instability. The article defines the essence of fiscal federalism and considers three types of fiscal federalism existing in the worldwide practice. Studying the specifics of the current Russian model of fiscal federalism and intergovernmental fiscal relations, which are characterized by the concentration of tax revenues «in the heart», the discrepancy between expenditure obligations of federal subject and his own revenue powers, the article concludes that the Russian fiscal federalism violates the fundamental principles of intergovernmental relations typical of a federal state. Basing on statistical analysis, the authors conclude that our country's current intergovernmental relations lead to the regions' disinterest in the development of their tax capacity, increase in the number of subjects needing subsidies, with the number of donor entities gradually reducing. The authors suggest there are ways to improve the fiscal system in order to provide a more efficient allocation of tax revenues between the entities and the Federation.
Effective solution of the growing problem of fiscal federalism correlates with further strengthening of the Russian Federation as the integrity.
Keywords: taxes; budget; the budget system; fiscal federalism; intergovernmental relations.

УДК 342.7

Е. С. Резник*

Актуальные вопросы оказания бесплатной юридической помощи и направления совершенствования законодательства

В статье рассматриваются вопросы состояния законодательства, регулирующего отношения по оказанию бесплатной юридической помощи в Российской Федерации (за исключением оказания бесплатной юридической помощи по уголовным делам, поскольку указанная тема требует отдельного, самостоятельного изучения). Также освещены отдельные проблемы, возникающие при реализации законодательства в сфере оказания бесплатной юридической помощи, аргументируются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь; право на квалифицированную юридическую помощь; доступность бесплатной юридической помощи.

Традиционно анализ различных аспектов оказания бесплатной юридической помощи начинают с констатации того, что согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. В научных исследованиях справедливо отмечается, что данное право является одним из основных прав человека [1, с. 10], носит конституционно-гарантирующий характер [2, с. 8].

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на интересный факт, когда в отдельных случаях предпринимаются попытки сформулировать не право, а обязанность получения бесплатной юридической помощи. В частности, речь идет о случаях, когда гражданин, имеющий право на получение такой помощи бесплатно, обращается за платной юридической помощью, а впоследствии требует возмещения судебных расходов. «Проигравшая сторона» в целях уменьшения взыскиваемой суммы за услуги представителя заявляет о необходимости отказа в удовлетворении требования в связи с тем, что помощь в соответствии с законодательством должна была быть оказана бесплатно. В этой связи, безусловно, обоснован подход судов, которые не принимают ссылку на данное обстоятельство, поскольку получение бесплатной помощи – это право стороны, а не ее обязанность [3].

Предваряя разговор о наиболее дискуссионных аспектах применения законодательства, следует отметить, что, несмотря на то что рассматриваемое конституционное право законодательно закреплено достаточно давно, только в последние годы оно более детально регламентировано законодателем. Так, Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – Закон № 324-ФЗ) вступил в силу с 15 января 2012 г. [4].

Согласно ст. 3 Закона № 324-ФЗ отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в рамках государственной и негосударственной систем, и организационно-правовое обеспечение реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи регулируются как федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (далее – РФ),

* **Елена Сергеевна Резник**, канд. юрид. наук, доцент кафедры частного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), председатель Комиссии по бесплатной юридической помощи Свердловского регионального отделения Ассоциации юристов России, директор ГКУ СО «Государственное юридическое бюро по Свердловской области» (с 2009-го по 2015 г.).

© Е. С. Резник, 2017

так и нормативными правовыми актами субъектов РФ. Федеральный законодатель прямо предусмотрел возможность установления дополнительных гарантий на уровне субъектов РФ. В рамках реализации указанных полномочий специальные законы, регулирующие отношения по оказанию бесплатной юридической помощи, приняты и вступили в силу в субъектах РФ в период с 2012-го по 2014 год [5].

Анализ законодательства субъектов РФ позволяет сделать вывод об отсутствии единообразия в регулировании соответствующих отношений. В частности, в субъектах РФ определены различные уполномоченные органы, а также круг субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы. По информации, систематизированной и представленной на официальном сайте Министерства юстиции РФ [Там же], в подавляющем большинстве субъектов РФ бесплатную юридическую помощь оказывают адвокаты (Владимирская, Рязанская, Тверская, Ярославская, Астраханская области и др.). Одновременно государственные юридические бюро и адвокаты оказывают помощь примерно в 20 % субъектов РФ (Свердловская, Волгоградская, Иркутская, Томская области, Ямало-Ненецкий автономный округ, Камчатский край). Только государственные юридические бюро указаны в нормативных правовых актах небольшого числа субъектов РФ (Еврейская автономная область, Республика Калмыкия, Чеченская Республика и др.). При этом следует обратить внимание на то, что государственные юридические бюро продолжили свою деятельность в тех 10 субъектах РФ, где они были созданы в качестве эксперимента[1] и зарекомендовали себя только с лучшей стороны. Также бюро были созданы в субъектах РФ, обладающих достаточными для этого финансовыми ресурсами.

Органы власти субъектов РФ также активно реализуют возможность по установлению дополнительных гарантий реализации рассматриваемого права, дополняя перечни категорий граждан, имеющих право на получение помощи и случаев ее оказания, предусмотренные Законом № 324-ФЗ. Однако, несмотря на все положительные аспекты такого подхода, есть один существенный негативный момент – отличающиеся условия получения помощи гражданами одной страны при проживании их на разных территориях. Складывается ситуация, когда право, предусмотренное Конституцией РФ для всех («каждого»), становится различным по содержанию в зависимости от финансовых возможностей субъекта РФ. Показательным является пример Псковской и Ленинградской областей, где, согласно закону, правом на получение бесплатной юридической помощи наделены «граждане, среднедушевой доход семей которых ниже 1,5 величины прожиточного минимума, установленного в Псковской области в соответствии с законодательством Российской Федерации» и, соответственно, «граждане, среднедушевой доход семей которых ниже двукратной величины прожиточного минимума на душу населения, установленного Правительством Ленинградской области…» [6; 16; 17]. В свою очередь, в других субъектах РФ указанная категория лиц получает помощь в рамках федерального законодательства, т. е. если доход ниже однократной величины прожиточного минимума. Также согласно закону Владимирской области имеют право на получение помощи лица, освободившиеся из мест лишения свободы в течение трех месяцев со дня освобождения, а, например, в Воронежской области – лица, освобожденные из мест лишения свободы, в течение двух месяцев со дня освобождения и только по вопросам трудоустройства [6; 18; 19].

[1] Эксперимент по созданию государственных юридических бюро был проведен на территории Республики Карелия, Чеченской Республики, Волгоградской, Иркутской, Магаданской, Московской, Самарской, Свердловской, Томской и Ульяновской областей (О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам : Постановление Правительства РФ от 22 августа 2005 г. № 534 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.08.2005. – № 35. – Ст. 3615).

Кроме того, встречаются категории граждан, которые в одном субъекте РФ имеют право на получение помощи, а в другом субъекте РФ таким правом не наделены.

Таким образом, с одной стороны, благодаря нормотворчеству субъектов РФ, увеличиваются дополнительные гарантии рассматриваемого конституционного права, что, безусловно, является положительным фактом. С другой стороны, очевидно нарушение равенства возможностей, которыми обладают граждане в данной сфере. Еще до принятия Закона № 324-ФЗ, в научных исследованиях отмечалось вызванное указанными обстоятельствами «частичное нарушение принципа равенства, требующего, чтобы при каждом неравном обращении существовали объективные обоснования того, в какой мере дифференциация представляется оправданной» [1, с. 12].

В целом нельзя не отметить, что подобная ситуация характерна для решения и иных вопросов, когда законодательство субъекта РФ предоставляет преференции лицам, проживающим на его территории, или, наоборот, условия предоставления тех или иных благ «хуже», по сравнению с другими субъектами РФ. Также очевидно, что ситуация в субъектах-донорах и дотационных регионах никогда не будет идентичной.

Аналогичная ситуация возникает и с перечнем случаев оказания помощи. Основной перечень содержится в Законе № 324-ФЗ, в свою очередь субъекты РФ активно его расширяют. В специальной литературе критикуется позиция законодателя, результатом которой является различный объем правовых возможностей у жителей субъектов РФ. Кроме того, по объективным причинам невозможно предусмотреть все случаи, когда правовая помощь будет действительно необходима социально незащищенным слоям населения. В связи с этим некоторые авторы предлагают отказаться от включения в нормативные правовые акты перечня случаев, а указывать только те ситуации, в которых такая помощь не будет оказываться, т. е. ввести так называемый негативный критерий [7]. Данный подход уже частично реализуется в законодательстве. Так, согласно ст. 8 Закона Свердловской области от 05 октября 2012 г. № 79-ОЗ «О бесплатной юридической помощи в Свердловской области» государственные юридические бюро оказывают гражданам бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной форме по вопросам применения гражданского законодательства (за исключением вопросов, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, защитой интеллектуальной собственности), семейного законодательства, жилищного законодательства, земельного законодательства, трудового законодательства и гражданско-процессуального законодательства дополнительно к случаям, когда бесплатная юридическая помощь этим гражданам оказывается в соответствии с федеральным законом [20]. Приведенная позиция о введении негативного критерия является более обоснованной и обеспечивающей интересы лиц, нуждающихся в бесплатной юридической помощи, чем позиция федерального законодателя. Однако сложности начинают возникать при анализе подходов авторов к тем случаям, когда помощь не будет оказана. Например, М. В. Пресняков, А. А. Васильев предлагают исключить дела, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности. Относительно высказанной точки зрения возникают сомнения, поскольку, например, индивидуальный предприниматель, ставший инвалидом, нуждается в оказании бесплатной юридической помощи в целях прекращения деятельности в качестве индивидуального предпринимателя. Таким образом, при формулировании исключений, т. е. вопросов, по которым помощь не должна оказываться, необходимо учесть подобные достаточно специфические ситуации.

Названными выше и иными исследователями также критически оценивается подход законодателя в отношении основной категории нуждающихся в помощи –

малоимущих граждан. В литературе выделают три подхода к формулированию имущественного теста, дающего право на получение бесплатной юридической помощи[2]. Первый подход предполагает установление имущественного порога, при недостижении которого юридическая помощь оказывается лицу бесплатно. Второй подход предполагает, что юридическая помощь может оказываться не только малоимущим, но и иным лицам на условиях частичной компенсации затрат на ее оказание. Третий подход основывается на индивидуализированной оценке имущественного положения конкретного лица, претендующего на получение субсидируемой помощи. В каждом случае оцениваются как доходы и имущество, так и расходы лица, а его имущественное положение соотносится с предполагаемой стоимостью необходимых ему юридических услуг.

Полагаю, было бы неправильно согласиться с авторами, которые указывают на то, что наиболее объективным было бы использование третьего подхода для определения лиц, нуждающихся в предоставлении бесплатной юридической помощи [7]. Действительно, третий из названных походов позволяет оказывать помощь адресно, в полном объеме учитывая имущественное положение лица. Однако нельзя забывать о том, что юридическая помощь должна быть оказана своевременно. В свою очередь требование об учете доходов, имущества и расходов приведет к необходимости осуществления уполномоченным органом либо лицом, непосредственно оказывающим помощь, соответствующих расчетов, получения документов, подтверждающих имущественное положение, что опять-таки приведет к усложнению процедуры и увеличению срока оказания помощи. Более того, при объективном рассмотрении мотивов, лежащих в основе совершения тех или иных действий, нельзя не понимать, что большинство граждан, которые бы воспользовались помощью, не сделают этого, если будет обязательным прохождение длительного процесса подтверждения их имущественного положения.

Необходимо также отметить, что в источниках достаточно часто встречается позиция о недостаточности прожиточного минимума в качестве критерия предоставления бесплатной юридической помощи [7].

Изменить ситуацию, как в отношении категорий лиц, так и в отношении перечня случаев оказания помощи, мог бы кардинально иной подход, в рамках которого во всех субъектах РФ создаются государственные юридические бюро, оказывающие «первичную» консультативную помощь в устной форме любым категориям гражданам по любым вопросам[3]. При этом помощь в виде подготовки документов правового характера, а также представления интересов могли бы получить наиболее социально незащищенные слои населения в установленных законодательством случаях путем обращения в адвокатские образования[4].

---

[2] Международный опыт в сфере оказания бесплатной юридической помощи. Цит. по: Пресняков М. В., Васильев А. А. Получатели бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Закон. – 2012. – № 11. – С. 63 – 71 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 29.12.2016).

[3] Позиция о необходимости деления помощи на «первичную» и «вторичную» высказывается в научных исследованиях. Так, Г. С. Шереметова указывает, что «в качестве первичной помощи предлагается рассматривать правовое информирование и устное консультирование. К вторичной юридической помощи предлагается отнести такие виды, как составление документов правового характера, представление интересов лица в суде и иных государственных и муниципальных органах, а также медиацию» [14]. Ю. С. Кручинин, В. В. Арапов относят к первичной форме правовое консультирование в устной или письменной форме, а также составление заявлений, жалоб и других документов юридического характера. В качестве вторичной помощи авторы рассматривают представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях [15].

[4] В этой связи хотелось бы обратить внимание на решение Европейского суда по правам человека, который в 2015 году признал нарушением п. 1 и пп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции отказ в предоставлении бесплатного адвоката при рассмотрении в судах дела об административных правона-

К сожалению, на современном этапе указанный выше подход, предполагающий снятие ограничений при оказании «первичной» бесплатной юридической помощи, носит характер утопической идеи. Хотя именно такое регулирование позволило бы гражданам избежать проблем, связанных с незнанием или неправильным толкованием правовых норм, сформировал бы понимание необходимости предварительного получения информации правового характера и обеспечил бы необходимый уровень правовой культуры населения.

Несмотря на различные подходы законодателей субъектов РФ к формированию перечней категорий граждан, имеющих право на получение помощи, и случаев ее оказания, следует отметить положительную тенденцию, которая заключается в постоянном расширении таких перечней. Так, в Свердловской области в 2015–2016 годах перечень граждан дополнен следующими категориями: гражданами, награжденными нагрудным знаком «Почетный донор России»; гражданами, получающими пенсию за выслугу лет, достигшими возраста, дающего право на страховую пенсию по старости [8]; детьми, не достигшими возраста 16 лет, их законными представителями, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей [9].

Нельзя не отметить, что надзорные органы следят за тем, чтобы нарушений на уровне субъектов РФ в отношении граждан, перечень которых закреплен в федеральном законодательстве, не допускалось. Так, в 2012 году рассмотрено дело по заявлению первого заместителя прокурора Республики Саха (Якутия) о признании недействующими ч. 1 ст. 2, п. 4 ч. 1 ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 2006 г. 333-З № 679-III «О порядке оказания бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации на территории Республики Саха (Якутия) адвокатами адвокатской палаты Республики Саха (Якутия)». По данному делу суд пришел к выводу, что указанным актом сужен круг лиц, имеющих право на бесплатное получение юридической помощи в соответствии с федеральным законом, и неправомерно на всех получателей указанной помощи возложена обязанность по представлению документов, подтверждающих среднедушевой доход членов семьи. Позиция законодательного органа о том, что ему не предоставлена возможность для приведения оспариваемого акта в соответствие с действующим законодательством, судом не принята, поскольку «органы государственной власти субъекта Российской Федерации имели право и возможность во внесудебном порядке выполнить обязательные для них предписания» [10].

В целом следует отметить, что основным условием для оказания бесплатной юридической помощи является именно отнесение субъекта к категории лиц, имеющих право на ее получение (т. е. субъективный критерий [7]), а не та правовая проблема, с которой обратился гражданин.

Переходя к анализу состава субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, нельзя не остановиться на вопросах, связанных с требованиями, предъявляемыми к таким субъектам. Согласно ст. 7 Закона 324-ФЗ оказание бесплатной юридической помощи осуществляется физическими и юридическими лицами, являющимися участниками государственной или негосударственной систем бесплатной юридической помощи, а также иными лицами, имеющими право на оказание бесплатной юридической помощи в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами.

рушениях (Постановление ЕСПЧ от 19.11.2015 «Дело “Михайлова (Mikhaylova) против Российской Федерации” (жалоба № 46998/08) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2016. – № 3 (165)).

Согласно ст. 8 названного закона единственным требованием к субъектам, оказывающим помощь, выступает наличие высшего юридического образования. При этом иное может быть предусмотрено федеральными законами. Так, в оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками участвуют лица, обучающиеся по юридической специальности в образовательных организациях высшего образования, под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование. Участие лиц, имеющих высшее образование, является обязательным требованием, призванным обеспечить оказание именно квалифицированной юридической помощи.

Судебная практика подтвердила необходимость учета требования о наличии высшего образования. В частности, Свердловский областной суд признал законность отказа ФКУ ИК-8 УФСИН России в свиданиях с представителем, так как правом на такие свидания представитель не обладает в связи с отсутствием документов, подтверждающих наличие у него высшего юридического образования. Соответственно суд указал, что «при отсутствии такого образования у лица, оказывающего помощь, право осужденного на получение квалифицированной юридической помощи не может быть реализовано ввиду отсутствия у оказывающего помощь лица надлежащей квалификации» [11].

Федеральными законами могут быть установлены дополнительные квалификационные требования к лицам, оказывающим бесплатную юридическую помощь в виде представления интересов граждан в судах, государственных и муниципальных органах, организациях.

Многие исследователи проблематики оказания юридической помощи, при рассмотрении вопросов о ее качестве, отмечают, что наличия высшего образования недостаточно. Одной из причин для такого вывода является результат реформирования высшего образования. С сожалением приходится констатировать, что в результате деления по уровням профессионального образования на бакалавриат и магистратуру бесплатную юридическую помощь могут оказывать лица, имеющие, по сути, незавершенное высшее образование, либо лица, являвшиеся бакалаврами в иной области знаний и ставшие магистрами при отсутствии базовых юридических знаний, за достаточно кроткий период обучения, в течение которого глубокие знания приобрести проблематично.

В научных исследованиях аргументируются предложения, направленные на усиление требований к лицам, оказывающим юридическую помощь. В частности, О. Н. Бондарь указывает на «необходимость совершенствования квалификационной аттестации и расширения конкурсных начал отбора субъектов оказания юридической помощи», а также отмечает «преждевременность отмены лицензионного порядка получения права на оказание платных юридических услуг без создания эффективных альтернативных форм государственного и общественного (профессионально-корпоративного) контроля за качеством платных юридических услуг» [2, с. 28].

В. К. Ботнев «считает необходимым дополнить ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 19 99-ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности” пунктом 51: “подлежит лицензированию деятельность по оказанию юридических услуг”» [12, с. 18–19]. Также автор предлагает принять Федеральный закон «О саморегулируемой организации лиц, занимающихся оказанием платных юридических услуг неопределенному кругу лиц», где определить стандарты и правила профессиональной деятельности юристов, обязательные для выполнения всеми членами саморегулируемой организации.

Нельзя не согласиться с указанными выше и иными авторами в том, что должны быть установлены дополнительные требования к лицам, осуществляющим деятельность по оказанию юридической помощи (услуг). Однако представ-

ляется, что введение лицензирования не является оптимальным вариантом в отношении возмездного оказания юридических услуг. Во-первых, законодатель постепенно сокращает перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию, и переводит их под контроль саморегулируемых организаций. Во-вторых, контроль со стороны профессионального сообщества за соблюдением стандартов и правил соответствующей деятельности является предпочтительным и более эффективным по сравнению с традиционными бюрократическими механизмами государственного контроля. Безусловно, эффективность деятельности определяется не только и не столько тем, что это именно профессиональное объединение, сколько осознанием его членами необходимости формирования и поддержания высокого уровня требований к участникам такого объединения и созданием механизма, обеспечивающего соответствие членов установленным требованиям.

Данные варианты дополнительных требований, тем не менее, не подходят к субъектам, оказывающим бесплатную юридическую помощь. Причиной для подобного вывода является состав участников государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи. Деятельность ряда субъектов по очевидным причинам не должна подлежать лицензированию (органы государственной власти, государственные юридические бюро), другие субъекты уже сдали соответствующие экзамены (адвокаты, нотариусы), иные субъекты имеют разрешение от государства на осуществление деятельности (образовательные организации высшего образования). Из включенных законодателем в состав участников систем бесплатной юридической помощи остаются лишь некоммерческие организации, создавшие негосударственные центры, количество которых незначительно.

На данном этапе сделать однозначный вывод о целесообразности введения дополнительных обязательных контрольных мероприятий, по результатам которых лицо будет допущено к оказанию юридической помощи (услуг) по конкретной категории вопросов, нельзя. Согласно действующему законодательству адвокаты и нотариусы сдают экзамены. На государственную службу в органы власти поступают лица, соответствующие требованиям, установленным законодательством, преимущественно по результатам конкурсных процедур. В юридических клиниках помощь оказывают лица, не имеющие юридического образования, хотя и под руководством квалифицированных специалистов. Соответственно, рассматривая субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, оснований для вывода о необходимости подобных контрольных мероприятий не обнаруживается.

Относительно иных критериев качества или признания помощи квалифицированной в исследованиях можно встретить различные подходы. Ограниченность объема статьи не позволяет подробно рассмотреть все предложения, встречающиеся в научной литературе, касающиеся формирования перечня таких критериев. Поэтому указанная проблематика будет предметом отдельного исследования.

Помимо критериев качества непосредственно юридической помощи, особое внимание при рассмотрении вопросов оказания бесплатной юридической помощи следует уделить оценке программ такой помощи (рассматриваемых как комплекс мероприятий, направленных на обеспечение получения), в рамках которой выделяются требования к порядку доступа к услуге, организации предоставления услуги, информированию граждан о ее наличии и ряд других компонентов [15].

Представляется, что обстоятельства, оказывающие существенное влияние на доступность получения помощи, можно подразделить по следующим аспектам доступности: фактической (физической) доступности; документационной (бюрократической) доступности; информационной доступности; финансовой доступности.

Ограниченность фактического (физического) доступа может быть обнаружена в случаях нахождения лиц, нуждающихся в помощи, в местах лишения свободы,

медицинских организациях при нарушениях функций организма, удаленности мест нахождения субъектов, оказывающих помощь, от мест проживания нуждающихся лиц и т. д. Указанные ограничения могут быть сняты несколькими способами, в том числе путем организации выездных приемных, создания дополнительных подразделений государственных юридических бюро в отдаленных городах и т. д. Однако подавляющее большинство решений требует дополнительного финансирования, что с учетом экономической ситуации представляется достаточно проблематичным. Тем не менее нельзя не отметить, что указанные проблемы решаются. Так, на примере ГКУ СО «Государственное юридическое бюро по Свердловской области» следует обратить внимание на практику консультирования с использованием бесплатных программ, обеспечивающих онлайн-связь с обращающимися гражданами в различных городах Свердловской области.

В качестве обстоятельства, обеспечивающего документационную (бюрократическую) доступность, является отсутствие излишнего документооборота, т. е. установление минимального набора документов, необходимых для получения помощи. Нельзя не согласиться с авторами, указывающими на то, что сложный и запутанный процесс получения необходимых документов может стать основным фактором, снижающим эффективность всей программы бесплатной юридической помощи (цит. по: [13]).

Указанное требование также призвано обеспечить качество самой помощи – ее своевременность.

Несмотря на то что в настоящее время активно осуществляется процесс организации межведомственного обмена документами по различным вопросам без непосредственного участия граждан, вопрос продолжает оставаться актуальным. Для оперативного получения сведений и документов органы государственной власти, а также иные участники государственной системы бесплатной юридической помощи должны быть обеспечены соответствующими техническими средствами взаимодействия, что в настоящее время финансово и организационно затруднительно. Таким образом, требования к перечню документов для оказания помощи должны обеспечивать разумный баланс между необходимостью подтверждения имущественного положения или иного статуса, дающего право на получение помощи, и своевременностью (оперативностью) оказания помощи.

К обстоятельствам, обеспечивающим информационную доступность, относятся наличие, качество, адресность и широта распространения информации о праве на бесплатную юридическую помощь, правилах ее оказания, субъектах, оказывающих помощь, режиме и особенностях их работы (при наличии). Информация о субъектах, оказывающих бесплатную юридическую помощь, в настоящее время размещена на различных доступных для граждан информационных ресурсах в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Так, на официальных сайтах органов власти публикуются соответствующие сведения. Особо хотелось бы отметить размещение информации на сайте Министерства юстиции РФ, который позволяет получить соответствующую информацию в отношении каждого субъекта РФ[5].

Подробное информирование является обязательным условием обеспечения граждан бесплатной юридической помощью. Однако необходимо учитывать, что далеко не все граждане, относящиеся к категориям, имеющим право на получение бесплатной юридической помощи, в силу состояния здоровья, возраста, финансового положения имеют доступ к информационным ресурсам сети Интернет. Поэтому субъекты, оказывающие помощь, прибегают к иным средствам информирования. Например, в Свердловской области высокорезультативной показала себя

[5] URL: http://minjust.ru/ru/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshch-5

практика размещения информации о деятельности ГКУ СО «Государственное юридическое бюро по Свердловской области» на платежных документах для внесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги.

При этом наиболее доступные для граждан средства массовой информации (телепрограммы, печатные издания) продолжают оставаться платными для субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Таким образом, одним из наиболее актуальных остается вопрос создания системы информирования социально незащищенных категорий граждан. Представляется необходимым создание механизма информирования населения через обязательное размещение средствами массовой информации соответствующей информации на безвозмездной основе.

В ряде источников можно с сожалением обнаружить отношение к размещению информации о деятельности субъектов, оказывающих юридическую помощь, как к рекламе, размещение которой, например, в помещениях судов рассматривается как нарушение.

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что информирование должно быть не «одноразовым» действием, а разработанным и эффективным механизмом, когда информирование осуществляется систематически.

Кроме того, в рамках формирования системы информирования населения, необходимо активное и обязательное участие всех органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые будут в соответствии со своими компетенциями предоставлять информацию о возможности и правилах получения бесплатной юридической помощи. Как уже было сказано выше, начало данному процессу положено, на сайтах государственных и муниципальных органов размещена информация по вопросам бесплатной юридической помощи, заключаются соглашения между государственными юридическими бюро и органами власти по организации выездных приемов и информированию населения. Однако, как показывает практика, активно данный процесс идет преимущественно в крупных городах.

«Финансовая доступность» понимается автором как обеспеченность финансовыми ресурсами деятельности соответствующих субъектов, оказывающих юридическую помощь (государственных юридических бюро, адвокатов).

Безусловно, все ранее указанные аспекты доступности также предполагают необходимость достаточного объема финансирования. Однако данный аспект рассматривается отдельно, поскольку представляет собой основу для их реализации. Кроме того, обращает на себя внимание то, что при наличии и обеспеченности ресурсами одного из аспектов, например нахождение государственного юридического бюро в зоне шаговой доступности от конкретного нуждающегося в помощи человека, возможность на представление его интересов на иной территории будет ограничена в силу отсутствия финансовых ресурсов, выделяемых именно на данные цели. Так, при ограниченности подразделений государственных юридических бюро возникает потребность в обеспечении представительства интересов на территориях, где бюро не имеет места нахождения. Например, судебные разбирательства в соответствии с гражданским процессуальным законодательством могут быть инициированы на различных территориях, что приводит к необходимости дополнительных финансовых расходов. В связи с этим необходимо указать на то, что перечень случаев отказа в оказании бесплатной юридической помощи не предусматривает такого основания, как отсутствие финансовых ресурсов на оплату расходов на проезд, проживание.

Казалось бы, указанные проблемы также будет сложно решить до улучшения экономический ситуации в России и в отдельных субъектах РФ, однако представляется, что решение частично лежит не в финансовой плоскости и может быть реализовано уже в настоящее время.

Речь в данном случае должна идти о формировании эффективной системы взаимодействия различных субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, путем установления обязательности и четкого, прозрачного и понятного гражданам механизма такого взаимодействия. Указанное взаимодействие могло бы обеспечить «передачу» дела (спора) от субъекта, оказывающего помощь, другому. Также данный подход позволил бы решить многие вопросы, касающиеся доступности помощи, обмена документами, информирования населения и т. д. В этой связи с сожалением необходимо отметить, что первоначальный проект закона носил название «О системе бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», однако в дальнейшем из названия слово «система» было исключено.

Завершая разговор о доступности программ бесплатной юридической помощи, нельзя не отметить тесную взаимосвязь между категориями качества и доступности, так как указанные категории являются взаимообусловленными. Кроме того, целесообразно обратить внимание на то, что законодателем уже закреплен подход к этим категориям в рамках нормативного правового акта, регулирующего отношения при оказании медицинской помощи[6]. Несмотря на то что медицинская и юридическая помощь по своему содержанию представляют собой абсолютно разные комплексы мероприятий, всё-таки очевидно их сходство в части важности для каждого человека и конституционности природы соответствующих прав.

Подводя итог краткого анализа отдельных вопросов оказания бесплатной юридической помощи, следует сделать вывод о нецелесообразности дальнейшего пополнения законодательства новыми нормативными актами. Актуальным представляется формирование системы взаимодействия участников, прежде всего государственной системы бесплатной юридической помощи, которая обеспечивала бы своевременное и качественное оказание такой помощи. Также принципиально важным представляется изменение законодательства в направлении обеспечения каждого гражданина, независимо от места жительства или иных обстоятельств, возможностью получения «первичной» юридической помощи по любым правовым вопросам на бесплатной основе.

Литература

1. Плетень А. С. Конституционное право на бесплатную юридическую помощь и механизм его реализации в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01003445486#?

2. Бондарь О. Н. Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2008. – URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01003171185#?

3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15 июля 2014 г. по делу № 33-9149/2014 // Официальный сайт Свердловского областного суда. – URL: https://oblsudsvd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=7611913&delo_id=5 &new=5&text_number=1 (дата обращения: 29.12.2016).

4. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.11.2011).

5. Информация о реализации государственной политики в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью на территории субъектов Российской Федерации по состоянию на 01.07.2015 // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: http:// http://minjust.ru/ru/node/231167 (дата обращения: 29.12.2016).

[6] В ст. 10 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в рамках единого перечня приведены обстоятельства, обеспечивающие доступность и качество медицинской помощи (URL: http://www.pravo.gov.ru, 22.11.2011).

6. Дополнительные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи в субъектах Российской Федерации по состоянию по состоянию на 01.07.2015 // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: http:// http://minjust.ru/ru/node/231167 (дата обращения: 29.12.2016).

7. Пресняков М. В., Васильев А. А. Получатели бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Закон. – 2012. – № 11. – С. 63–71 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.12.2016).

8. О внесении изменений в статью 8 Закона Свердловской области «О бесплатной юридической помощи в Свердловской области : закон Свердловской области от 28 октября 2015 г. № 121-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.10.2015).

9. О внесении изменения в ст. 8 закона Свердловской области «О бесплатной юридической помощи в Свердловской области» : закон Свердловской области от 05 октября 2012 г. № 83-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. – URL: http://www.pravo.gov66.ru (дата обращения: 27.07.2016).

10. Определение Верховного суда Российской Федерации от 28 ноября 2012 г. № 74-АПГ12-22 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2017).

11. Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Свердловского областного суда от 01 июля 2015 года, дело № 33-9208/2015 // Бюллетень судебной практики по административным делам Свердловского областного суда (третий квартал 2015 года) (утвержден постановлением президиума Свердловского областного суда от 02.12.2015) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.12.2016).

12. Ботнев В. К. Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005057522#?

13. Новикова А. Э., Шепелева О. С. Оценка и обеспечение качества программ бесплатной юридической помощи // Закон. – 2012.– № 11 (Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.12.2016)).

14. Шереметова Г. С. Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2014. – URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005549241#?

15. Кручинин Ю. С., Арапов В. В. Вопросы реализации государственной системы бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Адвокат. – 2012. – № 12. – С. 5–12.

16. О гарантиях реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи на территории Ленинградской области : областной закон Ленинградской области от 18 апреля 2012 г. № 29-ОЗ // Вести. – 2012. – 26 апреля. – № 68.

17. О бесплатной юридической помощи в Псковской области : закон Псковской области от 11 марта 2013 г. № 1263-ОЗ // Псковская правда. – 2013. – 15 марта (№ 43–47).

18. О дополнительных гарантиях реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи : закон Владимирской области от 14 ноября 2014 г. № 129-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.11.2014).

19. О бесплатной юридической помощи на территории Воронежской области : закон Воронежской области от 17 октября 2012 г. № 117-ОЗ // Собрание законодательства Воронежской области. – 2012. – № 29.

20. О бесплатной юридической помощи в Свердловской области : закон Свердловской области от 05 октября 2012 г. № 79-ОЗ // Областная газета. – 2012. – 9 октября (№ 402–403).

Elena Sergeevna Reznik,
Candidate of Law, Associate Professor at Private Law Chair, Legal Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg);
Chairman of the Free Legal Aid commission of the Sverdlovsk branch
of Russian Lawyers Association;
Director of the State Legal Aid office (from 2009 to 2015)

Topical Issues of Free Legal Aid and Ways of Improving Legislation

The article concerns the issues of free legal aid regulation in Russian Federation (excluding the free legal aid in criminal cases, because this matter requires an additional research). The special attention is given to some problems of implementation of legislation in the field of free legal aid, the article makes proposals to improve legislation.
Key words: free legal aid; the right to qualified legal assistance; the availability of free legal aid.

УДК 342

С. А. Денисов*

Имитация социализма с помощью норм государственного права

XX век стал веком имитации социализма административными государствами. Они использовали нормы конституции для имитации общественной собственности, распределения по труду, демократии и республики.

Ключевые слова: нормы государственного права; имитация социализма; собственность; распределение.

В этом году исполняется столетие начала великой русской смуты. За это время мы так и не поняли, что это было. Уже прошло 25 лет, как не стало большевистского государства, но большинство населения России, в том числе представители науки, продолжают находиться под магическим влиянием большевистской пропаганды и утверждать, что это была социалистическая революция, в результате которой был построен социализм.

Идеи социализма действительно были отчасти закреплены в нормах государственного права страны. Историки государства и права, стоящие на позитивистских позициях и не желающие изучать реальное государственное право отечества, опираясь на эти декларации, продолжают доказывать, что СССР был социалистическим государством.

Большевистское руководство было замечательным имитатором. Для прихода к власти и удержания ее оно выбрасывало то одни, то другие лозунги. В 1917 г. оно то поднимало лозунг «Вся власть Советам!», то сворачивало его, когда Советы оказывались наполнены меньшевиками. То же было с лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию!». Лозунг социализма неизменно использовался ими для оправдания захвата власти и ее легитимации в дальнейшем. Однако анализ реальных правовых отношений, которые поддерживались большевистским государством, показывают, что никаких черт социализма в построенном им обществе никогда не было. Это было классическое административное общество [2, с. 24–39] в котором господствовало административное по своей сущности государство [3, с. 147–164].

1. Социализм предполагает создание народом государства, которое имеет минимальное отчуждение от общества и постепенно отмирает, заменяясь общественным самоуправлением. Это государство должно обеспечивать суверенитет народа. В «советском» обществе всегда господствовала корпорация бюрократии из бывших рабочих, крестьян и разночинцев. Она возглавлялась правящей группой или вождем. Население было превращено в объект властных отношений.

Большевистское государство с самого своего рождения пыталось доказать, что оно реализует интересы большинства в лице рабочих и крестьян. Для этого оно использовало конституционные акты. «Вся власть в пределах РСФСР принадлежит всему рабочему населению страны», – декларировалось в ст. 10 Конституции РСФСР 1918 г. «СССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян», – заявляет ст. 1 Сталинской конституция 1936 г. Конституция СССР 1977 г. уже утверждала, что вся власть в стране принадлежит народу (ст. 2). Этот обман был построен на убеждении населения в том, что господствующий в стране новый

* **Сергей Алексеевич Денисов**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург)

E-mail: sa-denisov@yandex.ru

© С. А. Денисов, 2017

административный класс, из которого состоит государственный аппарат, не имеет собственных интересов (альтруист) и существует только для реализации воли трудящегося большинства. Преданность новой бюрократии трудящимся иногда обосновывалась тем, что она сама вышла из низов. В СССР запрещалось исследовать бюрократию как класс, а за гипотезу о том, что этот класс является господствующим, можно было получить реальный срок лишения свободы или расстрел. «Советские» конституции ничего не говорят о бюрократии. Она растворяется в слове «интеллигенция». Правящая группа большевиков уничтожила руководство социалистических партий или поставило их вне закона, чтобы лишить население России права выбора и монополизировать право говорить от его имени. В 1922 г. Крыленко и Луначарский говорили о том, что непросвещенным темным массам вредно соприкасаться с небольшевистскими партиями, которые могут их, неопытных, искусить, сбить, увлечь за собой [5, с. 72].

С момента прихода к власти большевики уделяли огромное внимание манипуляции общественным сознанием и уничтожению всех, кто не поддавался большевистской индоктринации. Они умело противопоставили свою власть власти буржуазии и помещиков, которые, конечно, не пользовались любовью населения. Только впоследствии выяснилось, что те были меньшим злом, чем власть новой бюрократии, уничтожившей миллионы людей и жестоко эксплуатировавшей население страны. Государственная пропаганда не допускала и мысли, что страна может двигаться к социализму, но без большевиков. Новая бюрократия, хорошо знавшая психологию масс, умело подменяла интересы людей их чувствами. Она искусно распаляла ярость масс (их ненависть, агрессию) и канализировала ее против своих внутренних и внешних противников.

Бюрократия не очень эффективно прятала свою власть за Советы, которые сама формировала. «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов…» – утверждала Конституция СССР 1936 г. Всем было известно, что у Советов нет никакой власти. Все главные вопросы в стране решал аппарат партеобразного объединения бюрократии и ее клиентелы. Все свои жалобы население обращало туда, а не в органы Советов. Конституция РСФСР 1918 г. скрывала господство в стране руководства партеобразного объединения бюрократии. Конституции СССР 1936 г. прячет это господство за словом «партия», которая объединяет большое количество «помогаев» – «наиболее активных и сознательных граждан из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции» (ст. 126). Власть узкой олигархической верхушки также спрятана за словом «партия» в Конституции СССР 1977 г. (ст. 6). Но поскольку грамотной части населения была известна степень централизации, которая присутствовала в КПСС, то господство правящей олигархии для нее было очевидно. Статья 6 Конституции СССР 1977 г. твердила, что «КПСС существует для народа и служит народу».

Преамбула Конституции СССР 1977 г. доказывает, что захват власти в октябре 1917 г. произведен не группой людей, опирающихся на массовое недовольство проводимой политикой, а самими рабочими и крестьянами, конечно под руководством коммунистов. Она также утверждает, что строй, называемый социалистическим, родился не по воле новой бюрократии, опирающейся на массовое насилие, а в результате «созидательной деятельности трудящихся».

Результаты манипуляции сознанием населения в СССР были довольно успешными. Значительная часть населения России до сих пор считает, что «советское» бюрократическое государство служило народу.

2. Социализм предполагает общественную собственность на основные средства производства. Фактически большевики вводят и поддерживают в стране корпоративно-бюрократическую государственную собственность. Государственная

собственность может только тогда быть общественной, когда мы имеем демократическое государство, поддерживающее суверенитет народа. Большевистское государство никогда не было демократическим. Это всегда было тоталитарное или авторитарное бюрократическое государство, умело манипулирующее сознанием масс и мобилизующее их на свою поддержку.

Государственно-бюрократическая собственность (власть-собственность) в конституционных актах Советского государства представлялась в качестве народной собственности. Конституция РСФСР 1918 г. (ст. 3) пытается отождествить государственную и общенародную собственность (общенародное, общенациональное достояние). Статья 5 Конституции СССР 1936 г. называет социалистической государственную и колхозно-кооперативную собственность. Статья 6 отождествляет государственную собственность и всенародное достояние. Переход имущества в собственность корпорации бюрократии выдается за его национализацию. До сих пор создание в деревне мощного бюрократического аппарата, отъем у крестьян земли, находящейся в аренде, скота и инвентаря в России называют коллективизацией. Фактически деревня перешла под контроль корпорации новой бюрократии, которая владела, пользовалась и распоряжалась не только имуществом так называемых колхозов, но и самими крестьянами, которых прикрепили к земле. Они должны были отрабатывать барщину и платить оброк новому бюрократическому государству. Их можно было лишить свободы за плохую работу на это государство (сталинский период).

Общество было лишено возможности пользоваться и распоряжаться произведенным им продуктом. Большевистское государство ввело типичную для азиатского способа производства редистрибуцию в виде плановой экономики (ст. 11 Конституции СССР 1936 г.), которая объявлялась важнейшим признаком нового, социалистического общества. Государство отнимало весь произведенный обществом продукт, а затем делило его, исходя из потребностей бюрократической корпорации. В первую очередь оно заботилось о сохранении и расширении на весь мир (под предлогом мировой революции) власти новой олигархии. Значительная часть средств расходовалась на содержание огромной армии (милитаризация всей страны), полицейского аппарата (милиция, тайная полиция), колоссальной пропагандистской машины, охватывающей учреждения культуры, гуманитарных наук, образования. Значительные средства тратились на экстенсивное расширенное производство, поскольку это обеспечивало рост силы государства как корпорации чиновников. Государство всегда было плохим предпринимателем. Для производства единицы продукции оно тратило гораздо больше средств, чем частные предприниматели в развитых буржуазных странах.

Статья 11 Конституции СССР 1936 г. доказывала, что вся хозяйственная жизнь в СССР направлена на неуклонный подъем материального и культурного уровня трудящихся. Пропагандисты Советского государства указывали, что конституционные акты СССР закрепляют широкий набор социально-экономических прав трудящихся [1, с. 279]. Но известно, что государство финансировало воспроизводство рабочей силы по остаточному принципу. Это и вызвало массовое недовольство рабочих, которое привело к падению СССР. Пропагандистский аппарат предлагал населению быть патриотами и героически преодолевать имеющиеся трудности. Фактически к населению относились как к рабочему скоту. Государство заботилось о его содержании (жилье и кормление), здоровье, размножении, росте способности к труду (образование). Но людям отказывали в праве построить себе жилище, удобное для жизни. В лучшие годы их, как кроликов, расселяли по клеткам, которые сегодня называются «хрущобами». Бюрократия решала, чем кормить население и сколько давать ему корма, сколько пар обуви, платьев и брюк, носков и чулок ему надо выдать на год и т. д. Государство в конституции

определяло, сколько может отдыхать работник (ст. 119 Конституции СССР 1936 г.). Это рассматривалось как заслуга государства, заботящегося о своем народишке. Однако хороший фермер тоже никогда не перетруждает свою лошадь.

Эффективность имитации того, что все блага принадлежат народу, была невысока. Рабочие, крестьяне и сами чиновники расхищали имущество, принадлежащее корпорации бюрократии. Государству приходилось применять драконовские меры, чтобы остановить это расхищение. Часть 2 ст. 131 Конституции СССР 1936 г. объявляла расхитителей бюрократической собственности, называемой социалистической, врагами народа.

В собственности правящей группы (правителя) были не только материальные блага, но и само население страны. Правящая верхушка решила судьбу крестьянства. Диктатор переселял целые народы с одного места на другое. Большевистское государство занималось селективной деятельностью[1] среди населения. Оно пыталось вывести новую породу людей, которую назвало советским народом (Преамбула Конституции СССР 1977 г.). В ходе этой селективной деятельности оно выбраковывало ненужные ему экземпляры и физически уничтожало их (прямо, через расстрел, или косвенно, непосильным трудом на тяжелых физических работах). Таким образом был выведен послушный, терпеливый, не способный на критику и не стремящийся к свободе вид человека.

Под предлогом заботы о населении государство формировало людей, не способных к самостоятельной жизни, не способных найти работу, обеспечить свое образование и образование своих детей, привыкших к опеке со стороны государства (бесплатная медицина, образование – ст. 120–121 Конституции СССР 1936 г.). Поддерживалось «детское состояние общества», не стремящегося к свободе и готовое добровольно отдать власть над собой государственной бюрократии (ее вождю).

Признаком социализма называлось уничтожение частной собственности. Но на Востоке частная собственность никогда не имела большого значения, а если верить некоторым историческим свидетельствам, то иногда и вовсе устранялась (Древний Египет, государства Месопотамии). Таким образом, отсутствие частной собственности вовсе не является исключительным признаком социализма. Населению навязывалась ложная альтернатива между прогрессивным социализмом и отсталым капитализмом. Фактически ему предлагался выбор между капитализмом и административным государством азиатского типа, известным с древних времен. Традиционный азиатский способ производства, связанный с государственно-бюрократической собственностью на средства производства, выдавался за нечто прогрессивное.

3. Социализм предполагает распределение по общественным заслугам. Часть 2 ст. 12 Конституции СССР 1936 г. декларировала распределение по труду. Фактически большевистское руководство ввело распределение продуктов, исходя из полезности человека для корпорации бюрократии. Более привилегированным был, естественно, слой высшей и средней бюрократии. Определенные привилегии имели «помогаи», т. е. те слои общества, которые поддерживали власть бюрократии и выдавали ее за власть народа. Это служилая интеллигенция, представители рабочих (из числа так называемого «актива», или «общественников»). На третьей ступени стояли рабочие крупных предприятий (особенно военно-промышленного комплекса), обеспечивающие рост производства и выпуск вооружения. Хуже всего было содержание крестьян, у которых в отдельные годы (при сталинизме) отбирали всё ими произведенное, предлагая кормиться с приусадебных участков. Иногда государство меняло свои приоритеты в кормлении разных групп населе-

[1] Селекция – выведение новых и улучшение существующих сортов растений, пород животных и штаммов микроорганизмов путем применения научных методов отбора, гибридизации, оценки потомства (Современный словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1993. С. 549).

ния. Например, в 1940 г. правящая группа считала, что учителям необходимо платить содержание на уровне средней заработной платы по стране. В 1987 г. было принято решение, что им хватит и 82 % этой заработной платы. Работники искусства в 1940 г. считались привилегированным сословием и получали 118 % средней заработной платы. К 1987 г. их содержание было уменьшено до 74 % от средней заработной платы по стране [7, с. 65].

Превращение населения в массу, полностью зависящую от государства (неимущую и живущую от получки до получки), не способную сопротивляться бюрократии, слепо верящую ей, было названо социальной основой построения социализма.

4. «Советские» конституции гордо заявляли об отмене эксплуатации человека человеком. Но за этой фразой скрывалась гораздо более жестокая эксплуатация человека административным государством, за которым стояла корпорация бюрократии. Большевики, не стесняясь, закрепили в Конституции РСФСР 1918 г. принудительный труд, характерный для феодализма и рабовладения. «Кто не работает, тот не ест», – декларировала ст. 12 Конституции СССР 1936 г. Принуждение к труду, характерное для азиатского способа производства, скрывалось за конституционным правом на труд (ст. 118 Конституции СССР 1936 г.). В отдельные периоды большевики восстанавливали крепостное право, с прикреплением крестьян к земле, а рабочих – к предприятиям. Степень эксплуатации труда в СССР была гораздо выше, чем в развитых буржуазных странах. Там работник мог выбирать себе работодателя. В СССР работодатель был один – государство. Оно устанавливало по всей стране монопольно низкую заработную плату. Новая бюрократия, вышедшая из рабочих и крестьян, хорошо знала психологию масс и умела мобилизовать их на усиление самоэксплуатации (так называемые социалистические соревнования, стахановское движение), добиваясь роста производительности труда без значительного роста заработной платы. Идеи социализма успешно прикрывали эту эксплуатацию. Населению доказывали, что его труд направлен на общее благо, на рост его собственного благосостояния. Но эти средства обмана не могли поднять производительность труда и его качество до уровня, достигнутого в развитых странах капитализма. Еще раз было доказано, что азиатский способ производства не может конкурировать с буржуазным. Экономические проблемы СССР привели его к краху.

Государство гордилось тем, что устранило безработицу и предоставило всем возможность трудиться (ст. 118 Конституции СССР 1936 г.). Но безработицы не было ни в феодальном хозяйстве, ни при рабовладении. Одной из гарантий права на труд была система лагерей, обеспечивающая занятостью большое количество советских людей, которые находились на положении государственных рабов [8].

5. Социализм предполагает сознательное и организованное участие населения в управлении общественными делами, свободную конкуренцию между социалистическими партиями, свободные выборы представителей народа в органы государственной власти и формирование через них всего государственного аппарата. Большевистская бюрократия монополизировала власть в стране. Активисты социалистических партий сразу после захвата власти большевиками были арестованы, а затем расстреляны или высланы за рубеж. Бюрократия лишила население права свободно высказывать свое мнение, право выбирать. Все это прикрывалось декларациями конституционных актов о демократии. Конституция РСФСР закрепляла свободу слова и печати (ст. 14), свободу собраний (ст. 15), свободу объединения во всякого рода союзы (ст. 16). В советских учебниках утверждалось, что эти права были гарантированы [1, с. 44]. На деле конституционные декларации никто не собирался исполнять. Были приняты декреты, запрещающие использовать все эти права в ущерб власти новой бюрократии (например, Декрет СНК

«О печати» от 9 ноября 1917 г.). Органы репрессий были наделены чрезвычайными полномочиями по выявлению тех, кто использует свое конституционное право не в интересах новой бюрократии, и их ликвидации (в лучшем случае – лишении свободы). Переход технических и материальных средств по изданию газет, брошюр, книг в руки новой бюрократии Конституция РСФСР 1918 г. изображала передачей их «в руки рабочего класса и крестьянской бедноты» (ст. 14).

Бюрократия умело манипулировала сознанием масс. Те, кто не поддавался пропагандистскому воздействию, уничтожались, лишались свободы или высылались из страны. Наивных людей, не знающих основ политической и экономической грамотности, нетрудно было убедить, что построенное государство выражает их интересы, и они должны быть преданы ему, добросовестно выполнять все его указания. Тоталитарное государство в ходе так называемой «культурной революции» внедрило в сознание людей подданническую политическую культуру и умело мобилизовало их на участие в своих мероприятиях (собрания, демонстрации, управляемые плебисциты доверия начальству). Всеобщую поддержку правящей группы и власти бюрократии обозначали «помогаи», с воодушевлением принимавшие все решения «сверху» и ретранслировавшие их в массы. В стране были созданы тысячи ячеек квазиобщественных организаций (комсомольских, пионерских, женских, профсоюзных и т. д.). Все это выдавалось за развитую демократию. Бюрократия уничтожила независимую от нее гражданскую интеллигенцию и заменила ее служилой интеллигенцией. В стране был уничтожен слой людей, способных критически оценивать происходящее.

Чем сильнее становился контроль бюрократии за населением, тем проще было закреплять в конституционных актах широчайшие права и свободы этого населения. Появляются гарантии того, что никто не осмелится использовать их против своих хозяев. После проведения массовых репрессий сталинское тоталитарное государство существенно расширяет перечень политических прав и свобод, закрепленных в Конституции 1936 г. Это выдавалось пропагандистами за новую ступень развития демократии [6, с. 152–176].

6. Социалистическое государство должно быть республикой. Конституции «советского» государства неизменно декларировали наличие в стране республиканской формы правления. Имитация республики осуществлялась путем провозглашения советских органов высшими органами власти. Конституция РСФСР 1918 г. заявляла, что высшими органами власти и общего управления в стране являются Всероссийский съезд Советов, ВЦИК и Совнарком (ст. 45). Конституция СССР 1924 г. объявляла верховным органом власти СССР Съезд Советов (ст. 8). Но в «советском» государстве никогда не было власти Советов. Фактически в стране правила или группа людей, захвативших власть в результате внутриаппаратной борьбы, или один человек. То есть это была либо олигархия, либо диктатура, доходящая иногда до патримониального правления (сталинизм). Советы формировались государственной бюрократией из самих чиновников и их «помогаев». Они не имели никакой власти. Отечественные государствоведы до сих пор не отличают законотворческие органы (правитель, правящая олигархия) от законорегистрационных. Например, отечественные учебники до сих пор утверждают, что Конституция СССР 1936 г. была принята VIII Всесоюзным Чрезвычайным съездом Советов [4, с. 327]. Советы только оформляли волю правителя и олигархии в виде законов, выполняли роль нотариуса.

7. Для построения социализма в России в XX в. не было никаких объективных предпосылок. Очень низкий уровень производительности и ручной характер труда требовали полного поглощения работника этим трудом. Возникающее стихийно на этом уровне развития производительных сил разделение труда между управляющей корпорацией бюрократии и управляемым населением неизбежно

приводило к утверждению корпоративно-бюрократической собственности на основные средства производства. «Советская» идеология связывала построение социализма с достижением страной первого уровня индустриализации. Но это не является признаком социализма. Этот уровень был гораздо раньше достигнут развитыми буржуазными странами.

Бюрократия сумела внушить неискушенному обществу, что созданные ею производственные отношения являются социалистическими, т. е. более прогрессивны, чем капитализм, но ей не удалось «обхитрить» объективные законы развития человечества. Корпоративно-бюрократическая собственность, прикрытая социализмом, не смогла быть более эффективной, чем частная. Так называемый «лагерь социализма» проиграл экономическое соревнование, не смог дать более высокую производительность труда. Бюрократия признала свое поражение в начале 1990-х гг. и добровольно решила вернуться к частной собственности, разделив государственное имущество между собой и своей клиентелой.

Очень низким в России был культурный уровень масс. Большевики понизили его еще больше, а затем перешли к манипулированию общественным сознанием в условиях изоляции страны от внешнего культурного воздействия. Вместо того чтобы вести общество к самоуправлению и отмиранию государства, новая бюрократия удерживала общество в «детском» состоянии, при котором оно было не способно выживать без опекуна в лице бюрократического государства.

Итак, большевистское государство было не чем иным, как административным по типу государством или, говоря другим языком, восточной деспотией, опирающейся на азиатский способ производства. Поэтому неудивительно, что в странах Востока и Африки в XX в. бюрократия с удовольствием взяла на вооружение, для прикрытия своей традиционной власти, социалистические лозунги. После освобождения стран от колониальной зависимости правящие группы многих административных государств объявили, что они занимаются строительством социализма.

Государственное право России являлось средством убеждения населения в том, что его ведут по пути социалистического строительства. Многие в современной России до сих пор верят в это.

Литература

1. История государства и права СССР. – Ч. 2. – М. : Изд-во Московского университета, 1986.

2. Денисов С. А. Административное общество. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.

3. Денисов С. А. Общая теория административного государства. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010.

4. История России : учебник для вузов. – М. : Высшая школа, 2000.

5. Красильников С. А. Утраченная альтернатива: лидеры эсеровской партии об опыте и уроках революционной эпохи на московском процессе 1922 года // Российская интеллигенция: Критика исторического опыта. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2001.

6. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерки истории Советской Конституции. – М. : Политиздат, 1987.

7. Плискевич Н. М. Человеческий капитал – ценности – институты // XIII апрельская Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М. : ИД Высшей школы экономики, 2012. – Т. 3. – С. 62–70.

8. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997.

Sergey Alekseevich Denisov,
Candidate of Law, Associate Professor at Human Rights Chair,
Legal Department, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

The Imitation of Socialism by Means of the Rules of State Law

In the twentieth century the administrative states imitated the socialism. They used the constitutional provisions for simulating public ownership, distribution according to labor, democracy and Republic.
Key words: norms of state law; imitation of socialism; property and distribution.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 321

Я. Ю. Моисеенко*

Конформизм как имманентный элемент тоталитарных, авторитарных и либерально-демократических политических режимов

Статья посвящена такой форме политических систем, как «политический режим», и рассматривает его институциональное и поведенческое измерения. Природа «легитимации» институциональных норм описывается через призму конформизма, проявляемого ключевыми политическими акторами. Модели-сети социальных связей наглядно иллюстрируют, что конформизм является имманентным элементом как режимов тоталитарного и авторитарного типов, так и либеральных демократий.

Ключевые слова: политическая система; политический режим; институциональное измерение; поведенческое измерение; легитимность; конформизм; ценностная система; либеральная демократия.

Современной политической философии свойственно рассматривать политические процессы через призму неинституциональных факторов, что обусловлено давлением социологической, психологической, экономической традиций. Сторонники такой социологизации политики стремятся придать как автономной области Политического («das Politische», по К. Шмиту), так и всем собственно политическим формам взаимоотношений второстепенный характер и ставят политические отношения в зависимость от рынка с его «правилами игры», или от структурных функций и ролей, или от различных «культурных феноменов» [2, с. 121].

В числе главных преимуществ такого подхода можно обозначить широкий ракурс осмысления тех объективных структурных изменений, которые произошли в мире в ходе «постиндустриальной революции» в последней трети XX века. Однако вместе с тем масштабная социологизация политики обрекает политическую теорию на постулирование сугубо позитивистских трактовок, изображающих политическую жизнь в «лабораторном» ключе. Механистическая интерпретация жизни a priori предопределяет ее бытность закономерной и логической, а значит, минимизирует факторы случайности, многообразия ее форм, признаваемых в классической ее интерпретации. В этом и заключается обратная сторона сближения политической философии и политической социологии, во многом объясняющая тенденцию размывания или, как считал французский философ Ф. Бенетон, «растворения» политики в политической науке XX в. [Там же, с. 122].

Анализ тех изменений, что претерпела область Политического, имеет большое значение, так как может в некоторой степени прояснить, почему в условиях «liquid modernity» границы между Политическим и социальным всё больше стираются. Однако совершить этот анализ будет невозможно без обращения к политической онтологии – базовому разделу политической философии, который осмысляет Политику как сложно структурированную деятельность. Переосмыслению одной из ее классических категорий и будет посвящено настоящее исследование.

Своеобразным стержнем политической онтологии является «власть» [3]. Именно ее концепт может стать отправной точкой нашего переосмысления одной

* **Ян Юрьевич Моисеенко**, магистр политических наук, аспирант Института философии и права УРО РАН (г. Екатеринбург).

E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

© Я. Ю. Моисеенко, 2017

из «переменных» политической жизни – «политического режима», понятие которого в течение долгого времени являлось одним из самых обсуждаемых, но в то же время – самых спорных, рассматриваемых как в ракурсе политической философии, так и в ракурсе сравнительной политологии [1, с. 176]. На этом основании следует вначале привести к общему знаменателю основные воззрения относительно сущности этого теоретического концепта, его измерений и внутренней структуры, поскольку без ясного осознания этих компонентов невозможно впоследствии перейти к изучению специфики его различных форм.

Наиболее значимые современные трактовки «политического режима» принадлежат П. Кальверту, Ф. Х. Кардосо, Р. Фишману, Л. Уайтхеду и М. Манну [9; 10; 11; 14; 12]. Согласно П. Кальверту, «режимом принято считать систему правления или череду таких систем, где власть остается сосредоточенной в руках одной и той же социальной группы или класса» [9, с. 6]. Ф. Х. Кардосо понимал под политическим режимом «свод принципов и правил, связывающих основные политические институты и партийную систему, а также политическую природу взаимодействия государства и общества – по принципу демократии, олигархии, тоталитаризма» [10, с. 33]. Р. Фишман рассматривает «политический режим как формальную и неформальную организацию центра политической власти, а также его связь с обществом в целом» [11, с. 422]. Согласно Р. Фишману, именно политический режим определяет уровень доступа акторов к политической власти, а также состав участников ее распределения [Там же]. Схожей позиции придерживается и М. Манн, который сводит политический режим к «альянсу доминирующих акторов в идеологическом, экономическом, военном пространствах, которые действуют согласно принятым законам» [12, с. 140]. Наконец, Л. Уайтхед утверждает, что политический режим сам определяет «сеть политических институтов, а также “правила игры”, которые регулируют доступ к властным ресурсам и их использование в заданном обществе» [14, с. 46].

Представленные трактовки «политического режима», вне зависимости от предпочтений автора и их приверженности к той или иной научной школе, как нельзя лучше иллюстрируют тезис, что сущность политического режима может быть раскрыта через концепт «политической власти». Поэтому если предпринять попытку отыскать общее пространство, где все эти определения обретают точки пересечения, то им становится согласие с тем, что «политический режим» представляет собой совокупность структур власти, которые функционируют в рамках политической системы общества и опираются на социальные интересы. Так «политический режим» предстает перед нами в качестве концепта, имеющего, одновременно, два полноправных измерения.

Первое измерение политического режима представлено в классической традиции его осмысления, имевшей под собой политико-правовую основу. Здесь политический режим на теоретическом уровне анализа отождествлялся с формой правления или формой государственного устройства со всеми вытекающими из этого последствиями, нивелирующими его самостоятельную категориальную значимость. К примеру, определение Ф. Кардосо наглядно демонстрирует эту позицию: в нем «политический режим» постулируется как часть понятийного аппарата конституционного права и связывается с особенностями построения государственной власти и разделением ее ветвей. В данном случае Кардосо закладывал в него смысл системы «сдержек/противовесов» законодательной, исполнительной и судебной власти, что свойственно традициям французской школы государствоведения, где «монархия» и «республика» различались только формой правления, к которой и сводился сам феномен политического режима [7, с. 107].

Таким образом, *институциональное* (institutional) измерение определяет несколько аспектов функционирования политического режима: количество и спе-

цифику акторов, имеющих доступ к ключевым позициям в политическом поле, где происходит перераспределение власти; методы этого доступа к соответствующим позициям; «правила игры», соблюдаемые ключевыми «игроками» при принятии определяющих властных решений [13, с. 18]. В то же время эти три аспекта структурируют государственную власть, выявляют в ней вертикальное и горизонтальное измерения, акцентируя внимание прежде всего на проблеме горизонтального баланса и сдерживания власти.

Однако определить реальный политический вес закрепленных в основных законах государства принципов и процедур затруднительно, если исходить из одного институционального измерения политического режима. Поэтому, руководствуясь стремлением более содержательно обрисовать картину, исследователи выделяют и второе, но не менее важное его измерение – *поведенческое* (behavioral) [Там же, с. 9]. Его введение в политическую науку состоялось уже на неклассическом этапе, причиной чего стало возрастающее влияние «социологической традиции», сторонники которой не признавали отождествления «политического режима» и «формы государственного устройства». Полагая политико-правовой подход одномерным, его критики предлагали исследовать связи между обществом и государством через призму «принятия» этим обществом институциональных установок и свода правил. В связи с этим «политический режим» рассматривался ими не только как структура власти с присущими методами реализации политической воли, но и в гораздо более широком значении – как баланс во взаимоотношениях социального и политического, иллюстрируемый многогранным понятием «легитимность» [Там же, с. 9–11].

Естественно, полноценная институционализация политического режима может состояться только тогда, когда принятие процедурных правил будет осуществлено всеми ключевыми политическими акторами – в этом вопросе позиции большинства теоретиков сходятся, тогда как общей трактовки концепта «принятие» не существует. Однако без осуществления отдельного рассмотрения этого концепта представляется крайне сложным вычленить смыслообразующую ось рассматриваемой политологической категории, относительно которой происходит диверсификация режимов по признаку расхождения их специфических черт, позволяющих развести его либерально-демократические, авторитарные и тоталитарные типы.

Собственно феномен «принятия» («acceptance») требует от исследователя многоаспектной характеристики, интегрирующей различные его смысловые компоненты, однако особое значение имеет *адаптивность* (adaptability). Рассмотрение концепта «адаптивность» с точки зрения социальной психологии приводит к выводу, что способность человека устанавливать корректные отношения с окружающей реальностью является залогом его гармоничного «бытия-в-мире» («Being-in-the-World»), но в контексте проблематики настоящего исследования необходимо экстраполировать этот феномен на бытие политических систем.

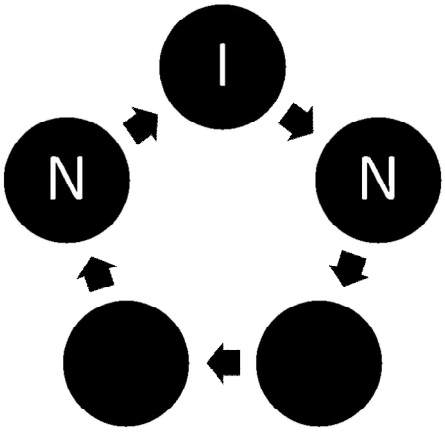
В качестве одного из возможных ресурсов адаптивности в политическом контексте следует рассмотреть понятие «*конформности»* – способности приводить свои ценностные установки и мировоззренческие позиции в соответствие с теми установками и ценностями, которые разделяет условная референтная группа. К*онформизм,* таким образом, представляет выраженное вовне поведение индивида, изменяющееся вследствие реального или даже воображаемого давления этой группы [4; 5; 6].

Конформизм часто и, безусловно, обоснованно подвергается критике, поскольку вследствие него человек внешне или внутренне отказывается от собственных убеждений в надежде сохранить статус члена группы, если эта группа представляется ему авторитетной. С другой стороны, у конформизма наличест-

вуют не только негативные, но и некоторые продуктивные стороны. В контексте настоящего исследования целесообразно рассмотреть влияние конформизма на установление «легитимности» политического режима. К примеру, *конформность,* присущая индивидууму, способствует достижению единодушия политических акторов для принятия необходимых решений в кризисных или пограничных с кризисом ситуациях, когда сохранение идентичности «группы» или же ее существование как таковое находится под вопросом.

Обращаясь к классическим экспериментам, исследующим проявление конформизма в «малых группах» (С. Аш, С. Милграм, М. Шериф), следует напомнить, что единодушие достигается тогда и только тогда, если участники этого малого сообщества «доверяют друг другу на основании авторитетности и надежности», а мнение, в пользу которого они склоняются, действительно «верно», т. е., отражает действительность [15, с. 318]. Поведение индивидов («I») в такой «малой группе» отнюдь не автономно, и в случае, если и «I» имеет доступ к мнениям двух (или более) его «соседей» («N»), то, будучи одинаковыми, они приобретают «надежность» в его глазах [Там же, с. 319]. И уже на основании этого «I» может сделать вывод об их истинности, несмотря на то что изначально те их суждения могли быть отнюдь не самостоятельными по происхождению [Там же].

Экстраполируя закономерности, свойственные «малым группам», на функционирование политических систем в условиях различных режимов, необходимо рассмотреть «канонические» модели-сети социальных связей. В силу своей универсальности эти модели способны проиллюстрировать, *как* в масштабах общества *конформизм* способствует устойчивости социальных связей, выраженной в единой позиции, которой, на выходе из системы, придерживаются субъекты (акторы) или индивиды, участвующие в ней. При этом необходимо заметить, что модели являются «идеальными», чистыми типами, которые иллюстрируют различные социальные обстоятельства. И ни одна из них, естественно, не претендует на то, чтобы исчерпать собой реальное общество, в котором индивиды обретают свою идентификацию – они лишь задают интересное направление мысли. К примеру, модель «Цикл» («the Cycle») иллюстрирует образ некоего «сообщества», в котором взаимное влияние индивидов абсолютно симметрично [Там же, с. 322]:

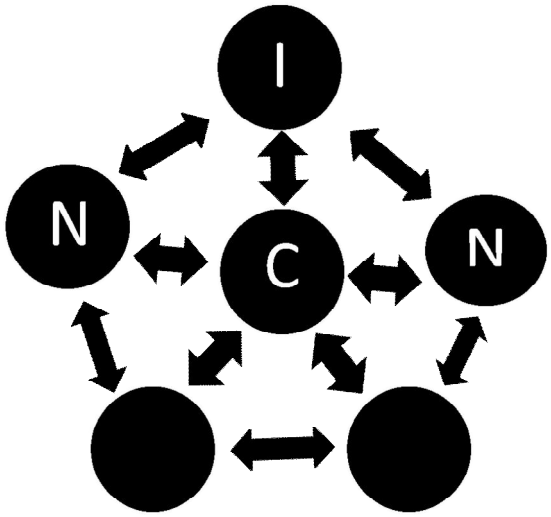


Модель 1. «Цикл» («the Cycle»)

Данная модель отношений может быть воспроизведена на практике в ограниченном числе ситуаций, большая часть которых лишь инспирирована в «лабораторных» условиях, поскольку в реальности позиции, занимаемые индивидами (элитами и т. д.) в социальном, политическом поле, разнятся друг от друга, так как поля не бывают однородными. Один «агент» всегда находится ближе к ключевым точкам поля, ресурсам власти, чем другой, а значит, он и имеет большее влияние

на других, тогда как картина «цикла» представляет модель общества, в котором ни одни индивид не влияет на другого сильнее, чем другие влияют на него самого [15, с. 322].

С точки зрения перспектив экстраполяции на политические системы, работающие в авторитарном (при большем усилении значимости центра «С» – тоталитарном) режиме, много интереснее выглядит следующий «чистый» тип сети социальных связей, а именно «Колесо» («the Wheel»). В отличие от «Цикла», «Колесо» негомогенно, поскольку в нем представлена модель сети с неравнозначным взаимным влиянием, где каждый социальный агент связан с немногими, но один, центральный актор, связан со всеми [Там же, с. 329]:

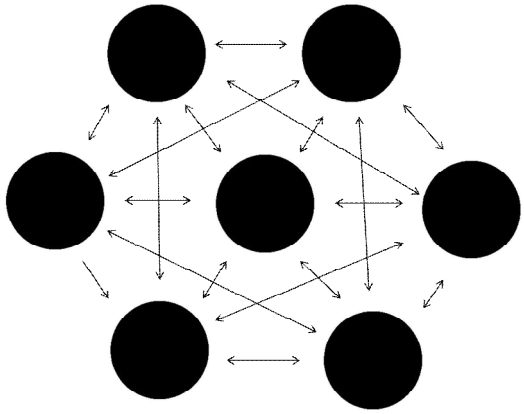


Модель 2. «Колесо» («the Wheel»)

«Центр» претендует на «легитимность» своей власти над остальными и использует возможности полноценного доступа к суждениям разобщенных субъектов «периферии», влияет на их мнения, чем исчерпывает пространство суждений единственным «мнением», которое признано им «истинным». По причине того, что ключевой актор политического процесса, изображенный в центре модели «Колесо», несмотря на тотальность распространения своего влияния, не способен моделировать положение вещей в реальности, он также заинтересован в конформизме, как в ценностной ориентации «периферии» – общества. В случае конформности общества формируемая идеологическая сверхреальность подменяет собой действительность, препятствуя осознанию процесса акторами, что приводит к скрадыванию той «пропасти», которая естественным образом возникает между индивидуальным, т. е. частным, мнением и идеологическим на первоначальном этапе функционирования системы.

Анализировать модель социальных отношений «Колесо» необходимо и с точки зрения теории вероятности, поскольку столь желаемая центральным субъектом конвергенция мнений всех участников системы, расположенных по окружности, не всегда возможна. К примеру, при условии, если хотя бы два агента «на окружности» придерживаются позиции, противоположной той, в которой заинтересован центральный агент, участники системы никогда не придут к единодушному мнению [Там же, с. 330]. При этом, с увеличением количества «агентов», вероятность последнего идет по нисходящей линии [Там же]. В соответствии с этой закономерностью тоталитарным режимам свойственно стремление к ограничению числа участников политического процесса, им выгодно наличие слабых сдерживающих горизонтальных и вертикальных факторов, и ключевую роль в их функционировании играет единоличный политический лидер.

В случае же с политическим режимом либеральной демократии внимание привлекает идеальная модель под названием «Завершенный граф» («the Complete Graph»). Она выглядит полностью симметричной, что как раз отвечает требованию либерально-демократического режима, ибо такое расположение субъектов в политическом поле иллюстрирует полноценность системы сдерживающих факторов горизонтального, вертикального свойства:



Модель 3. «Завершенный граф» («the Complete Graf»)

Кроме того, модель «Завершенный граф» обеспечивает максимально широкий «доступ» всех участников этой гомогенной системы к позициям друг друга, так как каждый «социальный агент» непосредственно связан с другим «агентом». В свою очередь, подобное распределение отвечает еще одному критерию институционального измерения либеральной демократии – «выборной» специфике. Теоретически «социальный агент» здесь имеет полноценный доступ к плюрализму мнений и может быть осведомлен о полноценной картине происходящего, а не только о каком-то определенном сегменте, отведенном ему «Центром», как в случае с моделями «Цикл» или «Колесо».

С другой стороны, с точки зрения вероятности конформность «малой группы», организованной по принципу «Завершенного графа», повышается по мере увеличения числа ее участников, при условии, разумеется, наличия в группе атмосферы взаимного доверия и ее пополнения «агентами», мнения которых принимаются большинством [15, с. 317]. Логичность данного тезиса может быть подтверждена основополагающим законом конформного поведения, выведенного еще С. Ашем: индивиды более склонны доверять именно мнению группы в целом, поскольку оно авторитетней мнения любого отдельного индивида из этой группы [Там же].

В связи с этим индивиды, которые имеют доступ ко всем членам группы, более склонны к конформизму, чем к игнорированию мнения большинства. Учитывая, что модель, созданная по принципу функционирования «Завершенного графа», подразумевает, что всякий «второй сосед» индивида, т. е. сосед его соседа, является «большинством» этой группы, получается, что каждый ее участник сразу же сталкивается с мнением большинства [Там же]. Исходя из этого, можно заключить, что мажоритарный принцип, основанный на мнении большинства, жизнеспособен в условиях либеральной демократии и принимается обществом как «легитимный», в том числе и потому, что поддерживается *конформизмом.*

Если попробовать свести воедино институциональное и поведенческое измерения и рассмотреть либерально-демократический политический режим, то можно обнаружить, что он имеет составной характер и основан на двух принципах, каждый из которых ограничивает значимость другого. Первый принцип (либеральный) заключается в том, что данный режим признает людей носителями все-

общих «прав и свобод», которые сдерживают легитимное осуществление власти. Второй принцип (демократический) находится с ним в контекстной связи, дополняя его логику идеей разграничения частной сферы и публичной. В частной сфере индивиды располагают равной свободой (понимаемой как автономия) и осуществляют выбор в пользу тех или иных личностных приоритетов (вопросы религии, семейного положения, личные интересы), не согласовывая этот свой выбор с политическим курсом государства, что, с точки зрения адептов этого режима, снижает риск конфликтов между ним и обществом. В публичной сфере индивиды образуют «политическую нацию» – сообщество, основанное на индивидуальном гражданстве, которое неспособно самолично осуществлять власть по принципу «прямой демократии», а должно выбирать во власть авторитетных «представителей» из своего числа, тех, кто будет ее осуществлять.

Таким образом, в публичной сфере, в отличие от частной, происходит институционализация возможных политических конфликтов путем выноса их на обсуждение «большинства», выражение чего политический теоретик Ф. Бенетон видит в мажоритарной системе голосования [2, с. 314]. Также, добавляет он, «мажоритарный принцип вовсе не означает, что большинство обязательно право», но его решения обязаны приниматься меньшинством как окончательные и легитимные [Там же, с. 315].

Итак, можно сделать вывод, что либерально-демократический режим развивается одновременно в двух направлениях: с одной стороны, он пытается ликвидировать некоторые конфликты легализацией различий (либерализм в частной сфере), с другой – ограничивает конфликты монополией большинства на легитимность, что есть демократический принцип публичной сферы. В итоге получается, что сама возможность иметь какие-то «разногласия» требует всеобщего согласия, касающегося уважения разногласий. Во многом этот принцип может показаться парадоксальным, но именно он, будучи уже рассмотренным через призму «конформизма», имеет предельную важность, поскольку иллюстрирует, насколько глубоко «конформность» («conformity») интегрирована во внутреннюю природу политического режима – не только авторитарного, но и даже в большей степени либерально-демократического.

Литература

1. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. – 1997. – № 6. – С. 175–183.

2. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. – М. : Весь Мир, 2002. – 368 с.

3. Кожев А. Понятие Власти. – М. : Праксис, 2006. – 192 с.

4. Копец Л. В. Эксперименты Соломона Аша // Классические эксперименты в социальной психологии. – Киев, 2010. – 343 с.

5. Майерс Дж. Социальная психология. – СПб. : Прайм – Еврознак, 2002. – 544 с.

6. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2000. – 338 с.

7. Оврах Г. П. Политология : учеб. пособие. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2000. – 148 с.

8. Bloomfield R., Taylor W. B. Norms, conformity, controls // Journal of Accounting Research. –2011. – June. – Vol. 49, No. 3. – P. 753–790.

9. Calvert P. Political Succession and Political Change in the Process of Political Succession. – London : Macmillan, 1997. – 290 p.

10. Cardoso F. H. On the Characterization of Authoritarian Regimes in Latin America. – Princeton : University Press, 2003. – P. 35–57.

11. Fishman R. Rethinking State and Regime: Southern Europe's Transition to Democracy // World Politics. – 1990. – № 42. – P. 422–440.

12. Mann M. The Rise of Classes and Nation-States // Mann M. The Sources of Social Power : in 3 volumes. – Vol. 2. – Cambridge : Cambridge University Press. – 549 p.

13. Skaaning S.-E. Political regimes and their changes: a conceptual framework // Working Papers. – Center on Democracy, Development and the rule of Law, 2006. – 30 p.

14. Whitehead L. Prospects for a Transition from Authoritarian Rule in Mexico in the politics of economic restructuring in Mexico. – San Diego : University of California, 1994. – P. 327–346.

15. Zollman K. J. Social structure and the effects of conformity // Springer Science. – 2010. – V. 5. – P. 317–340.

Yan Yurievich Moiseenko,
Master of Political Science,
Post-graduate Student, Institute of Philosophy and Law
of the Ural branch of the Russian Academy of science (Ekaterinburg)

**Conformity as an Inherent Element of Totalitarian,
Autoritarian and Liberal Political Regimes**

The article is devoted to such form of political systems as «political regime» and discusses its institutional and behavioral dimensions. The essence of «legitimation» is described through the lenses of conformity performed by the significant political actors. Social model networks illustrate conformity to be inherent element of totalitarian, authoritarian political regimes and also liberal democracies.

Key words: political systems; political regime; institutional dimension; behavioral dimension; legitimation; conformity; value system; liberal democracy.

УДК 94(47)05

К. И. Зубков*

Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века[1]

В статье анализируются содержание и социальный смысл реформ Петра I, осуществленных в первой четверти XVIII в. и явившихся первой масштабной попыткой модернизации России. Успех петровских преобразований, помимо энергии и воли царя-реформатора, определялся институциональной мощью абсолютистского государства, способного подчинить себе и структурировать в соответствии со своими целями социальный агрегат традиционного российского общества. В этом смысле абсолютизм необходимо рассматривать как самостоятельную фазу культурно-исторического развития, характеризующуюся резко возросшей активностью государственно-политического начала в трансформации экономики и социума. В России становление абсолютизма и приобретение им всеобъемлющего характера были ускорены патримониальным типом традиционной русской государственности. В отличие от Западной Европы, где под абсолютистскую государственную надстройку уже в значительной степени была подведена капиталистическая основа, Россия в период петровских реформ демонстрировала определенную инверсию модели социальных преобразований, выразившуюся в попытке воспроизводства достижений европейского капитализма целиком на базе ресурсов традиционного общества. Это объективно закрепляло на длительную историческую перспективу гипертрофированную и, в известном смысле, надклассовую роль государства как инициатора и главного актора модернизационных преобразований.

Ключевые слова: абсолютизм; реформа; государство; модернизация; Петр I; Россия.

В имперскую эпоху своей истории – с начала XVIII до начала XX в. – Россия пережила несколько масштабных волн модернизации, отличавшихся разной степенью интенсивности и глубины и в далеко не одинаковой мере затронувших отдельные части ее общественного организма. В рамках имперской эпохи можно выделить ряд *общих черт*, присущих всей траектории российских модернизаций, и среди них – безусловно, определяющий их общий ориентир, – равнение на самую передовую и постоянно сохранявшую это лидерство европейскую «современность». В целом европейскую, или западную, цивилизацию, воспринимаемую как последнее слово *общественного прогресса*, отличали динамичный рост индустриальной экономики и свободного рынка, научно-технологический рационализм, профессионализация, развитие структур гражданского общества, эмансипация личности и формирование политической культуры либерализма. Очевидно, что не все эти системно связанные компоненты образцовых европейских обществ с одинаковой степенью внимания воспринимались, а тем более копировались, российскими модернизациями как необходимое условие прогресса. Социокультурный источник европейского прогресса для России всегда представлял такую же тайну, какую для Запада представляла сама Россия, и во все времена оставался непостижимой и невоспроизводимой в процессе российских модернизаций субстанцией [3, с. 16]. На этом основании можно говорить о том, что в модели российской имперской модернизации отношение к европейскому прогрессу всегда было вполне типичным для стран «полупериферии» – политически самостоятель-

* **Константин Иванович Зубков,** канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

[1] *Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 14-18-01625 «Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение».*

© К. И. Зубков, 2017

ных, уже затронутых его притягательным влиянием, но существенно отставших в общем развитии. В таких странах – по крайней мере, на начальных этапах – попытки модернизации инициировались чисто прагматическими интересами правящих элит, а поэтому копировали в первую очередь ресурсно-силовые и технические параметры европейской «современности», т. е. то, что было в высшей степени важно с точки зрения первичного инстинкта любого государства – его безопасности и выживания. Такие преобразования – тем более осуществляемые в ускоренном, форсированном режиме – достигались жесткой мобилизацией материальных и социальных ресурсов, монопольным распорядителем которых выступало имперское государство.

В этом взгляде на российские модернизации берет начало хорошо известный тезис о перманентно воспроизводимом «догоняющем» и даже «имитационном» характере модернизации в России. С высоты сегодняшнего состояния этой проблемы можно констатировать довольно широкий и противоречивый разброс точек зрения на этот модельный алгоритм российских модернизаций. Одну полярную крайность выражает давно высказанный тезис о контрпродуктивности гипертрофированной роли государства, которая каждый модернизационный рывок сопровождает воспроизводством мощного механизма торможения активности социальных сил, единственно способных двинуть вперед буржуазное развитие европейского типа (см.: [22]). Этому взгляду противостоит сегодня более глубокий и не такой категорично-негативный подход к оценке роли имперского государства в осуществлении модернизационного процесса. Его симптоматичным выражением является точка зрения Й. Арнасона, который, рассматривая модернизационный опыт Российской империи как структурный прототип советской модели модернизации, подчеркивает, что мобилизационная мощь *государства имперского типа* существенно отличалась от возможностей связанного массой условностей *традиционного* государства. По его мнению, абсолютистская империя, становясь движущей силой изменений, обеспечивала их радикализацию, но при этом сама со временем становилась не противовесом гражданскому обществу, а, напротив, концентрированным и динамичным выражением потенциала его «самотрансформации». Ориентированная на модернизацию империя порождает авторитарный, «структурно деформированный», но довольно динамичный тип развития капитализма, представляющий реальную (по крайней мере, на определенном этапе) альтернативу классическому западному варианту [27, p. 19–20, 73].

Эти противоречивые позиции чаще всего фокусируются на оценке фигуры Петра I и наследия его реформ, которые произвели настоящий *системный переворот*, своего рода «революцию» в условиях русской жизни [29], определив на всю последующую перспективу глубинную философию, социально-институциональный механизм и противоречивую природу модернизационного процесса как *основного содержания* российской истории. В силу этого, как отмечал К. Д. Кавелин, во всех общественных спорах, касающихся определения путей развития России, мысль неизменно отталкивается от оценки реформ Петра, отчего создается устойчивая иллюзия, что «Петр как будто еще жив и находится между нами» [6, с. 174]. Н. Рязановский в своей монографии, анализирующей образ Петра I в контексте развития русской историко-политической мысли, замечает, что для России его реформы имели такое же рубежное значение, какое Реформация – для Германии, Французская революция – для Франции и Американская – для США [35, p. vii].

Можно отметить, по крайней мере, два обстоятельства, которые, действительно, сообщали реформам Петра I характер революционного переворота не только в российской действительности рубежа XVII–XVIII вв., но и в самой парадигме воспроизводства общественной динамики.

Во-первых, это – «революционный» разрыв со всем предшествующим укладом русской жизни и относительная простота (и даже механистичность) подхода, с помощью которого его предстояло преобразовать. Реформы Петра I приняли форму *масштабной «европеизации»* русской действительности – жестко руководимого властью процесса прямых организационно-технических и культурных заимствований (не всегда оправданных и зачастую формальных) у Европы, копирования и форсированного насаждения на русской почве этих образцов. Причем процесс заимствований велся одновременно по широкому фронту, охватив собой не только военное дело, экономику и государственное управление, но также сферу культуры и быта, науку и образование, религиозную и внешнюю политику. Радикализм произведенного переворота, конечно, не стоит преувеличивать. Его драма сконцентрировалась в основном в восприятии современников; вся же последующая историко-политическая мысль с двух сторон – прошлого и будущего – стремилась вписать реформы Петра в континуум русской жизни. Как отмечал А. М. Панченко, «европеизация» России уже в нескольких поколениях до Петра проникала в толщу старомосковской старины, хотя не выливалась в устойчивую восходящую тенденцию, а представляла собой, скорее, «неоднородное и пестрое наследство» [12, с. 505]. Можно убедительно доказать, что Петром I этому уже обозначившемуся и подспудно идущему процессу был лишь придан *ускоренный и системный характер* осознанного государственного курса. В качестве доказательства объективно назревшего характера петровских реформ отмечается и закрепление их результатов в последовавший за смертью царя-реформатора период, когда опасность возврата к старине вовсе не исключалась и даже заметно проявила себя в некоторой попятной реакции. Однако, как подчеркивал С. М. Соловьев, «новый порядок вещей остался и развился, и мы должны принять знаменитый переворот со всеми его последствиями как необходимо вытекший из условий предшествовавшего положения русского народа» [21, с. 538].

Во-вторых, петровские преобразования несли на себе печать рационально-осмысленного и во многом сугубо персонального *проекта* царя-реформатора: вся громадная масса изменений, определившая резкий поворот в жизни страны, приходится на период правления Петра I и фокусируется исключительно на его выдающейся *личности*. Критическую зависимость побед русского оружия в долгой Северной войне и успехов внутренних преобразований от личности самого Петра и его неустанной и разносторонней деятельности очень хорошо осознавали современники. Когда известный панегирист петровской эпохи Феофан Прокопович воспевал монарха как «[м]ногоочитаго воистинну и многорукаго, или паче многосоставного, и на многия места и дела разделять себя могущаго» [18, с. 288], в этом едва ли содержалось преувеличение. Личность и многогранная деятельность Петра I, как воплощение зарождающегося просветительского идеала свободного «разума», основанного на постижении исторической необходимости и способного возвысить до себя человеческий род лишь конечным сознанием своей правоты и ни с чем не считающимися деспотическими методами, придавали проекту первой российской модернизации отчетливый *радикально-рационалистический*, персоналистский характер. В понятиях своей эпохи, Россия при Петре I никого не «догоняла», но впервые насаждала на русской почве преодолевающую «варварство» *цивилизацию* исключительными усилиями монарха-демиурга. В этом отношении на фоне эпохи Просвещения фигура Петра отнюдь не одинока и сопоставима с личностями прусских монархов (Фридриха Вильгельма I, Фридриха II), подобными же насильственными средствами и глубоко личным стилем управления создавшими из захолустной окраины германских земель сильное военное и в некоторых отношениях образцовое европейское государство (см.: [4, с. 68–69]). Роль личности монарха как основной движущей силы преобразований подчеркивала

узость социальной базы первой российской модернизации. Кроме ближайшего окружения царя, подавляющая часть правящей элиты была вполне равнодушна или находилась в скрытой оппозиции к его реформам – факт, как показал американский историк П. Бушкович, до известной степени обнаружившийся в ходе дела царевича Алексея (1716–1718 гг.) [28, p. 339–382]. Характерный для первой трети XVIII в. лейтмотив полемической литературы (А. А. Матвеев, Ф. Прокопович, П. П. Шафиров, В. Н. Татищев), доказывающий нелегитимность сопротивления подданных воле монарха, косвенно свидетельствует о существовавших в русском обществе напряжениях, вызванных реформами Петра [31, p. 117].

С этой точки зрения успех реформ Петра Великого в малоподготовленном для них, косном и инертном социуме представляет определенную загадку. Единственно приемлемое ее объяснение заключается в том, что личный замысел Петра обрел необходимую силу в использовании всей институциональной мощи *абсолютистского государства*. Абсолютизм – это, пожалуй, единственный, но всеохватный компонент преобразований, который в России, развившись на самобытной основе, технически ничем не уступал европейским аналогам этой политической формы и сходствовал с ними по форме организации власти, а по эффективности, возможно, и превосходил их. Если в Европе абсолютизм развился через трудное преодоление *феодального партикуляризма*, то в России к этому же времени он органично вырос из *патримониальной* самодержавной монархии. В силу этого абсолютизм, по сути, стал синхронизирующей «осью» взаимодействия России и Европы, а в этом качестве – главным инструментом модернизации. В ходе петровских преобразований самобытная русская форма абсолютизма, конечно, подверглась основательной *бюрократической рационализации* по европейским образцам, но эта перестройка государственного здания не затронула его глубоко традиционного, но остававшегося системообразующим элемента – неограниченной власти самодержца.

Сегодня социальные науки уже отходят от сформированного марксизмом взгляда на абсолютизм как переходную политическую форму от феодализма к капитализму, смысл которой заключался в обеспечении *политического равновесия* между исторически нисходящими (дворянство) и восходящими (буржуазия) классами. В свое время Й. Шумпетер проницательно заметил, что абсолютизм возник благодаря тому, что политический фактор (развитие государства), который до этого был просто слепком экономических отношений, обрел на определенном этапе эволюции относительную *самостоятельность* и совершенно *новое качество высокотехничного контроля* над обществом, перехватывая у экономики ведущую роль в историческом формообразовании (что отразилось и в самосознании эпохи). Абсолютизм не только поддерживал «равновесие» классов, но и формировал своей активной политикой целый ряд *симбиотических социальных эффектов* (в том числе и между априорно противостоящими друг другу классами), например между нарождающейся буржуазией и военной опорой государства – дворянством [26, с. 183]. Подчеркивая значение абсолютизма, Карл Шмитт в своей книге, посвященной Гоббсову «Левиафану», отмечал, что в Европе раннего Нового времени самой значительной, захватившей умы идейной революцией с далеко идущими социальными последствиями стало именно утверждение рационалистической концепции «абсолютного» государства как «технически совершенного magnum artificium, машины, которая находит свое “право” и свою “истину” только в себе самой, в своей функции и ее результатах» и отличается сочетанием «высшей техничности и высшего авторитета» [24, с. 172–173].

При всем единстве или схожести политических форм и социальных практик, абсолютизм в Европе и России выражал, однако, разное *социально-историческое содержание*. По мнению Й. Шумпетера, в Западной Европе уже нарождающийся

капитализм сталкивался с обществом «необычайно сильной социальной структуры» – феодализмом, и изживавший себя феодализм не обязательно открывал дорогу капитализму, поскольку у власти еще долгое время оставались «вооруженные классы, управляющие феодальным обществом», которым удавалось «присваивать большую часть нового буржуазного богатства». Западноевропейский абсолютизм – это своеобразный «*феодализм на капиталистической основе*», «военно-аристократическое общество, кормившееся за счет капитализма, своего рода симбиоз», применительно к которому пока еще нельзя говорить ни о контроле со стороны буржуазии, ни о значительном увеличении ее общественного веса [26, с. 183]. Используя шумпетеровскую методологию, мы могли бы с таким же основанием заявить, что российский абсолютизм представлял собой несколько иное, стадиально *более отсталое* соотношение социальных элементов и ставил перед собой совсем иные исторические задачи. Его сущностью, скорее, могла бы быть формула «*капитализм на феодальной основе*» (при всей условности наличия феодализма в России), т. е. воспроизводство элементов западного капитализма за счет ресурсов традиционного общества. Попытаемся доказать применимость этой формулы углубленным анализом содержания петровских реформ.

Стремление создать опору своим реформам прежде всего в лице образованного дворянства как главного источника кадров для военной и государственной службы, проводника замыслов и планов монарха, определило общую линию политики Петра I на унификацию дворянского землевладения (слияние вотчины и поместья, фамилизация земельных владений), привилегий и обязанностей разных категорий дворянского сословия – с введением одновременно новой регламентации для военной или гражданской службы дворян. Меры по введению обязательного начального обучения дворянской молодежи, посылка ее для обучения за границей, установление порядка отбывания военной службы дворян-офицеров в новой всесословной армии, устройство дворянских смотров, преследования «нетчиков», избегающих службы, – всё это закрепляло привилегированный статус дворянства, культурно отрывая его от народной массы и сообщая ему известное моральное превосходство над другими сословиями, но одновременно обременяло его, против прежнего положения, гораздо более тяжелой обязательной службой государству. Указ о единонаследии 23 марта 1714 г. – одна из самых противоречивых мер Петра, – одновременно решая задачи сохранения дворянского землевладения от дроблений, разделял дворянское сословие на держателей имений и безземельных искателей службы, но и в том и в другом случае это делалось в видах превращения дворянства в массовый кадровый резерв для различных видов государственной службы. Хотя В. О. Ключевский находил в дворянской политике Петра мало подлинно нового, усматривая в ней лишь приспособление старых отношений «к новым государственным потребностям» [7, с. 65–82], трансформация положения дворянства – по крайней мере, в замыслах Петра – определенным образом «демократизировала» его отношения с другими частями общества на общем поприще служения государству, находя для него полезную функцию. Нельзя в этом контексте обойти вниманием и другое нововведение последних лет петровского правления – известную Табель о рангах от 24 января 1722 г., которая, наряду с более ранним указом от 16 января 1721 г., решительно ставила принцип заслуг на службе государству впереди родовитости, автоматически открывая доступ в потомственное дворянство представителям других сословий, достигшим определенного служебного ранга [Там же, с. 76]. Д. Ливен высоко оценивает петровскую Табель о рангах, отмечая не только созданный ею канал социальной мобильности и известной «демократизации» дворянского сословия, но и уникальность самого института пожизненной государственной службы дворянства и для Запада, и для России во все другие периоды истории. Хотя этот принцип

ненадолго пережил Петра, этика службы государству довольно прочно закрепилась в традициях российского дворянства. Однако, по мнению Ливена, реформы Петра странным образом отразились на судьбе дворянства как общественного сословия: в силу его возросшей гетерогенности с точки зрения богатства, культуры, экономических интересов, профессиональных призваний, они не превратили его в единый класс, но и не сделали его правящей элитой – прежде всего, в силу тотальной подчиненности государству и отсутствия самостоятельных политических институтов, которые бы позволяли ему контролировать государственную машину и эффективно отстаивать свои интересы [33, p. 228–229]. Это говорит о том, что модернизационная стратегия Петра I выходила за рамки т.н. «феодальной» модернизации – стремления увековечить привилегированный статус дворянства в государстве, и если она, в силу компромисса с традицией, прочно связала его с государством, то на первом месте в этой связке Петр, определенно, ставил интересы государства.

Похожая политика проводилась в отношении других традиционных сословий, которым Петр последовательно стремился придать *новое социальное качество*, усиливая их функциональную «полезность» в общей системе абсолютистского государства и своей преобразовательной деятельности. Это выразилось в стремлении Петра определить для каждого сословия ту или иную четкую служебную или податную функцию, в его ненависти к паразитизму духовенства, попытках искоренения всякого «нерегулярного», гулящего элемента (который в значительной степени поглотила новая петровская армия), в насаждении новых принципов и форм деятельности для купечества и ремесленников. Абсолютизм Петра, действуя по определенному рационалистическому шаблону, закреплял сословную систему, придав ей бóльшую четкость и агрегированность, но свести социальную политику царя-реформатора только к этому невозможно. И. В. Волкова отмечает целый ряд порожденных петровскими реформами (прежде всего, военной) социальных эффектов, которые не столько укрепляли перегородки внутри сословной системы, сколько «раскачивали» ее, сообщая сословиям новые социальные качества и усиливая взаимодействие между ними. Это – формирование новых социальных институтов, выступавших в роли мощных интеграторов общества (бессословная армия), меритократический принцип социальной мобильности с соответствующими новыми системами внесословных иерархий (государственная служба, армия), множившиеся каналы взаимодействия между армией и гражданской частью общества, новый социальный опыт, который выходившее из замкнутости общинных мирков крестьянство приобретало через выполнение разнообразных государственных повинностей (включая навыки коммерческой сметки, которые в дальнейшем породили массовое отходничество и крестьянское предпринимательство) (см.: [1]). В этом отношении стратегия преобразований Петра I воспроизводила уже не вполне традиционную, но, скорее, *постфеодальную* социальную структуру общества, способную более гибко адаптироваться к новым историческим задачам. По существу, Петр I проводил социальную политику, следуя той логике общественных преобразований, которую французский историк П. Шоню рассматривал как типичную для абсолютизма: от политики – к трансформации социальной структуры, от изменения социальной структуры – к экономическим изменениям [25, с. 403–404]. С этой точки зрения абсолютизм – это своего рода *подготовительная* фаза перехода к капитализму, связанная не с капиталистической экономикой как таковой, а с «настройкой» и приспособлением *постфеодальной социальной структуры* общества к новым историческим задачам.

Опора петровской стратегии модернизации на прогрессивный зарубежный опыт обусловила проведение *политики привлечения на русскую службу иностранцев*. Эта практика прочно утвердилась в России еще в XVII в. Сама про-

грамма преобразований Петра во многом складывалась под влиянием иностранцев, смолоду составлявших его ближайшее окружение (Ф. Лефорт, П. Гордон, Я. Брюс и др.). Массовый характер приглашение иностранцев, как носителей научных знаний, военного и производственного опыта, приняло уже в ходе Великого посольства 1697–1698 гг., когда царь и сам, и через своих агентов нанял за границей сотни мастеров и ремесленников. С началом Северной войны эта практика была расширена, в чем важную роль сыграл манифест «О вызове иностранцев в Россию…» от 16 апреля 1702 г., которым на русскую службу привлекались, прежде всего, иностранные военные специалисты «купно с прочими государству полезными художниками», с предоставлением им определенных привилегий и иммунитетов (свобода отправления культа, подсудность специально создаваемой «иноземной» коллегии и т. п.) [15, с. 192–193]. При этом все историки согласно отмечали, что в замыслах Петра приглашение иностранцев, как и посылка русских людей для обучения за границей, должно было стать *массовой школой* для обучения собственных, русских кадров, в связи с чем каждому иностранному специалисту вменялось обучать приставленных к нему русских людей «без всякой скрытности и прилежно» [7, с. 102].

Сложнее с определенностью ответить на вопрос о том, на сколь далекую перспективу мыслил Петр I прохождение Россией этого периода «ученичества» у Запада. Ряд историков утверждает, что для Петра использование иностранных специалистов служило лишь *временным* «средством ликвидации отсталости России путем подготовки и обучения национальных кадров» [9, с. 468] и что отношение его к Западу было подчеркнуто прагматичным и в меру критичным. Об этом свидетельствует, в частности, то, что победоносное завершение Северной войны Петр расценил и как стратегический выигрыш на поприще усвоения западной науки и опыта у той же самой Европы, которая Россию стремилась «не допускать до света разума во всех делах» [23, с. 56]. Однако не всё в этом вопросе выглядит так однозначно. Разворот России к европейскому просвещению Петр I стремился закрепить и геополитически, о чем свидетельствует присоединение к России в ходе Северной войны первой крупной инонациональной территории – Остзейского края (1710 г.). Необычайно внимательное, почти предупредительное, отношение Петра к сохранению имущества, привилегий и законодательных обычаев местного «рыцарства» ясно выдавали его стремление инкорпорировать *навечно* в тело России «западнический» культурный образец, используя балтийских немцев как источник кадров способных, вышколенных, пунктуальных администраторов, знающих европейские методы ведения дел и в значительной массе прошедших обучение в европейских университетах [32, с. 55].

Петровская модернизация по последовательности преобразований и формам своей реализации в целом подпадает под модель т. н. «военных революций», типичных и для других стран европейской «полупериферии» XVII–XVIII вв. (Швеция, Пруссия, отчасти Османская империя). В этом случае инициирующим импульсом модернизации становилась внешняя необходимость – стремление стран «полупериферии» не отстать от ведущих западноевропейских «центров силы», прежде всего – в наращивании военных возможностей и вопросах развития военных технологий. По справедливой оценке Х.-Х. Нольте, «армия в полупериферийных странах превратилась в своеобразного проводника модернизации» [10, с. 19]. Военный характер модернизации до известной степени уравновешивал в модернизируемых странах (включая Россию) появление ростков новой – индустриальной – экономики и политическое восхождение абсолютизма, а в ряде случаев делал их органично дополняющими друг друга компонентами модернизационной модели развития. Для Петра I, проводившего преобразования под непосредственным давлением военных обстоятельств (Северная война 1700–1721 гг.), вся

их программа диктовалась преимущественно логикой решения военных проблем и вела свой отсчет от его военной реформы.

В чем выразила себя «военная революция» в условиях России? Во-первых, военные обстоятельства в сильнейшей степени повлияли на *характер экономической модернизации* России в эпоху Петра I, дав мощный толчок развитию военного производства – первого сектора экономики, в котором ощутимее всего проявились усилия по созданию крупного промышленного производства, а затем последовательно распространяя этот эффект на смежные отрасли, вовлеченные в снабжение вооруженных сил. Необходимость форсированного развития военной промышленности до крайности сужала иные возможности создания предприятий, кроме как использование средств казны. Большинство крупных предприятий, созданных в России в конце XVII – первой четверти XVIII в., производили продукцию, так или иначе связанную с военными потребностями государства (железо, вооружение, военное снаряжение) [17, с. 21]. По данным В. В. Мавродина, промышленные предприятия «военного назначения» составляли в этот период 51 % всех вновь созданных предприятий, а об особой заинтересованности государства в таком развитии говорит тот факт, что 43 % всех предприятий были созданы на средства казны [8, с. 99]. Кроме того, модернизация военно-экономической сферы, осуществляемая в условиях затяжной Северной войны, не могла не усиливать в политике государства *экстенсивные методы* наращивания военного потенциала, что предполагало не только военно-захватные методы овладения наиболее ценными видами ресурсов, но и *расширение территориальных ресурсных баз* внутри страны. Об этом красноречиво свидетельствует оценка военно-экономических возможностей России, изложенная в донесении резидента венского двора О.-А. Плейера от 1710 г.: «Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лучше; дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления; серы и селитры вдоволь у них из Украины; для бомб и гранат ни в каком месте нечего и желать лучше железа тульского и из Олонца при Онежском озере по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металла для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы <…> Все воинское платье у царя теперь из своей собственной земли…» [13, с. 399]. Именно порожденная войной тенденция к *экономической автаркии* стала мощным стимулом для создания базовых для военного сектора промышленных производств. Ряд исследователей зарождение *русской промышленной политики* прямо связывают с обнаружившейся еще в XVII в. потребностью русских властей компенсировать угрозу блокирования враждебными державами военного импорта (железо, оружие и т. п.) созданием соответствующих предприятий, в том числе через «локализацию» привлекаемых иностранных капиталов (семейства Акема, Марселисов, Виниусов) [30, p. 172–173]. В правление Петра эта линия государственной политики осуществлялась еще более последовательно, но уже с преимущественной опорой на казенные предприятия.

Во-вторых, колоссальный рост расходов на создание армии и флота, возросшие затраты на различные казенные предприятия и нужды, изъятие на службу огромных масс податного населения обострили в правление Петра проблему государственных финансов и потребовали экстраординарных мер *финансовой мобилизации*. Мобилизационный характер, предполагающий широчайшую разверстку финансовой нагрузки на *всё общество* в целом (включая иногда и неподатные сословия), носили уже первые преобразования Петра I – например, принудительная повинность светских и духовных землевладельцев финансово участвовать в «кумпанствах» по строительству кораблей Азовского флота в 1696–1697 гг. В го-

ды Северной войны изыскание средств пополнения государственных доходов первоначально характеризовалось довольно хаотичным, бессистемным увеличением размера податей, введением экстренных налогов (прямых и косвенных) и повинностей (посошная, подводная, постойная и др.), предназначенных к покрытию возникавших статей расходов, изобретением новых бесчисленных сборов, которые с 1704 г., по образному выражению В. О. Ключевского, «как из худого решета посыпались на головы русских плательщиков» [7, с. 119]. Использовались и другие статьи доходов, в частности изъятие государством доходов монастырских вотчин, казенные монополии на продажу товаров широкого спроса, инфляция, осуществляемая понижением содержания серебра в монете, уменьшением ее веса. Не подлежит, однако, сомнению, что система государственных финансов при Петре стремительно эволюционировала к построению *единого государственного бюджета*, попыток если не строгой калькуляции, то, во всяком случае, сбалансирования общих расходов и доходов государства. Введение подушной подати (1718 г.), заменившей подворное обложение и исчисляемой общей раскладкой расходов на подлежащее учету податное население, можно считать кульминацией этой политики. Увеличение налоговых поступлений, достигаемое резким усилением фискального гнета при одновременной тенденции к унификации разных категорий податного населения, происходило, однако, в русле усиления общей политики закрепощения – распространением крепостной зависимости на те категории населения, которые ранее считались свободными (гулящие люди, отпускные холопы), включением в сферу феодальной эксплуатации государственного крестьянства, введением паспортной системы, затруднявшей формирование рынка свободной рабочей силы [11, с. 604–605]. В. О. Ключевский, подвергая беспощадной критике подушную реформу Петра, подметил, возможно, главный ее стратегический промах, состоявший в том, что она, подгоняя под «одну схематическую, канцелярски составленную мерку возникшие из жизни разнообразные местные и классовые уровни налогоспособности» и произведя «крайнее изнурение народного труда», никак не соотносилась с попытками стимулировать народнохозяйственный оборот, с поощрением торговли и промышленности, т. е., говоря современным языком, с перспективой прогресса налогооблагаемой базы [7, с. 131, 133]. Иначе говоря, решение Петром целого круга *новых* модернизационных задач, как справедливо отмечал Н. И. Павленко, достигалось ужесточением общего режима крепостничества [11, с. 605], т. е. беспощадной фискальной эксплуатацией социальных сил *традиционного* общества.

В экономической сфере стратегия петровской модернизации фокусировалась на всемерном поощрении развития ее наиболее прогрессивного сектора – *торговли и промышленности*, оставляя почти без внимания аграрные отношения. Хотя форсированное формирование промышленного сектора во многом диктовалось нуждами войны, нет сомнения, что стратегические замыслы Петра, касающиеся этой сферы, выходили за рамки текущих потребностей. Представления царя-реформатора об условиях богатства и процветания государства складывались под влиянием господствовавшей тогда на Западе экономической философии *меркантилизма*, которая полагала решающим фактором накопления сферу торговли (и лишь во вторую очередь производство), а основой богатства государства – активный внешнеторговый баланс [5, с. 24]. Однако на русской почве меркантилизм приобретал известное своеобразие, став, фактически, со времен Петра прологом к формированию *государственной промышленной политики*.

Следуя примеру передовых стран Западной Европы, Петр I стремился поднять значение торговли и промышленности в жизни государства, привлечь внимание разнородных социальных акторов (в том числе дворянства) к коммерческой деятельности, разработке природных богатств страны, созданию новых производств,

что отвечало как задаче сокращения ввоза определенных групп товаров из-за границы, так и выходу русской торговли на международные рынки. Первые меры Петра к поощрению активности русского купечества (как и преодолению критической для русской торговли проблемы недостатка крупных капиталов) свелись к попытке внедрить в его среду типичные для развитых стран Европы формы коммерческих партнерств (указ от 27 октября 1699 г.) [14, с. 653–654] – в основном в форме сбытовых картелей («кумпанств»), до этого имевших в России только слабые ростки. Однако инертность и косность русского торгового капитала не позволили этому начинанию утвердиться, и в дальнейшем казна решительно берет в свои руки и крупную международную торговлю (в том числе заготовку экспортных товаров), и в значительной мере становящуюся на ноги промышленность. Неудачей закончились и меры по поощрению самоорганизации торгово-ремесленного сословия городов (выборные городские магистраты, цеховое устройство ремесла), что объяснялось тяжестью податей и бесплатных казенных служб, которые вынуждено было нести городское население [19, с. 236]. Гораздо более результативными, определившими магистральную линию торгово-промышленной политики стали меры, использовавшие два основных рычага воздействия на зарождающийся в России предпринимательский капитал – льготы и принуждение [7, с. 106]. Освобождение от казенных и городских служб, беспошлинная продажа и покупка товаров, безвозвратные субсидии и беспроцентные ссуды, протекционистские тарифы и другие льготы частным предпринимателям, заводящим собственные промышленные предприятия, формировали «громоздкую искусственную структуру» опеки (прежде всего, в лице Берг- и Мануфактур-коллегий) над зарождающейся русской промышленностью, сочетавшую средства ее поддержки и контроля [34, p. 122]. Необходимость решения к выгоде предпринимателей критической для России проблемы нехватки свободных рабочих рук вылилось в создание оригинальных форм соединения частного промышленного предприятия с принудительным трудом, что нашло отражение в разрешении купцам приобретать на условиях вечного прикрепления к заводам крепостных крестьян (указ от 18 января 1721 г.) [16, с. 311–312], а также в расширении практики приписки государственных крестьян к выполнению заводских работ (особенно на горных заводах Урала и Сибири) [20, с. 300–304]. Одновременно в стратегически важных отраслях промышленности, как отмечено выше, стремительно расширялись позиции казенного сектора, формирование которого, в силу контроля государства над основными факторами производства, представляло наименьшие сложности.

Характеристика промышленной политики Петра будет неполной без учета такого важного фактора преимуществ, как богатые природные ресурсы, что позволяло власти в полной мере задействовать *экстенсивный* путь роста промышленности. Создание новых горнопромышленных центров на Урале (где при жизни Петра I было построено 23 завода) [2, с. 86] и в Сибири (Алтай, Нерчинск) порывало с прежней практикой аграрно-промысловой колонизации и означало форсированный перенос на периферию передовых на то время основ производства и культуры. За счет естественных факторов продуктивности (богатые запасы руды, лесов, водной энергии) в новых центрах удавалось организовать производство в крупнозаводском технологическом масштабе, результатом чего было существенное (на Урале в 2–2,5 раза) снижение себестоимости продукции металлургии и высокие темпы ее прироста. Это, в свою очередь, открыло путь русскому железу на международные рынки, обеспечив России временное мировое лидерство в этой отрасли производства.

Учитывая сложную, многокомпонентную природу капиталистического уклада, можно констатировать, что петровские реформы, безусловно, усиленно насаж-

дали его определенные элементы, прежде всего в виде отделения производства от домашнего хозяйства, рациональной организации крупнопромышленного производства. Однако для превращения капитализма в целостную систему в условиях России недоставало его главных социальных элементов – лежащей в основе частного предпринимательства мотивации к строгому соотнесению затрат и результатов, свободного труда на контрактной основе. Эти недостатки абсолютистское государство компенсировало за счет ресурсов традиционного общества, страхуя зарождающийся русский частный капитал и щедрыми субсидиями, и резервами подневольного труда в такой степени, что русское общество и в XIX в. смотрело на капитализм как на нечто формальное и нежизненное, как на искусственное явление, взращиваемое правительством. Через призму такой оценки возможно более определенно, избегая односторонних и прямолинейных оценок, судить о том, в какой степени петровские реформы могут считаться «буржуазными», а в какой – отклоняющимися от магистрали капиталистической эволюции. Однако эти вопросы становятся вполне вторичными перед главным социологическим итогом петровских преобразований – тем, что они на длительную перспективу заложили в цивилизационную модель развития России гипертрофированную и самодовлеющую роль государства как инициатора и главного актора модернизационных сдвигов, способного, в соответствии с собственными целями, структурировать социальный агрегат общества и определять социально-институциональный дизайн преобразований.

Литература

1. Волкова И. В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С. 35–52.

2. Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв. : Избранные труды. – Екатеринбург : УрО РАН, 2005. – 616 с.

3. Зубков К. И. Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль // Уральский исторический вестник. – 1995. – № 2. – С. 15–26.

4. Зубков К. И. Петровская модернизация как рецепция рационализма (методологический анализ) // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации : сб. науч. ст. – Екатеринбург : УрО РАН : УрГИ, 1998. – С. 64–77.

5. Зубков К. И. У истоков промышленной политики России: меркантилизм и экспансия // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. : материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова. – Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2006. – С. 22–30.

6. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М. : Правда, 1989. – 654 с.

7. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. – Т. 4 : Курс русской истории. – Ч. 4. – М. : Мысль, 1989. – 398 [1] с.

8. Мавродин В. В. Основание Петербурга. – 2-е изд. – Л. : Лениздат, 1983. – 208 с.

9. Молчанов Н. Н. Петр I. – М. : Эксмо, 2003. – 480 с.

10. Нольте Х.-Х. Европа в мировом сообществе (до XX в.) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 1993. – М. : Наука, 1993. – С. 9–28.

11. Павленко Н. И. Петр Великий. – М. : Мысль, 1998. – 736 с.

12. Панченко А. М. Начало петровской реформы: идейная подоплека // Из истории русской культуры. – Т. III (XVII – начало XVIII века). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 503–518.

13. Плейер О.-А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы. – М. : Фонд Сергея Дубова, 2001. – С. 397–413.

14. Полное собрание законов Российской империи. – Т. III : 1689–1699. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 694 с.

15. Полное собрание законов Российской империи. – Т. IV : 1700–1712. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 890 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. – Т. VI : 1720–1722. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 817 с.

17. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М. : РОССПЭН, 1997. – 344 с.

18. Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго // Панегирическая литература петровского времени / под ред. О. А. Державиной. – М. : Наука, 1979. – С. 283–300.

19. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. – М. : Наука, 1991. – 390 с.

20. Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II : в 2 т. – Т. II. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – xlvi, 866 с.

21. Соловьев С. М. Сочинения. – Кн. IX : История России с древнейших времен. – Т. 17–18. – М. : Мысль, 1993. – 671 с.

22. Спундэ А. П. Очерк истории русской буржуазии // Наука и жизнь. – 1988. – № 1. – С. 76–82.

23. Судьбы реформ и реформаторов в России : учеб. пособие / под ред. Р. Г. Пихои и П. Т. Тимофеева. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – 374 с.

24. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. – СПб. : Владимир Даль, 2006. – 300 с.

25. Шоню П. Цивилизация Просвещения. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ, 2008. – 688 с.

26. Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. – Т. 1. / пер. с англ. В. С. Автономова. – СПб. : Ин-т «Экономическая школа» : Санкт-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов : Гос. ун-т – Высш. шк. эк-ки, 2004. – lvi, 496 с.

27. Arnason J. P. The Future That Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model. – L. : Routledge, 1993. – xi, 239 pp.

28. Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – xii, 485 pp.

29. Cracraft J. The Revolution of Peter the Great. – Cambridge, Mass. ; L. : Harvard University Press, 2003. – ix, 192 pp.

30. Fuhrmann J. T. The Origins of Capitalism in Russia: Industry and Progress in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. – Chicago : Quadrangle Books, 1972. – xv, 376 pp.

31. Hamburg G. M. Russian political thought, 1700–1917 // The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 116–144.

32. Kasekamp A. A History of the Baltic States. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. – xi, 251 pp.

33. Lieven D. The elites // The Cambridge History of Russia. – Vol. II : Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 227–244.

34. Mavor J. An Economic History of Russia. – Vol. I. – N.Y. : Russell & Russell Inc., 1965. – xxxv, 614 pp.

35. Riasanovsky N. V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. – N.Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1985. – xi, 331 pp.

Konstantin Ivanovich Zubkov,
Candidate of History, Associate Professor, the Leading Researcher
of the Institute of History & Archaeology, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

Absolutism and Modernization:
On the Evaluation of the Peter the Great's Reforms
of the Early 18th Century

The article analyzes the contents and social meaning of Peter I's reforms implemented in the first quarter of the 18th century that became the first large-scale attempt to modernize Russia. The success of the Petrine reforms, apart from the energy and will of the tsar-reformer, was determined by the institutional power of the absolutist state which appeared to be capable to override and make the social aggregate of the traditional Russian society structured in accordance with its purposes. In that sense, it is necessary to consider the absolutism as a standalone phase in the course of the world history characterized by the dramatic increase in the state's political activity in transforming both the economy and society. In Russia the formation of absolutism developed universally having been accelerated by the patrimonial type of the traditional Russian statehood. In contrast to the Western Europe where the absolutist state's superstructure had already been significantly underlaid with the capitalist base, Russia had shown during the Peter I's reforms a certain inversion of the pattern of social transformations – the fact which expressed itself in the attempt to reproduce the achievements of the Western capitalism entirely on the basis of traditional society's resources. This objectively secured a hypertrophied and, in certain sense, above-class role of the state as initiator and chief actor of the modernizing reforms for the long historical perspective.
Key words: absolutism; reform; state; modernization; Peter I; Russia.

УДК 130.2

Е. Ю. Погорельская[*], Л. С. Чернов[**]

Земная радость эксперимента

Статья посвящена рассмотрению эксперимента не как метода, а как особой социальной практики, ставшей нормой в XVII веке и доминирующей по сей день. Экспериментальное отношение к миру пронизывает все сферы культуры, а не является только научным феноменом. В качестве методологии применена гносеологическая установка Аристотеля, в которой каждая вещь рассматривается как реализация индивидуальной цели. Эксперимент представлен как социальная практика с конкретной внутренней целью, актуализированной через историческую потенциальность.

Ключевые слова: эксперимент; социальный эксперимент; фаустовская душа; божественное попустительство; природа вещи; пытка природы; внимание; зрелищность; театральность.

Традиционно эксперимент рассматривают как научный метод, получивший широкое распространение в Европе с XVII века. Эксперимент анализируется как метод, путь, который ведет к познанию истины, как средство для достижения вполне определенной цели. Мы хотим посмотреть на эксперимент иначе, а именно – как на социальную практику, которая имеет свою самостоятельную сущность, а не просто является «средством» для достижения определенных результатов.

Успехи естественных наук XVII века были настолько убедительны, что социальная мысль взяла себе «на вооружение» механическую картину мира для объяснения социальных явлений, общества, человека. Общество сравнивалось с часами, человек – с машиной. Социальная мысль тоже стала перестраивать действительность, придавать ей форму. Английская революция XVII в. и Французская революция 1789–1794 гг. продемонстрировали волю человека к изменению природы общественного устройства. В XIX веке «в голос» заговорили о себе гуманитарные науки, стремясь освободиться, отъединиться от естественно-научного знания, но новая гуманитарная рефлексия не изменила глобальной парадигмы, которая была зафиксирована в XVII веке: новоевропейский экспериментальный стиль мышления, обособленный и очень специфичный, но по сути *тотальный, – распространился на всё.*

Если эксперимент рассматривать не столько как метод, сколько как социальную практику, то тогда приемлемо предположить, что эксперимент имеет определенную природу (в античном, аристотелевском смысле). В нашем исследовании будут сознательно перекрываться разные аспекты подхода к эксперименту – исторический, структурный, феноменологический, поскольку целью является прояснить его как социальный факт, «потрогать» его, и это путь, соответствующий самой «фюсис» вещи. Для того чтобы понять эксперимент, надо отвлечься от внешних пропедевтических концепций и обратиться к самой природе эксперимента, через его собственную цель.

[*] **Елена Юрьевна Погорельская,** доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: schreibigus@mail.ru

[**] **Леонид Сергеевич Чернов,** доцент кафедры философии и политологии, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург).

E-mail: leon-chernov@yandex.ru

© Е. Ю. Погорельская, Л. С. Чернов, 2017

Часто делят эксперименты на естественно-научные и социальные, определяя последние как недопустимые. Но если мы будем подходить к эксперименту не как к подручному инструменту для исследования действительности, а как к практике социального бытия, то мы обнаружим, что грань между «естственно-научным» и «социальным» экспериментом не столь существенна, а часто просто незаметна, и люди «проживают» эксперимент не отслеживая специфику экспериментальных ситуаций, а просто воспринимая их как некие «сложности» или «странности» жизни.

Итак, слово «эксперимент» традиционно употребляется в научном контексте. Эксперимент рассматривается как метод науки, основная особенность которого заключается в том, что объекты в экспериментах ставятся в искусственные условия, которые к тому же еще контролируемы извне исследователем. При эксперименте исследуемый объект ставится в достаточно агрессивные условия, чтобы объект показал свои скрытые свойства или качества. Например, когда крысе вкалывают вакцину от пневмонии, это для крысы неестественно. Особенно для крысы неестественна ситуация, если ее сначала сознательно заразили, а потом проверяют на ней же различные методы лечения, оттачивая тем самым свой профессионализм и знание о природе болезни. Экспериментальный метод в естествознании стал широко распространяться начиная с XVII века, когда появилась идея заставить природу взаимодействовать «саму с собой», чтобы исследователя с «его субъективным» было как можно меньше.

Конечно, возможность эксперимента предполагала, что природа должна быть десакрализирована – «Бог есть», но он за кадром, он создал мир, дал ему лучшие «законы природы», и мир, как часы или машина-автомат, безошибочно выполняет божественную программу. Человек погружен в природу своим телом, законы которого так же незыблемы, как и законы любого природного объекта. Это «выключение» Бога из материального и, возможно, исторического мира принципиально. Не зря О. Шпенглер назвал этот порядок мира фаустовским. И. В. Гете начинает «Фауста» именно с темы божественного попустительства. Вступая в спор с Мефистофелем, Господь, веря в человека, дает возможность нечистому испытать природу человека. Господь говорит: «Ты можешь гнать, пока он жив, его по всем уступам. Кто ищет – вынужден блуждать» [3, с. 298]. Бог, удаляясь от человека, верит, тем не менее, в силу человеческой природы: «Когда садовник садит деревцо, плод наперед известен садоводу» [Там же, с. 297]. (Обратим внимание, что у Бога здесь именно античное отношение к человеку. Он знает «природу» человека и не боится эту природу подставить «под нож» Мефистофеля, который, по сути, и есть квинтэссенция экспериментального отношения к миру.) *Таким образом экспериментальное естествознание предполагает божественное попустительство при изучении объекта.*

Эксперимент описан в Библии. В отношении Иова Бог так же попускает сатане: «И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги» [6]. После этого Иов многострадальный претерпевает много мытарств, в том числе муки, идущие непосредственно от человеческого рода, не верящего в невиновность Иова. Иову приходится не только страдать телесно и душевно от своих несчастий, но и защищаться перед людьми, вменяющими ему грехи. Обличители Иова не понимают его, они судят по внешнему виду о внутреннем состоянии, в то время как Иов категорически настаивает на своей непорочности. И эти «вынужденные оправдания» особенно тяжелы для Иова, потому что ему лично по сути никто не верит, верят внешним проявлениям. Это очень важно *для экспериментального подхода,* мало ли кто там что говорит – *важны факты*, а факты свидетельствуют о наказании раба Иова. Для Иова геенна начинается уже при жизни.

Вместе с Богом из материи мира изымается любовь, а следовательно, ничего не жалко, предмет можно пытать. «Загоним природу в испанский сапог», – воодушевленно взывает Ф. Бэкон. Но зачем, зачем такие крайности? Дело в том, что Бэкон видит цель знания в подчинении природы, в распространении могущества человека, во власти. «Эксперимент как познавательное действие необходим… если мы хотим познавать природу в целях ее подчинения. Мы хотим воздействовать на природу, поэтому и познавать ее надо в действии» [8, с. 103].

«В испанский сапог» античную природу загнать было нельзя. Проведение экспериментов держится на особой этике, которая для античного мировоззрения была бы просто чудовищной. Дело в том, что ученый Нового времени имеет дело совсем не с той природой, с какой имел дело античный мастер или философ. В чем же принципиальная разница, если учесть то, что мир, при всех его исторических трансформациях, тот же самый?

Для начала следует заметить, что природа в античном понимании и в понимании философов и ученых Нового времени – разное. Разница в содержании понятия «природа» сохранилась и по сей день. Достаточно обратить внимание на такие словосочетания, как «красота природы» и «природа красоты». Первое словосочетание – «красота природы» – отражает мировоззрение Нового времени, природа рассматривается как целое, которое может быть красивым. Второе словосочетание, «природа красоты», принадлежит античному мировоззрению, предполагающему, что у каждой вещи, идеи своя природа, т. е. некое непроходимое свойство, которое определяет эту вещь или идею, их сущностное свойство. В Новое время стали говорить «закон природы», так как именно экспериментальное естествознание выделило некие универсальные связи между природными явлениями. Универсальность связей означает всеобщую проходимость, ученый может «идти сквозь» сущностные свойства вещей. Например, физика Ньютона позволяет абстрагироваться от размера тела и его формы. (Закон всемирного тяготения предполагает, что тела, связанные гравитационными силами, имеют массу, но не имеют размера, т. е. размером тела можно пренебречь.) Законы природы предполагают, что универсальные связи между явлениями отличаются устойчивостью и постоянством. Универсальны и постоянны связи. Объекты темны. Объект может «показать любое лицо». У объекта есть главное свойство – существовать. «Вещь-в-себе» И. Канта – типичный случай такого «закрытого объекта». Наука имеет дело с феноменами, т. е. с тем, как «вещь-в-себе» является. Именно связь явлений, или закон природы, позволяет явно «высветить» какое-либо из свойств «вещи-в-себе», но не всю ее полноту. Отсюда появляются в познании мотивы «бесконечного познания», «вечного стремление к истине», постоянное приближение к ней и априорная установка о невозможности достичь полноты результата. Романтику вечного поиска при вере в могущество разума мы находим у Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Паскаля. Трезвый скепсис в познании природы проявляется в рассуждениях М. Монтеня, И. Канта. В обоих случаях остается одна и та же страсть – исследование природы. Страсть формирует цель: как на самом деле устроен мир, без влияний идолов и фантазий, идущих от человеческого ума.

В Античности природа своя у каждой вещи. Вещь сама себя раскрыть не может, человек, как мастер, как «демиург земного значения», позволяет природе раскрыть свои потенции. Человек вообще рассматривается как мастер, как сотворец богу. Здесь «природа» понимается как сущностное свойство, базовый смысл, как ***то***, без чего нельзя. Природа выступает как определенное «непроходимое» условие». Природу каждой вещи создает бог, демиург, он заранее вкладывает определенную индивидуальность в любой предмет. А у человека задача «достроить» мир на всех уровнях. Но что означает «достроить мир»? Когда мастер античный берется за дело, он уже вынужден учитывать особенность материй,

природ, из которых будут достраиваться вещи, из которых будут создаваться дома, храмы и города. Человек помогает своим искусством (мастерством) состояться *вещи вполне*, *предельно обнаружить свою природу*. Природа темна, мастер ее просветляет, выявляет соответствующий ей логос, который потенциально уже присутствует в природе как некое требование к дальнейшему оформлению. Мастер берет глину, делает из нее кирпичи, а потом из кирпичей дом. В природе глины уже подразумеваются дома, храмы, а в природе домов, храмов, площадей, дорог подразумеваются города. Природа «ведет» интуицию мастера. Природа провоцирует мастера к мастерству. «Освободи меня», – просит природа мастера. В каком-то смысле мастер новую природу не творит, как и философ ничего нового не измышляет. И мастер, и философ просто «высвобождают», выпускают на волю то, что и так есть. «Врачебное искусство есть логос здоровья», – говорит Аристотель в «Метафизике» [1, с. 150 (Met. V.4 1015a12-15)], врач «выпускает» здоровье. Здоровье суть естественное состояние тела, ибо для тела быть здоровым – норма. Врач возвращает телу то, что у него и так есть по природе. Античный пример мастерства мы нашли, как ни странно, у Алексея Толстого в его книге «Золотой ключик». Буратино, деревянный мальчик, создается мастером, Папой Карло, из полена, которое в себе уже содержит потенциальную идею Буратино. Полено изначально ведет себя как живое, но неоформленное существо: кричит, прыгает, дерется, *просится на волю, на свободу*. Его инаковость сразу заметна и пугает обычных людей, таких как столяр Джузеппе. Джузеппе в ужасе, он считает, что прыгающее полено – бесовщина. Не каждый может быть мастером, не все «видят» природу вещей. Здесь разница между слепотой Джузеппе, запутавшегося в своих идолах, и зрением реального мастера, который страха не имеет. Быть мастером – значит иметь особый дар, и мы делаем промежуточный вывод, что а*нтичное познание – это этика (!) освобождения.*

Античное мышление полагает, что вещи могут «проясняться» и сами, реализуя в процессе жизни богом данную энтелехию. Цыпленок становится петухом, так реализуется его природа. Целевая причина встроена в природу вещи, внутренний двигатель самоопределения вещи уже есть: здесь становление вещи (ее развитие) совпадает с ее бытием (полнотой). Цыпленок будет развиваться в петуха, но уже в цыпленке заложена полная определенность того, что вырастет петух, а не крокодил. Потенциальное бытие (цыпленок) и актуальное бытие (петух) совпадают в каждом моменте времени, бытие определенно сразу (петух), но разворачиваться оно будет во времени (цыпленок → петух). Природа вещи «идет к себе» в течение жизни. «Природа, или естество, в первичном и собственном смысле есть сущность, а именно сущность того, что имеет начало движения в самом себе как таковом…» – определяет Аристотель [1, с. 303 (Met. XII.3 1070a26-30)]. Философу остается лишь внимательным умом схватить эту полноту в идее. Вещь, в наивысшем своем воплощении, в своей полноте совершенна, т. е. красива, а идея = эйдос в своей полноте совершенна, т. е. истинна.

Для критического новоевропейского мышления просто всматриваться в предметы мало, недостаточно высвобождать на волю божественные сущности вещей, создавая произведения искусства. Новоевропейское мышление сведет все качественные различия природ вещей к единому количественному континууму – бесконечной природе мира. Идея эволюции могла возникнуть только на такой теоретической основе. Когда из природы вещи устраняется целевая причина, у вещи нет ограничения в трансформации, она может превращаться в другую вещь, в третью, и т. д. и в итоге в человека. Мы не будем оценивать справедливость теории эволюции, скажем только, что в самой идее эволюции, идее происхождения новых видов из одного исходного вида, из первой клетки, заложена исходная аксиома, что природа едина и нет никаких глобально «непроходимых» качеств вещей. Ан-

тичное отношение к природам вещей требовало высвобождения природ вещей: хоть в мастерстве, хоть через философию, в конце концов природа вещи высвобождалась через самоопределение вещи в ее развитии, становлении. Становление вещи в античном миропонимании есть реализация ее собственной цели, цели ее бытия. Новоевропейский стиль познания мира различные качества вещей рассматривает как некие условные заборы, как проблему, которую в принципе можно преодолеть. Когда химики в XVII веке (Роберт Бойль) ввели понятие химического элемента как предела качественного разложения вещества и поставили себе задачу найти этот предел, они не представляли себе, что в итоге они получат химическую картину мира, лишенную качественной однородности. Каждый химический элемент на самом деле «показал свою природу», но химический мир оказался очень многообразен и разнороден, и как смириться с отсутствием однородности? Идея единства природы требовала найти то, что делает качества химических элементов проницаемыми. Что может выходить за качество и претендовать на его объяснение? Ответ: количество, как бескачественная определенность. Свести все к «простому», найти принцип, объясняющий всю качественную разнородность химических элементов, удалось Д. И. Менделееву. Каждый химический элемент имеет атомный вес. Атомный вес – это универсальная количественная характеристика, позволяющая составить химические элементы «по разным полкам», не нарушая их качественной индивидуальности, а, напротив, объясняя свойства того или иного химического элемента его местом в Периодической системе.

Дон Жуан, великий исследователь природы любви, – типичный новоевропейский человек, для которого каждая женщина лишь средство в процессе его бесконечного познания. Как и все новоевропейские мыслители-исследователи, он встает перед одним и тем же парадоксом – количество в приоритете над качеством. А если рассматривать количество как потенциальную бесконечность, *т. е. бесконечность, которая не приобретает качество,* то такое познание похоже на абсурд, на дурной сон. В новоевропейской науке содержится устойчивый мотив Дон Жуана: обольстить, а добившись, покинуть, взяться за новую истину/женщину. Науку, как и Дон Жуана, влечет не наслаждение, и уж точно не любовь, а познание. Гонка за сущностью любви (Дон Жуан), предмета исследования (наука). Предмет познания, при всей своей конкретности, «просвечивает» бесконечность, которая влечет нестерпимо. Но если античный философ просто «влюбится» в предмет, в идею, найдя в себе созвучное вечности, то новоевропейский мыслитель будет искать факты, подтверждения, он не будет доверять. Он стремится «пройти идею» количественно[1], это индуктивное в своей сути познание, познание, опирающееся на факты. Недаром Э. Т. А. Гофман видит в Дон Жуане родственника Фауста.

Традиционно считается, что эксперимент является средством для подтверждения какой-либо гипотезы. Но этого мало. Новоевропейский эксперимент, эксперимент в духе Бэкона – это исследовательская программа. Ученый не знает, как поведет себя исследуемый объект. Объект может повести себя стандартно, т. е. предсказуемо, но что-то может пойти не так. Не так, как ожидалось. И тогда возникнет новое знание, потому что объект покажет себя с новой стороны, с той стороны, которая непредсказуема. *Для возникновения нового нужна и новая логика, и принципиально новая практика*[2].

[1] Так же действует король Лир в одноименной трагедии В. Шекспира. Любовь дочерей он пытается количественно измерить при разделе королевства: «Скажите, дочери, мне, кто из вас // Нас любит больше, чтобы при разделе // Могли мы нашу щедрость проявить // В прямом согласье с вашею заслугой» [12].

[2] По этому поводу см., например: [7], а также [10].

Любой эксперимент начинается с внимания. Внимание – это начало активного вмешательства.

Вспомним фильм П. Уира «Шоу Трумана» (1998). Герой с рождения обречен на публичность, сам того не подозревая; его личная жизнь в мельчайших подробностях, в каждом извиве души доступна каждому для рассмотрения. Труман «родился» в прямом эфире, он тот, кого выбрали для глобального эксперимента по исследованию человеческой природы. Он, казалось бы, находится не в экстремальных условиях, его жизнь не концлагерь, не тюрьма, не необитаемый остров, напротив, все максимально приближено к естественной жизни, кроме одного – «ты – исследуемый объект», ты – центр внимания, а взгляд на тебя напоминает прицел. Беги, и тысячи взглядов ловят тебя в каждом моменте пути. Человечество для Трумана как вездесущий Бог, который все про тебя знает. От божественного взгляда не скрыться. В чем может проявиться свобода героя? Да, принципиально Труман в ловушке, и у него нет шансов уйти от внимания. Но глобально он свободен, потому что «зрители» не могут предугадать его действия и, уж точно, не могут предусмотреть мысли в его голове. Поэтому внутренняя свобода – это необходимый минимум. В современном мире люди стремятся привлечь к себе внимание, ведь это так естественно для человеческой природы – быть нужным, быть значимым, быть для кого-то единственным. Люди ищут внимания, люди провоцируют друг друга на внимание. Но обычно человек может выбрать – отключить или сменить номер телефона, не ответить на письмо, бросить, сбежать… Труман на внимание обречен. Поэтому то, что с ним происходит, суть эксперимент, Труман не может выбрать, не может спрятаться, как не может выбирать никакой находящийся внутри эксперимента объект.

Эксперимент представляет зрелищную ситуацию. Новое качество/свойство/отношение объекта исследования не просто должно быть продемонстрировано. Оно в идеале должно быть продемонстрировано и повторяемо публично, т. е. многим. Эксперимент здесь – это своего рода театр, театр пытки, общественной пытки, пытки на людях, на глазах у всех. В организации Лондонского Королевского общества (XVII век) это называлось принципом аутопсии. «Принцип “аутопсии” включает в себя, во-первых, требование воспроизводимости эксперимента; во-вторых, «умножение восприятия», ибо один экспериментатор может заметить детали, ускользнувшие от внимания другого; в-третьих, возможность сопоставить разные эксперименты и сделать, следовательно, более точные выводы; наконец, все это происходит в уверенности, что скрытая природа вещей может и должна стать в условиях эксперимента непосредственно наблюдаемой» [2, с. 100].

Тем не менее у природы крепкие затворы [3, с. 310], и открывает она свои тайны не в созерцательном наблюдении и не кабинетным философам. Объект исследования находится в сфабрикованной ситуации, в идеале – в лаборатории. «Ничьими словами!» – взывает лозунг Лондонского Королевского общества. Доказательством должны быть эксперименты и расчеты, в всё лишнее (душа, целевая причина) исключены. Одно из имен *эксперимента – контроль.*

В «похожем на жизнь» эксперименте находится главный герой фильма Д. Торнаторе «Лучшее предложение» (2012). В. Олдмен – известный антиквар, коллекционер женских портретов, эксперт и знаток женской красоты. Олдмен попадает в искусственную ситуацию, спровоцированную для кражи его коллекции картин. Олдмен мужчина не молодой, любящий страстно женщин, но любящий, в силу психологических особенностей, платонически. Конечно, он страдает от нехватки полноценной любви, и на этом сыграли мошенники. Олдмен не просто внутри внимания женщины, что для его жизни само по себе нестандартно; его постоянно провоцируют этим вниманием, его заинтересовывают, привязывают, а по

сути, паразитируют на его инфантильном чувстве любви. Ведь Олдмен знает только любовь к образцу, к идеалу, он совсем несведущ в земном аналоге этого чувства, поэтому он и не видит разыгранный вокруг него спектакль. «Приманка» в образе таинственной Клер буквально не дает ему покоя. Олдмен мог бы догадаться, что его обманывают: женщина прекрасно умеет говорить, так что очень сложно предположить у нее серьезное психическое расстройство. Человек через голос обнажает душу, и только очень здоровый человек на такое способен, Клер явно не больна. Но герой этого не видит, предмет эксперимента не наблюдает за наблюдателем.

В фильме проводится мысль: между искусственным и естественным тонкая грань, и очень сложно отличить подлинник от подделки. К тому же в подделке всегда присутствует и нечто подлинное. Олдмен, который в своем мире антиквариата отличит любой подлинник от подделки, в человеческих чувствах с этим не справился. Поэтому он и попал в эту сфабрикованную ситуацию. А ворам нужны были подлинные произведения искусства. Имитация чувства легко пошла в обмен на шедевры. Так цивилизованные люди традиционно обманывали и обманывают дикарей.

Но экспериментальной науке нужна истина = бытие, не подделка.

Эксперимент рассматривается как своеобразный ключ к реальности. Он должен с ней как-то взаимодействовать/соотноситься, иначе он не будет ее «вскрывать». При помощи эксперимента исследователь надеется разгадать реальность, раскрыть ее, вывернуть наизнанку, посмотреть нутро, раздеть, разодрать, если надо, в клочья. Другое дело, насколько реальность при этом «сохранит лицо» и останется реальностью. В эксперименте объект пытают и обычно результат пытки выглядит, мягко скажем, странно. Олдмен пытку выдержал. Его пытали навязчивым вниманием, суррогатом любви, обманом, кражей, полным крахом жизни. Разбитый, раздавленный в шестеренках эксперимента, Олдмен сохраняет себя вне зависимости от ситуации. Он сохраняет свою любовь, по сути, к чудовищу, потому что в этом искусственном эксперименте самым настоящим элементом был только он. Он любил; и здесь важно понять, что *эксперимент, на самом деле, – очень эффективный способ познания действительности, бытие на самом деле раскрывается; другое дело, что это бытие впоследствии выглядит как зияющая рана.*

Известный социальный эксперимент описан в книге Филипа Зимбардо «Эффект Люцифера» [4]. По данному реальному эксперименту поставлено несколько фильмов, например «Эксперимент» (2001 г., реж. О. Хиршбигель) или «Эксперимент» (2010 г., реж. П. Шойринг). В Стэнфордском тюремном эксперименте принимали участие 24 человека, которые случайным образом были поделены на «охранников» и «заключенных». Достаточно быстро «охранники» стали обнаруживать садистские наклонности, а «заключенные» в большинстве своем были деморализованы. Автор эксперимента, сам психолог Зимбардо, объясняя свои действия исключительно научными интересами изучения человеческого поведения в экстремальной ситуации, не замечает главного: жестокую ситуацию эксперимента создает он. Любопытно, что сам Зимбардо низко оценил немецкий фильм «Эксперимент» 2001 года: «Фильм создает весьма искаженное представление о том, что происходило во время нашего исследования, довольно вольно интерпретируя его ради дешевой популярности. Фильм заканчивается вульгарными сценами сексизма и бессмысленных сексуальных унижений и насилия, не имеющих никакой художественной ценности», – пишет он в своей книге [Там же, с. 395] Такая оценка неудивительна, ведь настоящее искусство выставляет хорошее зеркало на происходящее. Истина, как считает М. Хайдеггер, ближе к искусству, чем к науке. Хотя, традиционно, говоря «научность», мы подразумеваем истинность.

Приступая к любого рода эксперименту над чем бы то ни было, «исследователь» должен понимать: *эксперимент – это всегда пытка.* Какая бы «благая» цель ни была у эксперимента, какая бы истина ни «манила», объект эксперимента будет страдать. Автор книги (Ф. Зимбардо), благородный пытатель, все время стремится навязать нам мысль: «ситуация может сокрушить личность и свести на нет самые благие намерения», все дело в ситуации, человек – это процесс, и он может повести себя по-разному, а не только по принципам сформированных заранее ценностей. Возможно, он прав, но глобальная неправда всех его выводов в том, что для того, чтобы ситуация состоялась, нужно, чтобы кто-то этого захотел. И лучше, эффективнее, если этот кто-то будет не один. Человек поддерживает ситуации своими энергиями, по аналогии с тем, что мир поддерживается эманацией Бога.

Эксперимент не природная ситуация, это не цунами, землетрясение или проявление любой другой стихии. Эксперимент – это сознательно сфабрикованный акт, явление ноосферы. Зимбардо утверждает, что Ситуацию создает Система, которая имеет Идеологию, и, по сути, на этой обезличенной системе всегда и лежит ответственность. Но так ли это? Все мы являемся проводниками каких-то идей… каких-то чувств… какой-то власти. Ответственность на личности есть всегда, а наиболее отчетливо личность вспоминает себя и чувствует в вопросе смерти. (Другое дело, что и смерть сегодня становится «медикаментозным вопросом», по словам А. Шмемана.) Онтологическое состояние человека, принципиальное одиночество перед лицом Бога суть образец, модель для любого поступка, ибо нет никакой Большой Системы и в главном ты всегда один.

Стремление *выразит*ь свою природу изначально заложено в творчестве. *Бытие желает демонстрировать себя, оно избыточно.* И свобода тут в том, что время над бытием не властно, оно не указывает момент, когда творить и что; в этом смысле творчество вечно. В экспериментальном мире бытие загнано во временной контекст, тебе укажут время, когда надо посетить watercloset, в срок отведут, а если в 5 минут не успеешь, будешь ждать следующего раза. Требование физиологической активности по плану. (Ф. Зимбардо придумал такую схему туалета в научных целях, естественно; добавим: частично «заимствуя» ее у родоначальника европейского либерализма Дж. Локка. Локк предлагает похожую схему посещения туалета в классической работе о воспитании.)

В экспериментальной науке заложена априорная вера в то, что сущность и существование – одно. Поняв сущность вещи, мы поймем принцип ее существования и, значит, сможем сотворить, воспроизвести эту вещь. Это лучше всего видно на экспериментах по генной инженерии и клонированию. Человек хочет создать жизнь «с нуля», из ничего. И конечно, эта жизнь должна быть совершенной, т. е. бессмертной, счастливой. *Ученый претендует на место Бога*.

Мефистофель *(еще тише)*
А чем же занимаетесь вы тут?

Вагнер *(шепотом)*
Созданьем человека.

Мефистофель
А скажите,
Какую же влюбленную чету
Запрятали вы в колбы тесноту?

Вагнер
О боже! Прежнее детей прижитье

Для нас – нелепость, сданная в архив.
Тот нежный пункт, откуда жизнь, бывало,
С волшебной силою проистекала,
Тот изнутри теснившийся порыв,
Та самозарождавшаяся тяга,
Которая с первейшего же шага
Брала и отдавалась и с собой
Роднила близкий мир, потом – чужой,
Все это выводом бесповоротным
Отныне предоставлено животным,
А жребий человека так высок,
Что должен впредь иметь иной исток [3, с. 568].

Обратим внимание, что Гомункул, которого создал Вагнер (наука) – гермафродит [Там же, С. 625]. Поистине счастливый и добродетельный человек, которому нечем грешить. Ученый претендует на *место* Бога, а не на самого Бога. Никто не намерен самоотверженно любить и подставлять щеку для удара. Место Бога – лучшее место, высшее в иерархии, оттуда можно всем управлять, всем распоряжаться, все решать.

В сказке Г. Х. Андерсена «Новый наряд короля» тоже ставится эксперимент. По сюжету мошенники-портные играют на людских слабостях – желании быть умным, занимать свое место (годиться для своей должности). Они эксплуатируют слабость короля к нарядам и, одевая его в несуществующее платье, выставляют его, с его же согласия, голым на всеобщее обозрение. Обманщики создают зрелище, они потешаются над королем, который ведет себя так нелепо в своем королевском пристрастии к красивой одежде и развлечениям. На наш взгляд, важно то, что король хоть и описан в сказке изначально иронично и кажется, будто он глуп по причине любви к красивой одежде, но при этом «в королевской столице жилось очень весело». Король устраивал парады, посещал театры, принимал иностранных гостей. Налицо – организованная социальная жизнь во главе с верховной властью. Короля и его подданных обманула вера в ценности Просвещения. Было заявлено, что ткань нового наряда короля увидит только умный человек. Значит, в королевстве ценили умных подданных, ценность ума была присуща данной политической структуре. Ценность ума была настолько велика, что все те чиновники и министры, которые ходили смотреть на платье короля до того, как он вышел в нем на заключительное торжество, боялись признаться, что сами ничего не видят. Ум породил страх, а страх породил обман в отношении несчастного монарха. Заметим, страх королевского окружения был рефлексивным. Министры «тыкали пальцами в пространство», думая, что «все остальные видят прекрасную ткань». Значит, министры признавали свою собственную глупость, но были уверенны, что все остальные окружающие умны. Страх признаться в собственной глупости победил каждого. Никто не взял на себя ответственность защитить своего короля, каждый боялся за себя. Но самое важное здесь в том, что власть может быть показана голой! Та власть, которая продолжает торжественное шествие в непристойном виде на виду запуганных и обманутых граждан в сказке Андерсена «Новый наряд короля», лишена королевского достоинства, лишена сакрального подлинного и невидимого тела (символического, которое исследовал Э. Канторович). *Голая власть не может иметь сакральную природу.* Сакральное открывается немногим как чудо. Если короля можно раздеть, значит он, по сути, ничто, а королевская власть лишилась тайны божественного благословления. Ницше не зря говорит о новоевропейском мире: «Бог умер». Если король голый, то Бог точно умер.

Разрушился сверхчувственный мир, мир, который не только внушает страх и трепет; *разрушился фокус, который на самом деле позволяет видеть, не вскрывая ткань.* Бытие просвечивает своим совершенством, а человек не доверяет, ослеп.

Яркий и убедительный эксперимент проводит Гамлет. Гамлет хочет знать правду, зрительно убедиться в том, что Призрак прав и Клавдий на самом деле убийца его отца. Нужно активное вмешательство в события жизни двора, и Гамлет организует «Мышеловку».

Зрелище – петля,
Чтоб заарканить совесть короля [11, с. 72].

Является ли то, что происходит во время «Мышеловки», экспериментом? Внешние условия эксперимента у Гамлета присутствуют. Он дает указания актерам, уточняет сценарий постановки; он наблюдает за Клавдием во время самого действия. После эксперимента делаются определенные выводы. Если под экспериментом понимать некоторые искусственно созданные условия для наблюдения за объектом с целью получения достоверного знания, то все эти характеристики для «Мышеловки» соблюдены. Сама «Мышеловка» через свое название (именование) указывает на инструмент, механизм ловли, благодаря которому и в который попадает искомая идея. Гамлет исследователь, экспериментатор и судия, желающий вынести правдивый объективный приговор, опираясь на очевидность и достоверность сценического действия.

Гамлет вернулся в Эльсинор из Виттенберга, немецкого университета, в котором развивались идеи протестантизма, и то, что протестантизм технологически и логически был связан с книгопечатанием, мы считаем естественным. А. Ф. Лосев пишет прямо, что Гамлет – ученый-философ [9, с. 603].

Эксперимент строится по модели искусства; театр и экспериментальная лаборатория слиты воедино. Гамлет, следовательно, в театральном эксперименте ищет вещественные доказательства убийства его отца Клавдием. Итогом представленных выше рассуждений становится понимание Гамлета как судии, который не может вынести приговор, хотя этот приговор, казалось бы, уже вынесен его отцом и передан через Призрак. Для установления истины Гамлет становится экспериментатором-режиссером. В этом эксперименте он постигает природу предательства и удостоверяется в предательстве Клавдия. Однако быть судьей не означает исполнить приговор, ибо его исполнение требует волевых качеств, способности практически действовать. Гамлет-исполнитель в процессе суда над Клавдием начинает думать об основании истинных суждений о дружбе, о любви, о верности, иными словами о том, что первоначально не входило в его планы и задачи. Эксперимент, поставленный Гамлетом, и все, что его сопровождает (случайное убийство Гамлетом Полония, смерть Офелии, лицемерие королевы-матери), требует от принца таких душевных сил и такого глубокого переживания происходящего, что делает его почти безумным. Гамлет не отстранен от эксперимента, не смотрит на происходящее из безопасного угла, *он стягивает всю суть эксперимента на себя*. И чем ближе дело к развязке, тем очевиднее мы видим Гамлета как жертву. Жертву, которая, устроив эксперимент, встала в ось пыточного колеса. Конечно, Гамлет погиб. Сложно раздваиваться, организовывать технические, пыточные устройства и тут же на себе все проверять: а надежно ли работает? Мы видим бытие, которое само себя «поставило под нож», выбрав ценность познания как высшую.

Эксперименты делятся не на естественно-научные и социальные, а на безопасные и настоящие. Бэкон, когда говорит, что природа должна взаимодействовать сама с собой, говорит именно о безопасном эксперименте. «Мы тебя будем пытать, а сами встанем на безопасную позицию и посмотрим, как ты там будешь

дергаться в конвульсиях». Безопасный эксперимент – эксперимент безответственный. Ты ничем не рискуешь. Современные безопасные эксперименты, это, например, кино. Чем не социальный эксперимент, в котором ты сам можешь и поучаствовать, что-то понять про себя, про мир. Это не всегда приятно, но в целом не обременительно. Безопасный эксперимент предполагает, что у экспериментального случая не будет памяти, или не будет памяти, призывающей к ответственности. Безопасные эксперименты по сути безмозглые, человеческое в них не задействовано. Это, скорее всего, диагноз. На трагедию способно только юное, говорит Ф. Ницше; мир молодости поэтому так жесток.

Что есть фаустовская душа? Обычно, когда говорят о научности, имеют в виду именно такой строй души. Фауст – любознательный экспериментатор, который в своем любопытстве переходит заданные моральные границы, для которого поиск истины является определяющим фактором на жизненном пути. Правила ограничивают мир, но они существуют для того, чтобы их нарушать. В этой своей страсти Фауст встречается со своим иным, со своей тенью, с Мефистофелем. Мефистофель не потусторонняя сила, это внутренняя проблема самого Фауста. По сути, Фауст и Мефистофель – две стороны одной медали, это экспериментальное отношение к миру с его плюсами и минусами одновременно. Фаустовская наука добилась сегодня колоссальных результатов. Представить современный мир без науки или отказать естествознанию в реальных положительных достижениях неубедительно. Наука на самом деле достигла многого и дала людям фактически *новый мир*, мир проявленного могущества человеческого интеллекта. Но наука в самой себе несет и мефистофелевские черты. Разум, вышедший за свои пределы, не только попадает в трансцендентальные иллюзии, как полагал Кант, он еще и начинает действовать агрессивно, он считает, что ему все дозволено, он начинает устанавливать в мире правила, становится новым законодателем, забывая, что мир создан не им. Крайности души Фауста = Мефистофеля, на наш взгляд, наиболее объемно, рафинированно, без «этического хлама» просвещенческих гуманистических концепций представлены в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер».

«Парфюмер» П. Зюскинда – история убийцы, рожденного без любви, среди отбросов и помоев парижского рынка. Он никому не нужный человек, человек без «личного запаха» – как бы не имеющий личной сущности, человеческой природы. (На этом настаивал Ж.-П. Сартр.) Неимение сущности, в случае с интуицией П. Зюскинда – запаха, делает человека недоступным для любви, вообще для любых человеческих чувств и отношений, поскольку человек не воспринимается как человек. Главный герой романа, Жан-Батист Гренуй, – это отсутствие человека при человеческой оболочке, «ублюдком» назвала его первая кормилица.

Гренуй обладал удивительным обонянием, способностью по запаху отличить, определить любую вещь, любую субстанцию, коль запахи разложимы до атомов. Гренуй «вобрал в себя» все запахи, какие нашел в мире, разложил их внутри себя, систематизировал. Он мог восстановить в памяти любой аромат и наслаждаться им или забраковать его. Вселенная запахов в голове Гренуя была вселенной идеальной, коль скоро ароматы могли не иметь реального материального носителя в определенный момент времени. Гренуй владел ими, как владеет ученый идеей, концепцией. Сначала ему казалось, что богатства этой Вселенной ему достаточно, чтобы наслаждаться жизнью, и он ушел от презренных, вонючих, глупых людей, которые в этом мире ничего толком не понимали. Но, прожив семь лет в пещере, в своем «идеальном» мире ароматов, Гренуй не смог вынести собственного запаха, которого, по сути, не было. Вопрос: какого запаха, ведь он не пах, но это и было самым чудовищным. Тень сущности не имеет. Видимо, с онтологической точки зрения это невыносимо. Гренуй пошел туда, где сущность была нормой, какой бы она ни была: зловонной, грязной и т. д. помойкой или еще чем-то, он пошел за

бытием для себя, он пошел к людям. Но не по любви, поскольку любовь – это полнота, избыток. Он пошел не просто как нищий, но как вор. Взять себе, забрать, присвоить, сделать своим, а через это приобрести полноту.

Квинтэссенция человеческой природы внешне выражена в красоте. Это хорошо знали в Античности. Это хорошо понимал и Парфюмер. Но красота – это маркер, «явление» человеческой природы, если пользоваться терминологией Канта. Сама сущность человека, совершенного человека, незримо представлена в его аромате. За этим и стал охотиться Парфюмер. Он хотел заполучить человеческую природу, выдавить ее из реальных людей, забрать себе, присвоить. Но не какие попало люди его интересовали. «То, чего он страстно желал, был запах определенных людей: а именно тех чрезвычайно редких людей, которые внушают любовь. Они-то и стали его жертвами» [5, с. 221]. Греную не нужны были суррогаты, он и сам умел их делать, это не ценно. Он хотел именно бытия, именно полноты, именно истины, сказала бы наука. В таких случаях наука говорит: надо действовать, и результатов надо добиваться активно, агрессивно. Грену так и поступает. Обучившись изымать ароматы из цветов, он переходит к щенку, пчелам, и, только полностью освоив это ремесло, научившись не только выжимать запахи, но и сохранять их, он переходит к осуществлению своей заветной цели: приобрести аромат самой красоты, которая открывает прямой путь к сердцам людей. «Все его убийства были выполнены одинаково аккуратно, сам выбор жертв выдавал почти математический расчет… Казалось, что цель убийств – не разрушение, а бережное коллекционирование» [Там же, с. 238]. В итоге он получил заветный аромат, тот, который спасает его от насильственной смерти, от ненависти, аромат, который внушает людям любовь и бесконечное почитание. Казалось, Грену добился своего – он любим, он бог во плоти, ему поклоняются, за ним идут. «Он совершил Прометеев подвиг! Божественную искру, которая с колыбели дается людям ни за что ни про что и которой он, единственный в мире, был лишен, эту искру он добыл бесконечным изощренным упорством…Он создал себе ауру, такую сияющую и неотразимую, какой не обладал до него ни один человек. И он не обязан ею никому – никакому отцу, никакой матери, и менее всего какому-то милосердному Богу, – но исключительно самому себе» [Там же, с. 280]. Да, он Великий Жан-Батист Грену. Но наслаждения от этого он не получил, ибо он хотел ограбить бытие. Но это, по сути, оказалось невозможным. Ужаснувшись своей ошибке, герой понимает, что никогда не получит удовлетворения в этой бесконечной гонке за ароматами, потому что единственное, чего он так и не приобрел, – это свой аромат, свою сущность, себя. Грену так и остался небытием. И единственное, что он мог для себя сделать, – исчезнуть. Он облил себя драгоценным любовным ароматом, чьей капли достаточно, чтобы поставить мир на колени, и… люди его разорвали. Небытие осталось небытием. *Наука в бесконечной погоне за чужими природами идет по пути саморазрушения.* Природа/сущность вещей не настолько беспомощна, как думал Грену. Она не настолько продается соблазнам – как думал Мефистофель.

Природа могла бы ответить таким горе-ученым:

– Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете?

На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете;

вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны;

вы хотели бы испытать от самой низкой моей ноты до самой вершины моего звука;

вот в этом маленьком снаряде – много музыки, отличный голос;

однако вы не можете сделать так, чтобы он заговорил.

Черт возьми, или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке?

> Назовите меня каким угодно инструментом, – вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете [11, с. 97].

Познание меняет человека, и утверждать, что мы проведем эксперимент и останемся теми, кем были, – заблуждение. Природа, как думал канцлер Бэкон Веруламский, будет сама с собой в эксперименте взаимодействовать, а мы постоим в сторонке и посмотрим. Сегодня мы видим, что это утопия.

Литература

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1975.
2. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). – М. : Наука, 1988. – 208 с.
3. Гете И. В. Стихотворения. Фауст : пер. с нем. – М. : Рипол классик, 1997. – 800 с.
4. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. – М. : Альпина нон-фикшн, 2016. – 740 с.
5. Зюскинд П. Парфюмер. – СПб. : Азбука, 2016. – 320 с.
6. Книга Иова. – Гл. 2, стих 6 // Библия. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 2560 с. – URL: // biblioclub.ru/index.php?page=book&id=238163
7. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. – М. : Прогресс, 1975. – 288 с.
8. Липовой С. П. О роли гносеологии в учении Бэкона и судьбах эмпиризма // Историко-философский ежегодник. – М. : Наука, 1988. – 383 с.
9. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М. : Мысль, 1978. – 624 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994. – 406 с.
11. Шекспир В. Гамлет, принц датский. Король Лир / ил.: И. М. Андрианов, В. И. Клименко. – Минск : Народная асвета, 1974. – 352 с.
12. Шекспир У. Король Лир / пер. А. В. Дружинин. – М. : Директ-Медиа, 2012. – 287 с. – URL: // biblioclub.ru/index.php?page=book&id=97439

Elena Yuryevna Pogorelskaya,
Associate Professor at Hospitality and Tourism Chair, Faculty of Social Psychology,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)
Leonid Sergeyevich Chernov,
Associate Professor at Philosophy and Political Science Chear,
the Russian Presidential Academy on National Economy
and Public Administration (RANEPA), Ural Institute (Ekaterinburg)

Contradictory Joy of Experiment

The paper discusses the problem of a scientific experiment as the base of Western culture and civilization. Scientific experiment is not only natural method, but rather the social practice located in all forms of public life. As the methodology the authors use the epistemological setting of Aristotle, in which each thing is considered as the realization of individual internal objective.
Key words: experiment; a social experiment; Faustian soul; the divine sufferance; the nature of things; the torture of universe; attention to objects; entertainment; theatrical life.

УДК 1(091)

М. А. Гусев*

Попытка интерпретации философии Парменида

В статье делается попытка интерпретации философии Парменида на основе заново переведенных автором статьи фрагментов поэмы элейского философа с древнегреческого языка. Парменид в своей поэме делает вывод о существовании только неизменного единого, поскольку многое и движение считает немыслимыми. Однако разве сам Парменид не мыслит многое? Считая, что многое не является мыслимым, он написал целую поэму. Кроме того, остается неясным, зачем Парменид излагает мнения смертных, когда уже была дана истина. В данной статье делается попытка такой интерпретации Парменида, при которой данные затруднения могут быть разрешены. Согласно этой интерпретации, под «Истиной» богиня Δίκη (Правда) понимает не некоторое истинное описание действительности, а саму действительность. «Мнения смертных» – это мнения не в том смысле, что это недостоверное, неполное или неистинное знание, а в том смысле, что это знание о действительности, а не сама действительность. Но что значит «сама действительность»? Сама действительность не может быть в прошлом и не может быть в будущем, поскольку всегда есть как настоящее. Но и выделение этого настоящего (что является началом знаменитого тезиса Парменида «бытие есть...») возможно, только если предполагать, что есть прошлое и будущее, однако прошлого и будущего – нет (это вторая часть его тезиса «...небытия нет»).

Ключевые слова: сущее; не-сущее; возможное; невозможное; единое; многое; движение; истина; мнение; Парменид; Платон; Аристотель.

Первая строка первого фрагмента поэмы Парменида звучит так: «Ἵπποι ταί με φέρουσιν, ὅσον τ' ἐπὶ θυμὸς ἱκάνοι» [4] – «Кобылицы несут меня туда, куда только могла бы достигнуть воля». Речь в поэме пойдет о том, что вообще достижимо. Как понимается это «достижимое» в поэме? Говорится ли здесь о достижимом как о логически возможном, или здесь предполагается иной смысл? Это еще предстоит выяснить.

В конце пролога поэмы Парменида встречает богиня Δίκη. Она говорит ему: «Χρεὼ δέ σε πάντα πυθέσθαι / ἠμὲν Ἀληθείης εὐκυκλέος ἀτρεμὲς ἦτορ/ ἠδὲ βροτῶν δόξας, ταῖς οὐκ ἔνι πίστις ἀληθής. Ἀλλ' ἔμπης καὶ ταῦτα μαθήσεαι» [Там же] – «Необходимо тебе все разузнать: и совершенно круглой (круговой, движущейся по кругу) Истины бездрожное (бестрепетное) сердце и мнения смертных, в которых нет истинного убеждения, но, тем не менее, и их ты узнаешь». Как здесь понимается Истина и как – мнения? Зачем узнавать чьи-то мнения после того, как уже открыта истина?

Далее Δίκη говорит о двух путях изыскания:

1) «ἡ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι» [Там же] – «[первый] – “есть” и невозможно “не быть”»;

2) «ἡ δ' ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεών ἐστι μὴ εἶναι» [Там же] – «[второй] – “не есть” и “не быть” – это неизбежность». «Χρεών» можно также перевести как «рок», «судьба».

О втором пути Δίκη говорит: «τὴν δή τοι φράζω παναπευθέα ἔμμεν ἀταρπόν» [Там же] – «Я говорю, что эта тропа будет совершенно безвестна». Почему она будет совершенно безвестна? Δίκη объясняет: «οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐὸν – οὐ γὰρ ἀνυστόν – οὔτε φράσαις» [Там же] – «Ты бы и не познал не-сущее, ибо неис-

*Максим Александрович Гусев, магистр философии.
E-mail: chapka@1724yandex.ru

© М. А. Гусев, 2017

полнимо – и не произнес». «... τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι» – «Ибо одно и то же мыслить и быть».

Здесь мы снова сталкиваемся с идеей исполнимости, возможности, достижимости. «Не быть» – невозможно. Это невозможно, поскольку не-сущее немыслимо.

Так остается только один путь – «есть». «ταύτῃ δ' ἐπὶ σήματ' ἔασι πολλὰ μάλ'...» [4] – «на этом [пути] есть очень много знаков». Какие же это знаки? «ὡς ἀγένητον ἐὸν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν, /ἔστι γὰρ οὐλομελές τε καὶ ἀτρεμὲς ἠδ' ἀτέλεστον» [Там же] – «что сущее есть невозникшее и негибнущее (непреходящее), целое (без порока, неповрежденное), бестрепетное и не-незаконченное. οὐδέ ποτ' ἦν οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ νῦν ἔστιν ὁμοῦ πᾶν, /ἕν, συνεχές...» [Там же] – «и не некогда было и не будет, так как сейчас есть все одновременное, единое, непрерывное». Как осуществляется переход от возможности только пути «есть» и невозможности пути «не есть» к тому, что сущее может быть только единым, неделимым и неподвижным?

Одну из версий перехода Парменида от тезиса «не-сущего нет» к тезису «существует только единое» мы находим у Платона. В диалоге «Софист» Чужеземец из Элеи говорит о не-сущем по-разному. Во-первых – говоря о том, что что-то не существует. Например, «Теэтет не есть». Чужеземец из Элеи говорит следующее: «Каким образом утверждающий, что вполне возможно говорить или думать ложное, высказав это, не впадает в противоречие, постигнуть, дорогой Теэтет, во всех отношениях трудно». Теэтет: «Как так?» Чужеземец: «Это смелое утверждение: оно предполагало бы существование небытия; ведь в противном случае и самая ложь была бы невозможна. Великий Парменид, мой мальчик, впервые, когда мы еще были детьми, высказал это и до самого конца не переставал свидетельствовать о том же, постоянно говоря прозою или стихами» [3, с. 301]. Далее цитируется строка из поэмы Парменида: «Οὐ γὰρ μήποτε τοῦτο δαμῇ εἶναι μὴ ἐόντα·/ἀλλὰ σὺ τῆσδ' ἀφ' ὁδοῦ διζήσιος εἶργε νόημα» [4] – «Ибо никогда не вынудить того, что несущее есть, но ты от этого пути исследования удержи мысль».

Невозможность не быть интерпретируется здесь так, что мы можем впасть в противоречие, если утверждаем, что нечто не есть, поскольку, прежде чем отрицать существование чего-то, мы это что-то полагаем и, таким образом, говорим, что есть нечто несуществующее. С другой стороны, мы попадаем в такое же противоречие и отрицая существование небытия, ведь, говоря «небытия нет», мы все же говорим о небытии: "Чужеземец: «Понимаешь ли ты теперь, что небытие само по себе ни произнести правильно невозможно, ни выразить его, ни мыслить и что оно непостижимо, необъяснимо, невыразимо и лишено смысла?» Теэтет: «Конечно». Чужеземец: «Значит, я ошибся, когда утверждал недавно, что укажу на величайшее затруднение относительно него? Ведь мы можем указать другое, еще большее». Теэтет: «Какое именно?» Чужеземец: «Как же, чудак! Или ты не замечаешь из сказанного, что и того, кто возражает против него, небытие приводит в такое затруднение, что, кто лишь примется его опровергать, бывает вынужден сам себе здесь противоречить?»" [Там же, с. 303–304].

Во-вторых, небытие высказывается тогда, когда говорится, что что-то не есть что-то другое. Например: «Теэтет не есть Сократ». По Платону, Парменид отрицал возможность существования не-сущего в обоих смыслах. Поскольку ни о чем нельзя сказать, что оно не есть что-то, то остается только одно.

Посмотрим, как Платон опровергает «элейский тезис»: "Чужеземец: «...не до́лжно ли у тех, кто считает всё единым, выведать по возможности, что называют они бытием?» Теэтет: «Конечно». Чужеземец: «Пусть они ответят на следующее: "Вы утверждаете, что существует только единое?" "Конечно, утверждаем", – скажут они. Не так ли?» Теэтет: «Да». Чужеземец: «Дальше. Называете ли вы что-нибудь бытием?» Теэтет: «Да». Чужеземец: «То же ли самое, что вы называете

единым, пользуясь для одного и того же двумя именами? Или как?» Теэтет: «Что же они ответят после этого, чужеземец?» Чужеземец: «Ясно, Теэтет, что для того, кто выдвигает такое предположение, не очень-то легко ответить как на этот, так и на любой другой, вопрос». Теэтет: «Как так?» Чужеземец: «Допускать два наименования, когда считают, что не существует ничего, кроме единого, конечно, смешно». Теэтет: «Как не смешно!» Чужеземец: «Да и вообще согласиться сговорящим, что имя есть что-то, не имело бы смысла». Теэтет: «Отчего?» Чужеземец: «Кто допускает имя, отличное от вещи, тот говорит, конечно, о двойственном». Теэтет: «Да». Чужеземец: «И действительно, если он принимает имя вещи за то же, что есть она сама, он либо будет вынужден произнести имя ничего, либо если он назовет имя как имя чего-то, то получится только имя имени, а не чего-либо другого» [3, с. 311]. Интересно, что Чужеземец из Элеи даже не предполагает такого варианта, что само имя не есть что-то сущее. Имя и мысль понимаются не просто как имя чего-то или мысль о чем-то, но как сущее, которое присутствует здесь и сейчас и чье существование удостоверяется просто тем, что оно здесь есть. Невозможность истинности тезиса «существует только единое» имеет место для Платона потому, что существование единого – это уже два, а не одно: бытие и единое.

В самом начале диалога Платона «Парменид» совсем еще юный Сократ уже иронизирует над сорокалетним Зеноном, написавшим сочинение, отрицающее существование многого: «И *каждое* (здесь и далее курсив мой. – *М. Г.*) из своих рассуждений ты считаешь доказательством этого, так что*сколько* ты написал рассуждений, *столько*, по-твоему, представляешь и доказательств того, что многое не существует? <…> – Я замечаю, Парменид, – сказал Сократ, – что наш Зенон хочет быть близок тебе во всем, даже в сочинениях. В самом деле, он написал *примерно то же*, что и ты, но с помощью переделок старается ввести нас в заблуждение, будто он говорит *что-то другое*: ты в своей поэме утверждаешь, что все есть единое, и представляешь прекрасные доказательства этого; он же *отрицает* существование многого и тоже приводит *многочисленные* и веские доказательства. Но то, что вы говорите, оказывается выше разумения нас остальных: действительно, *один* из вас утверждает существование единого, *другой отрицает* существование многого, но *каждый* рассуждает так, что кажется, будто он сказал *совсем не то*, что другой, между тем как оба вы говорите *почти что одно и то же*» [2, с. 347–348].

Таким образом, для Платона многое мыслимо и потому существует. А вот тезис «существует только единое» становится невозможным.

Однако вернемся к Пармениду. Богиня Δίκη говорит: «ἡ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι<…> ἡ δ' ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεών ἐστι μὴ εἶναι/τὴν δή τοι φράζω παναπευθέα ἔμμεν ἀταρπόν·/οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐὸν– οὐ γὰρ ἀνυστόν–/οὔτε φράσαις» [4] – «[первый путь] – “есть” и невозможно “не быть” [второй путь] – “не есть” и “не быть” – это неизбежность. Я говорю, что эта тропа будет совершенно безвестна, ибо и не познал бы ты не-сущее – не исполнимо – и не произнес». И из этого делается вывод, что многого не существует. Это можно представить как силлогизм с пропущенной посылкой: «Немыслимое – не существует. (Пропущенная посылка.) Следовательно, многого, движения, прошлого и будущего не существует». Пропущенная посылка: «многое, движение, прошлое и будущее – немыслимо». Но почему же это немыслимо? Разве сам Парменид не мыслит многое? Кажется, что эта мысль несовместима уже с самим фактом написания поэмы. Неужели Парменид этого не заметил? Остается непонятным, почему Парменид возражал против мыслимости многого, его мысль кажется неестественной, странной.

Многое, прошлое и будущее, изменение мыслить можно, как кажется. Но Δίκη настаивает на том, что все это нельзя мыслить, а значит, этого просто не может быть. Почему она на этом настаивает? Сначала я могу мыслить одно, затем другое. И первое, и второе является чем-то определенным, тем, что можно и помыслить и высказать. Но Δίκη почему-то настаивает, что невозможно помыслить многое, а значит, это многое просто не может существовать. Нам необходимо понять, что означает здесь это «помыслить». Мыслит, например, ученый, выстраивающий теорию. И у него не возникает проблем с тем, чтобы помыслить разные вещи; помыслить то, что было в прошлом, и то, что будет в будущем. Почему же у Парменида должны возникать такого рода сложности? Потому, что Парменид здесь не описывает бытие, он не дает некоторую картину действительности. Когда Δίκη говорит Парменидy, что он должен узнать и Истину, и мнения смертных, то под Истиной понимается не какое-то описание действительности, о котором мы говорим, что оно истинное, но сама действительность. Не знание о действительности, а сама действительность. Но что может быть «самой действительностью»? Мы, сегодняшние, исходя из здравого смысла, склонны считать таковой свой опыт от первого лица, который имеет место здесь и сейчас. Кажется, что это и информация о действительности, и сама непосредственная действительность. Но Парменид говорит не об опыте от первого лица и не о своем бытии, а вообще о бытии.

Итак, сущее – мыслимое. Парменид не может мыслить прошлое, потому что в противном случае нужно было бы находиться в прошлом, он не может мыслить будущее – нужно было бы находиться в будущем. Нам кажется, что мыслимое здесь сужается до точки «теперь». Эта точка «теперь» единственно существующая. Но мыслить это, замечать это «теперь», т. е. сущее, можно, только отличив его от прошлого и будущего, т. е. не-сущего. Распознавать это сущее так, как если бы не-сущее в каком-то смысле было. Но в том-то и дело, что не-сущего – нет, поскольку оно на самом деле немыслимое (моя мысль на самом деле никогда не имеется ни в прошлом, ни в будущем). Распознать то, что «сущее есть» можно, только если есть иллюзия существования не-сущего. Распознание этого сущего – это мысль о сущем, которая возможна благодаря иллюзии не-сущего. Но смысл посыла богини Δίκη в том, что не-сущего – нет. А если не-сущего нет, и сущее невозможно отличить ни от чего, то бессмысленно говорить и о «настоящем». Если не-сущего нет, то бессмысленно мыслить «о» сущем. Поэтому Δίκη говорит: «... τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι» [4] – «…одно и то же – мыслить и быть». Это уже не мысль «о» чем-то. «О» сущем нельзя мыслить. Но если здесь не должно быть мысли «о», то не должно быть и перспективы первого лица. Богиня Δίκη говорит: «Ταὐτὸν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκεν ἔστι νόημα» [Там же] – «То же самое есть мышление и то, в отношении чего мысль». Мысль, направленная на нечто, выделяет это нечто, это нечто отдельное и определенное, т. е. отличное от иного. Предмет мысли всегда от чего-то отличен. Но сама действительность ни от чего не отлична, поскольку кроме нее ничего нет.

Следующий фрагмент после «... τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι» звучит так: «Λεῦσσε δ' ὅμως ἀπεόντα νόῳ παρεόντα βεβαίως·/οὐ γὰρ ἀποτμήξει τὸ ἐὸν τοῦ ἐόντος ἔχεσθαι/οὔτε σκιδνάμενον πάντῃ πάντως κατὰ κόσμον/οὔτε συνιστάμενον» [Там же]. Первую строку можно перевести так: «Смотри же, однако, умом на отсутствующее как на достоверно присутствующее». Имея перед собой нечто, мы распознаем это нечто, поскольку оно отлично от иного, но действительность ни от чего не отлична, поэтому «отсутствующего» (иного) нет, есть только присутствующее. Следующая строка буквально переводится так: «οὐ γὰρ ἀποτμήξει τὸ ἐὸν τοῦ ἐόντος ἔχεσθαι» [Там же] – «ибо не отделяет [ум] сущее от сущего примыкать». Имея перед собой определенное нечто, мы считаем, что ум, направленный на это нечто, отделяет его от другого тем, что распознает его как определенное и предполагает,

что могло бы быть иное. Но в действительности ум не отделяет сущее от сущего, поскольку по отношению к сущему нет ничего иного. Ум не отделяет сущее от сущего: «οὔτε σκιδνάμενον πάντῃ πάντως κατὰ κόσμον/οὔτε συνιστάμενον» [4] – «и не [как] рассеянное всюду всячески по космосу, и не [как] объединенное». Последняя строка, на мой взгляд, является свидетельством в пользу того, что Парменид понимал под единым не просто нечто объединенное, но имеющее части, но как просто одно, которое единственно существует.

При такой интерпретации Парменида становится понятным, почему нет изменения (движения). Ведь что такое изменение? Переход из одного состояния в другое. Но для того, чтобы этот переход имел место, необходимо, чтобы имело место и то, что сейчас есть, и то, что было. Но действительно имеет место только то, что сейчас есть. Того, что не-сейчас, просто нет, вообще нет: «Πῶς δ' ἂν ἔπειτα πέλοιτὸ ἐόν; πῶς δ' ἄν κε γένοιτο; /εἰ γὰρ ἔγεντ', οὐκ ἔστι, οὐδ' εἴ ποτε μέλλει ἔσεσθαι» [Там же] – «Как же может быть[1] потом сущее? Как прошло бы? Если прошло, то не есть, и не [есть] если будет».

Противоречит ли это нашей картине мира? Нет, поскольку здесь вообще не идет речь о картине мира (истинной или ложной). Это не то, «как есть на самом деле», а само это «самое дело». Говорить при этом, что сама действительность – нечто непознаваемое, нечто такое, что недоступно ограниченному человеческому уму, значит не понимать разницы между самой действительностью и знанием о ней. Действительность непознаваема не потому, что она нечто таинственное и необычное, а потому, что в ней нечего познавать, там просто нет ничего такого, в отношении чего можно было бы поставить вопрос о познании этого.

Выше было изложено то, что говорит Парменидy бессмертная богиня. Затем она приступает к изложению мнений смертных. Несмотря на то что о мнениях здесь говорится во множественном числе, излагается единая картина мира. Богиня Δίκη говорит Парменидy: «Τόν σοι ἐγὼ διάκοσμον ἐοικότα πάντα φατίζω, /ὡς οὐ μή ποτέ τίς σε βροτῶν γνώμη παρελάσσῃ» [Там же]. – «Я говорю тебе [нечто] совершенно подобное истине о мироустройстве, чтобы какое-либо изречение смертных тебя не запутало». Это говорится так, как будто сейчас речь пойдет хотя и не об Истине, но о каком-то верном знании о действительности.

Интересно, что Аристотель в одном месте «Метафизики» пишет о мнениях смертных в поэме Парменида так, как будто это позиция самого Парменида: «Полагая, что наряду с сущим вообще нет никакого не-сущего, он считает, что с необходимостью существует [только] одно, а именно сущее, и больше ничего <…> Однако, будучи вынужден сообразоваться с явлениями и признавая, что единое существует как мысленное, а множественность – как чувственно воспринимаемое, он затем устанавливает две причины, или два начала, – теплое и холодное, словно говорит об огне и земле; а из этих двух он к сущему относит теплое, а другое начало – к не-сущему» [1, с. 77–78]. В другом месте Аристотель вообще ставит Парменида в один ряд с теми, кто «разумение … отождествляют с чувственным восприятием», что может вызвать крайнее изумление у читателей Стагирита: «А вообще же из-за того, что разумение они отождествляют с чувственным восприятием, а это последнее считают неким изменением, им приходится объявлять истинным все, что является чувствам. На этом основании прониклись подобного рода взглядами и Эмпедокл, и Демокрит, и чуть ли не каждый из остальных философов. В самом деле, и Эмпедокл утверждает, что с изменением нашего состояния меняется и наше разумение <…> И Парменид высказывается таким же образом: “Как у каждого соединились весьма гибкие члены, / так и ум

[1] Интересно, что глагол «πέλομαι» переводится еще и как «двигаться».

будет у человека: Одно ведь и то же мыслит в людях – во всех и в каждом – / То членов природа, ибо мысль – это то, чего имеется больше"» [1, с. 136].

И действительно, «мнения смертных» вовсе не выглядят как перечисление мифов о мироздании. Это некая цельная картина мира. «Мнения смертных» – это знание смертных о мире, и Парменид, вполне возможно, считает это знание верным. Это «мнения» не в том смысле, что они неверны или неполны (иначе зачем их излагать, после того как уже дана истина), это «мнения» в том смысле, что это знание о действительности, а не действительность.

Смертные существуют так, как будто знание о действительности – это действительность. И тогда есть и иллюзия не-сущего как иного по отношению к тому, что сейчас есть. Смертные могут забывать об этой точке «теперь», но пока они существуют так, как если бы их мысль была направлена на нечто (определенное, отдельное), они будут иметь фоном это «теперь». Смертные – это те, кто умирает. Но что значит умереть? Деревья, которые падают и сгнивают, камни, которые разрушаются, насекомые, которые перестают двигаться и тоже истлевают, – всё это меняет свою форму. Человек, умирая, тоже меняет свою форму. Но о нем мы говорим, что он умирает. Смертный в той или иной степени осознает момент настоящего времени. Но смерть – это конец такого осознания. Степень осознания настоящего момента у смертного может быть различной. Большинство смертных почти забывает о том, что «сущее есть», полное забывание этого лишило бы их смертности и сделало бы такими же бессмертными, как деревья, камни, насекомые. Когда же смертный, подобно Пармениду, направляет свое внимание прямо на момент настоящего времени, он в наибольшей степени имеет иллюзию отделенности от сущего в направленности на него мыслью, но только в таком положении он и может заметить, что «сущее есть».

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. – М., Мысль, 1976.

2. Платон. Парменид // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 2 / общ.ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1993. – 528 с. – (Филос. наследие).

3. Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 2 / общ.ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1993. – 528 с. – (Филос. наследие).

4. Παρμενίδης. Περί φύσεως. [Electronic resource]. – URL: http://www. theancientwebgreece.wordpress.com (дата обращения: 15.10.2016).

Maxim Alexandrovich Goosev,
Master of Philosophy

An Attempt of Interpretation of Parmenides' Philosophy

The article analyzes the philosophy of Parmenides basing on a new translation of fragments of the Eleatic Philosopher's poem by the author of this article. Parmenides concludes that only the unchanged exists, because he suggests plurality and motion to be unthinkable. But doesn't Parmenides himself think of plurality? How could he write a poem believing that plurality and motion are unthinkable? Furthermore, it remains unclear why Parmenides says about the opinions of the mortals after the truth was already given. The article gives the interpretation of Parmenides' philosophy, which resolves these difficulties. Goddess Δίκη (Justice) uses a concept of Truth for designation of reality, but not for designation of knowledge about reality. «The opinions of the mortals» are opinions not because they are unreliable, incomplete, or untruthful knowledge but because they are the knowledge about reality but not «reality» itself.
But what is «the reality itself»? The reality cannot exist in the past; it cannot be in the future, because there is the present. But we can notice the present (it is the first part of the Parmenides' thesis: «being exists…») if we assume the existence of the past and the future, but past and future do not exist (it's the second part of the Parmenides' thesis: «…non-being doesn't exist»).
Key words: being; non-being; possible; impossible; the one; plurality; motion; truth; opinion; Parmenides; Plato; Aristotle.

УДК 14

О. В. Коркунова*

Вклад Э. Кассирера в развитие философской антропологии

В статье рассматривается развитие философской антропологии Э. Кассирером. Сущность человека стала рассматриваться через дихотомию природа – культура, жизнь – дух. В результате было показано, что взаимодействие человека с физической реальностью опосредовано символическими формами. Благодаря этому выявляется связь между двумя формами духа: культурой как сферой формотворчества и внутренним миром человека.
Ключевые слова: человек; физический универсум; символические формы; дух; творчество.

Творчество Эрнста Кассирера вошло в копилку философского наследия XX в. Э. Кассирер внес существенный вклад в развитие философской антропологии, анализируя проблематику, поднятую в работах М. Шелера. Он задал то направление разработки философской антропологии, двигаясь в котором исследователь находит и устанавливает связь между философской антропологией, философией культуры и философией истории. Кроме того, теорию символических форм, учение о «человеке символическом» можно считать предпосылкой постмодернистского поворота в философии.

Сам Э. Кассирер так обосновывает свой подход. Человек существует за счет постоянного выражения своего бытия в формах социальной жизни. Поэтому антропология как философия существования должна заняться изучением того, как происходит этот процесс, но этим она вступает в область философии культуры и философии истории. По сути дела, Э. Кассирер, превращая антропологию в философию существования, определяет ее исследовательское поле как сферу форм социальной жизни, сферу культуры и истории. Этим он вносит два важных момента в развитие философской антропологии. Первый видится в следующем. М. Шелер, создавая философскую антропологию как науку, исходил из естественной природы человека и констатировал, что понять сущность его как целого нельзя без культуры и истории. Двигаясь от анализа эволюции биологического и психического в человеке, он пришел к выводу, что сущность человека выражена в духе, сферой реализации которого и являются культура вместе с историей. Тем же путем шли его последователи (Х. Плеснер и А. Гелен), стремясь раскрыть связь между природой и сферой духа в бытии человека.

Э. Кассирер создает противоположное М. Шелеру направление исследования сущности человека. Он ставит задачу сосредоточиться на тех формах существования человека, которые напрямую выражают его сущность, – культуре и истории как формах деятельности духа. Через их связь с миром природы можно проследить физические условия социальной жизни людей.

Второй момент также имеет важную методологическую особенность. Э. Кассирер видит специфику мира духа и, соответственно, сферы культуры и истории в том, что они составляют область объективных ценностей, в отличие от мира природы, который есть мир вещей. Эту свою позицию Э. Кассирер базирует, с одной стороны, на анализе узловых моментов развития представлений о сущности человека, выделенных им в истории философии. С другой стороны, он дает свое про-

* **Ольга Владимировна Коркунова,** д-р филос. наук, завкафедрой философии и истории, профессор Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург).

© О. В. Коркунова, 2017

чтение кантовскому пониманию трансцендентального, которое приводит его к собственному видению человека. Рассмотрим коротко оба момента.

Делая краткий экскурс в историю философии, Э. Кассирер показывает, что антропологическая проблематика всегда была связана с проблемами космогонии, проблемами происхождения и устройства мира. Он обращает внимание на то, что еще в «первичных мифологических объяснениях мироздания рядом с примитивной космогонией обнаруживается примитивная антропология» [1, с. 5]. Вопрос о происхождении мира сложно переплетается с вопросом о происхождении человека.

В древнегреческой философии уже достигается дифференциация физического универсума и универсума человека. Здесь расставлены приоритеты. Греки исследуют сначала физический универсум, затем универсум человека. Связь, гармония между ними зависят от умения человека достигать согласия с самим собой. «Кто живет в согласии с самим собой, своим внутренним миром, [тот] живет в гармонии с внешним универсумом» [Там же, с. 10]. Э. Кассирер выделяет позицию Сократа, который считал, что сущность человека заключена во внутренней установке его души, в том, как он оценивает себя.

Новое время, отмечает Э. Кассирер, дав новую космологию, дало основу и для новой философско-антропологической позиции. «Человек как живое существо выделяется из физического мира как мира неживой природы. Он помещается в бесконечное пространство и существует в нем одинокой, исчезающе малой точкой» [Там же, с. 17]. В этой ситуации человек осознает неограниченную силу своего интеллекта и соизмеряет свои силы с бесконечностью физического универсума. Проблема человека получает глубоко рационалистическое решение. Связь между физическим универсумом и миром человека обеспечивается математическим разумом.

В XIX веке наступает следующий этап в развитии антропологической тематики, по мнению Э. Кассирера. Ее проблемы решаются на основе теории эволюции. Сначала теория эволюции уничтожила границы между различными формами органической жизни. Жизнь стала осознаваться как единый непрерывный поток. Затем встал вопрос о включении в общий процесс эволюции мира культуры и цивилизации. Но объяснение этого давалось на основе лапласовского детерминизма.

Следующим этапом, считает Э. Кассирер, стало создание эмпирической картины человека, основанной на раскрытии отдельных сторон человеческой природы. Из них Э. Кассирер выделяет три – те, что созданы Ф. Ницше, З. Фрейдом и К. Марксом. Но каждая из этих теорий «становилась прокрустовым ложем, на котором эмпирические факты подгонялись под заданный образец» [Там же, с. 25].

Подводя итог этому экскурсу, он отмечает: «Размышления о природе человека последовательно базировались на метафизике, теологии, математике, биологии, Теперь такой силы нет» [Там же].

Выход Э. Кассирер видит в феноменологическом методе, который позволяет описать жизнь как реальность. Он показывает, что жизнь разнообразна и у человека она имеет новые отличительные черты. Человек живет не просто в более широкой реальности, а в новом измерении реальности.

Она достигается благодаря тому, что человек открыл новый способ приспособления к окружающему миру. Он не противостоит физической реальности непосредственно. Его ответная реакция на внешнее воздействие опосредована символическими формами. «Человек живет не только в физическом, но и в символическом универсуме» [Там же, с. 28]. Этот универсум выделяется из физического универсума как мир объективных ценностей. А его частями являются язык, миф, религия, искусство, наука, т. е. мир культуры.

Именно эта символическая сеть сплетает сложную ткань человеческого опыта. Поэтому трансцендентальное не уводит от эмпирического опыта, а ведет

в глубь его – в сферу чистого разума, чистых идей. В результате человек постоянно обращен на самого себя. Он создает и конструирует картину природы, опираясь на свой опыт и силу разума.

За внешним человеком всегда стоит внутренний человек, который проявляет себя в первом. Понять того и другого можно путем изучения телесной структуры человека, которая дает совершенный образ его внешнего и внутреннего миров. Внутренний мир – это мир подлинного человека.

Этим тезисом Э. Кассирер задает новый подход к анализу человеческого опыта. Суть его сводится к нескольким положениям. Во-первых, человеческий опыт не ограничивается сферой эмпирического опыта. Он показывает, что И. Кант, разрабатывая учение о трансцендентальном, проложил путь к исследованию условий существования всякого опыта человека. Трансцендентальное, по мнению Э. Кассирера, – это метод, способ проникнуть в глубь опыта, в глубь разума, который есть условие существования всякого опыта человека. Благодаря этому человек выходит в сферу чистого опыта, чистых идей. Эта сфера составляет собственное пространство существования разума, в котором он реализуется, т. е. постигает самого себя до того, как начнет применяться к миру вещей.

Вместе с тем эта сфера есть сфера чистого творения и, как таковая, она есть сфера, в которой дух творит формы, занимается формосозиданием. В чем же заключается эта формосозидающая работа? Это «истинная» работа разума, которая обеспечивает самовозобновляющуюся работу духа в экзистенции. А она заключается в том, что человек должен непрерывно восстанавливать мир, чтобы жить в нем и властвовать в нем. Следствием такой формосозидающей деятельности является то, что с развитием культуры формируется новая направленность в существовании человека – интровертность как повернутость внутрь себя. Формируется внутренний мир человека и внутренний человек, который есть подлинный человек.

Мир подлинного человека, отмечает Э. Кассирер, – это мир души и духа. Его связь с внешним миром осуществляется через символические формы, т. е. символический универсум. Эту связь он детально анализирует посредством анализа функционирования языка. Звучание слова является ярко выраженной формой связи внешнего и внутреннего. Звук есть нечто внешнее по отношению к человеку. И в то же время он выражает его переживания, внутреннее состояние. Язык переводит внешнее во внутреннее и обратно. Он делает это благодаря тому, что реализует созидательную силу духа, который формирует чувственный материал в чувственные символы. Деяния духа, таким образом, выступают предпосылкой содержания культуры. Культура становится сферой, в которой воплощается, реализуется формосозидающая деятельность духа, осуществляемая в сфере чистого разума. Это показывает, считает Э. Кассирер, что реальная ценность жизни в том, что человек постоянно ищет самого себя и в каждый момент существования испытывает условия своего бытия.

Дух реализует свою свободу в культуре, которая воплощает в себе символический универсум и вместе с тем выступает процессом самореализации духа. Язык дает новый, не существовавший до того синтез Я и Мира, который происходит в символической форме. Он – основное духовное средство движения от мира ощущений к миру идей. Благодаря символу человек постигает предмет, самого себя и закономерности своего творчества. В связи с этим Э. Кассирер высказывает интересную идею о том, что «все формы культуры создают единый Космос человечности» [2, с. 209].

Посмотрим, как Кассирер обосновывает свою позицию.

В начале своей основной работы «Философия символических форм» Кассирер ставит вопрос: как мышление способно охватывать и воспроизводить бытие во

всем его многообразии и разнообразии? Он пытается ответить на него посредством историко-философских исследований и анализа истории науки. В результате он приходит к выводу, что в науке мышление достигает уже не пассивного отражения бытия, а создает интеллектуальные символы. Это относится к средствам и основополагающим понятиям каждой науки, что дает им возможность предвидеть будущий опыт. «Тем самым неподвижное понятие бытия кажется словно бы попавшим во всеобщее движение – и лишь как цель, но не как начало, мыслимо еще единство бытия вообще. В той мере, в какой это воззрение проводится и развивается в науке, у наивной теории отражения выбивается из-под ног почва. Основополагающие понятия каждой науки, средства, которыми она ставит свои вопросы и формулирует свои выводы, предстают уже не пассивными отражениями данного бытия, а в виде созданных самим человеком интеллектуальных *символов*» [2, с. 165].

В результате, считает Кассирер, встает новая задача исследования: «…мыслятся ли интеллектуальные символы, в которых особые дисциплины рассматривают и описывают действительность, как просто рядоположенные, или их следует понимать как различные выражения одной и той же фундаментальной духовной функции» [Там же, с. 167–168]. Эту особую духовную функцию Кассирер определяет как особый вид формирования. «Оно есть образование множественного, которым руководит специфический, но в то же время строго ограниченный и ясно очерченный принцип» [Там же, с. 168]. Благодаря этой форме интеллектуального синтеза отдельное включается в ряд взаимосвязей, «где явится нам уже в качестве звена “цепи” – логической, телеологической или причинной. Познание остается главным образом ориентированным на эту существенную цель: включение особенного в универсальную форму законосообразности и упорядоченности» [Там же]. Кассирер делает вывод, что наряду с наукой есть и другие виды формирования. Поскольку дух в своей функции «…не просто пассивно запечатлевает наличное, но заключает в себе самостоятельную энергию духа, посредством которой простому наличному бытию придается определенное “значение”, своеобразное идеальное содержание» [Там же, с. 169], то проявляет этим свою творческую, креативную роль.

Кроме познания, эта творческая роль духа проявляется и в искусстве, и в мифологии, и в религии. «Все они живут в собственных образных мирах, в которых эмпирически данное не просто отражается, а, скорее, создается по самостоятельному принципу. Все они создают свои особые символические формы. Которые если и не аналогичны интеллектуальным символам, то по крайней мере равны с ними по своему духовному происхождению. Каждая из этих форм несводима к другой и невыводима из другой. Но каждая из них означает определенный духовный способ восприятия, посредством которого конституируется своя особая сторона “действительного”» [Там же, с. 168–169]. Кассирер определяет их как пути объективации, самовыражения духа. Осмысливая этот процесс, он характеризует его как новый подход к общей философии гуманитарных наук.

Для Кассирера «настоящая, конкретная тотальность духа… развивается, она находит саму себя лишь в постоянно продвигающемся процессе критического анализа» [Там же, с. 170]. В результате, считает он, критика разума становится критикой культуры, которая «стремится понять и доказать, что все содержание культуры имеет своей предпосылкой первоначальное деяние духа» [Там же, с. 170–171]. На основании этого он делает вывод, что культура представляет собой духовное производство, в котором «в каждом из свободно начертанных… знаков дух постигает “предмет”, и при этом он одновременно постигает и сам себя, и закономерность своего творчества. И это своеобразное взаимопроникновение впервые подготавливает почву для более глубокого определения как субъек-

тивности, так и объективности» [2, с. 185]. На основании этих положений он анализирует все формы символической реальности.

Заканчивая изложение своей концепции, Э. Кассирер склоняется к мысли М. Шелера о противоборстве культуры и жизни. «В этом и заключена неизбежная судьба культуры: всё, что она создает в непрерывно прогрессирующем процессе оформления и “конструирования”, отдаляет нас в той же прогрессии от первозданности жизни. Чем богаче и энергичней творческая деятельность духа, тем все дальше, казалось бы, удаляет она его от первоисточника его собственного бытия» [Там же, с. 208–209]. Но в конечном счете он приходит к выводу, что лишь в той сознательности, которую дает культура, «содержание жизни впервые находит свою подлинную форму». Жизнь изменяется и находит свое завершение в форме духа. Дух как деятельность творения, формообразования есть преображение в самой жизни, считает Э. Кассирер. При такой трактовке духа он преодолевает точку зрения М. Шелера, согласно которой дух и жизнь противостоят друг другу.

Итак, Э. Кассирер в своей антропологии, как и М. Шелер, делает акцент на единстве природы и духа. Это позволяет ему выявить неразрывную связь антропологической проблемы с космогонией. Но, в отличие от М. Шелера, он подчеркивает, что отношение к внешнему миру у человека опосредуется символическими формами. Благодаря этому он выявляет связь между двумя проявлениями духа: культурой как сферой формотворчества и внутренним миром человека. Он конкретизирует представление о трансцендентации человека как о движении от внешнего к внутреннему, что дает выход в сферу чистого разума, чистого творения.

Литература

1. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
2. Кассирер Э. Философия символических форм: введение и постановка проблемы // Культурология. XX век : антология. – М. : Юристъ, 1995.

Olga Vladimirovna Korkunova,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of Philosophy & History Chair,
Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg)

E. Kassirer's Contribution to the Development of Philosophical Anthropology

The article discusses the development of philosophical anthropology by E. Kassirer. The essence of man has been viewed through the nature–culture and life–spirit dichotomies. The author concludes that interaction of a human being and physical reality is mediated with symbolic forms. This reveals the connection between two forms of the spirit: the culture as a sphere of creation and the inner world of a man.
Key words: human; physical universum; symbolic form; the spirit; creation.

УДК 008:339.1(470.5)

Е. А. Батюта*

Нарративы территориального бренда Урала

В статье представлен обзор подходов к понятию «территориальный бренд» и его структуре с позиций культурной географии, культурологии и социального маркетинга. На основе этого анализа автор описывает бренды и суббренды Урала как феномен, интегрирующий географические, социальные и культурные нарративы.

Ключевые слова: бренд; геобренд; стейкхолдеры бренда; нарративы бренда; региональная культура.

Мир начала XXI века, похоже, окончательно отказывается от популярной некогда идеи «плавильного котла» наций, культур и цивилизаций, логично, казалось бы, вытекающей из особенностей развития постиндустриального общества потребления в направлении однородного, стандартизированного, унифицированного сообщества людей, живущих в одинаковых условиях «глобальной деревни». Даже в сфере товаров и услуг стремление к дифференциации и формированию уникального предложения выступает не столько инструментом конкурентной борьбы торговцев и производителей за место на рынке, сколько отражением чаяний самих людей, для нормального существования нуждающихся в самобытности и своеобразии. Абсолютное большинство маркетинговых стратегий сегодня – это стратегии «человеческого» маркетинга, который предлагает людям неосязаемые культурные ценности и «гуманитарные» преимущества – репутацию, повышение самооценки, благородство, гордость, патриотизм, красоту наряду с функциональными свойствами и качествами товаров. Именно поэтому брендинг, неспешно функционировавший в течение многих веков как дополнение к производству и торговле (об этом свидетельствует традиция названий доиндустриальных брендов, например когда товар именовался тремя способами: по товарной категории, по имени торговца и региону производства), демонстрирует активный рост со второй половины XX века и до наших дней.

Дифференцирующие механизмы бренда становятся условием и основанием стратегий устойчивого развития туризма, в том числе в регионах. Территориальный брендинг – это достаточно новое, но крайне популярное направление, которое, вследствие своей «молодости», представлено разнонаправленными исследованиями и подходами.

Первый из них связан с прояснением сходства и отличия бренда места от товарного или корпоративного, а также рассматривает возможности их взаимодействия в альянсах и кобрендинге, взаимных переносов стратегий, инструментов и технологий между бизнес-сектором и геобрендом. Конечным продуктом работы брендинга в рамках этого подхода выступает выявление «сущности места», т. е. сущностных характеристик территориального бренда. Второе направление, позиционирование территорий – населенных пунктов, областей, районов и целых стран – рассматривает территориальный брендинг в широком контексте гуманитарной географии и позволяет показать включенность бренда в большую (национальную, мировую) «геокультуру» с одной стороны, и выделить конкретное место на фоне других территорий и стран – с другой. В итоге геобренд представлен как культурный маркер страны или национальной культуры в сознании людей. Тре-

* **Екатерина Анатольевна Батюта,** канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма ф-та социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. А. Батюта, 2017

тий подход фокусируется на особенностях возникновения (или создания), развития и продвижения образа территории. В этом случае объектом интереса становятся технологические, управленческие, оценочные элементы брендинга. Исследователи, работающие в этом направлении, определяют капитал, оптимальные модели и потенциал бренда территории. Но все исследователи, независимо от подхода, подчеркивают, что геобренд не ориентирован только на достижение коммерческих и политических целей и кроме формирования предпосылок для создания добавленной стоимости за счет привлечения туристов несет важнейшую социальную нагрузку – повышение жизненной мотивации жителей региона, роста их материального и субъективного благополучия.

Популярность территориального брендинга обусловила большое количество теоретических конструктов, касающихся структуры бренда места. Они варьируются от трансформаций классических моделей «колеса бренда», предложенной компанией Bates Worldwide и основанной на показателях позиционирования, до адаптаций «глобальных» страновых моделей. Структурная модель колеса пытается учесть взаимодействие всех целевых групп с брендом, объединив аудитории, как туристские, так и резидентные, в понятии «стейкхолдеры», в прямом значении – выгодополучатели. На самом деле это конгломерат из различных субъектов брендинга, резидентов, туристов, бизнес-инвесторов, квалифицированных мигрантов, формирующийся в результате воздействия коммуникаций бренда. В целом, в моделях «колеса» бренд представляется в виде своего рода «матрешки», включающей ряд входящих друг в друга компонентов от внешних видимых атрибутов, преимуществ, ценностей, идентичностей до неосязаемой «сути бренда». Атрибуты территории помимо географических, культурных, промышленных характеристик подразумевают рекламу территории, персонажей бренда («гениев места»); местную айдентику (гербы, знаки, логотипы), цветовые символические сочетания, музыку, особенности речи жителей, специфические фразы, естественные и маркетинговые коммуникаторы, относящиеся к бренду, – бытовые и рекламные образы, материалы PR и неформальной коммуникации. Атрибутика является выражением преимуществ, переживаемых как реальные или воображаемые выгоды для стейкхолдеров. Преимущества, удовлетворяя потребности целевых групп, закрепляются в нематериальных ценностях бренда. Это положительное представление о своем городе или местности, внутренняя лояльность, понимаемая как степень любви к определенному месту, интерес и уважение к истории и культурной жизни территории, уровень местного и национального патриотизма. Идентичность территориального бренда рассматривается как многоуровневый феномен, начиная с представлений жителей, инвесторов и туристов о себе как жителях, работниках или гостях именно этого (своего) места, и заканчивая представлениями об уникальных особенностях, сходствах и различиях с другими местами. Кроме того, можно сказать и об индивидуально-психологической идентичности территориального бренда, когда место воспринимается в контексте биографии индивида, обусловленной факторами места рождения человека, наличием «дома» (как собственного, так и инфраструктуры мест размещения), времени проживания (пребывания) в определенной среде, широты социальной сети территории, в которую включен стейкхолдер, а также субъективной удовлетворенности имеющимися экономическими, социальными и культурными ресурсами региона. Суть, или ядро, территориального бренда – наименее четко сформулированная часть структуры, в самом общем смысле – центральная идея, предлагаемая брендом места. Е. Ю. Баженова полагает удачным российским примером формирования бренда территории, хорошо подходящим к модели «колеса», бренд города Перми [2, с. 121].

Концепция бренда С. Анхольта основана на понятии конкурентной идентичности территориального бренда. Этот исследователь строит структуру бренда

территории в форме шестиугольника, на вершинах которого располагаются элементы современного бренда территории: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди. По мнению Анхольта, в основе бренда находится идентичность места, которая не может быть создана искусственными политическими, экономическими или коммуникационными усилиями властей. Территориальный бренд усиливается, если политика в социальной, экономической, экологической и международной сферах адекватна и продуманна, туризм активизируется, развивается экспортное производство, проводятся серьезные международные мероприятия, например культурные фестивали, международные спортивные соревнования, политические форумы. Анхольм подчеркивает значение поддержания культурных и научных связей с другими территориями и участия в решении общенациональных и глобальных проблем, а также постоянного сотрудничества с международными, региональными и местными общественными организациями, представленными как на территории, так и за ее пределами, – он называет это фактором гуманитарной дипломатии. Большую роль в формировании сильного бренда играет также вклад в инновации и образование [1]. Еще раз отметим, что технологии брендинга строятся на основе реальных процессов изменения в обществе, а сильный бренд – не обязательно результат целенаправленной работы специалистов. Самопроизвольно складывающаяся репутация, конкурентные позиции территории зависят от большого круга обстоятельств. Так что территориальный бренд в каком-то смысле – открытая сверхсложная конструкция. Онтологические и эпистемологические корни такого рода территориального брендинга освещаются в обзоре Ф. Лукарелли и С. Брорстрем, проанализировавших 292 междисциплинарных материала и также выделивших шесть фундаментальных оснований брендинга мест [7].

Третьей вариацией структуры бренда территории можно назвать модель капитала бренда государства К. Динни, который предложил концептуальную модель бренда, представляющую собой совокупность «активов» бренда, связанных с его наименованиями и системой символов. Центральный элемент в этой системе – капитал бренда, возникающий как сумма внутренних и внешних активов (в терминологии российских специалистов иногда называемых субъективными и объективными). Внутренние активы предполагают «врожденные элементы», такие как ландшафт и культура, и «приобретенные» – государственную поддержку культуры, уровень лояльности стейкхолдеров. Активы, «оцениваемые через опыт других людей», восприятие имиджа, популярной культуры и искусства других территорий, т. е. стереотипные образы места, и «рассредоточенные активы» – посланники бренда, диаспоры и проч. – составляют внешние активы.

На капитале базируется трехуровневая архитектура территориального бренда: (1) национальный бренд, выступающий зонтиком для (2) брендов остальных отдельных отраслей – туризма, экспортируемых товаров и услуг, внутренних инвестиций, политики, культуры, сервиса и спорта. Эти суббренды в свою очередь влияют на (3) самостоятельные бренды регионов, городов, местных товаров и услуг, культурных и образовательных центров [3].

Таким образом, в состав территориального бренда, иначе называемый архитектурой бренда, входят, если обобщать все представленные выше модели, национальные бренды, совокупность суббрендов региона и местные обособленные бренды в сферах экономики, истории, корпоративной жизни, товаров, социальных образований, специальных событий. Они формируют бренд-платформу, отражающую уникальные конкурентные преимущества территории – ее геополитическую миссию в масштабе страны, мировом пространстве, стратегию территориального маркетинга, установление доминантных историко-культурных ценностей территории. В качестве примера, применительно к реалиям Урала, можно пред-

ложить вариант системы территориального бренда «Урал», представленный в нижеследующей таблице.

Архитектура бренда Уральского региона

Вид бренда в «портфеле»	Национальный бренд	Региональный суббренд	Отдельный бренд
Экономический бренд	«Опорный край державы»: индустриальный центр, транспортно-логистический комплекс, активная строительная индустрия, оборонная промышленность и т. д.	Металлургическая промышленность, «закрытые города», «оборонка», Свердловская и Южно-Уральская железные дороги	«Уралмаш», «ЧТЗ», «ОЦМ», «УГМК», «Уралвагонзавод», «Атомстройкомплекс» и др.
Историко-культурный бренд	«Хребет России»: зарождение российской промышленности, Горнозаводской край, «кузнец» победы в Великой Отечественной войне, уральский фольклор и сказы, персоны и коллективы	Демидовские места, Татищев и Де Геннин, уральские промыслы, сказы Бажова и т. д.	Города и их достопримечательности (Екатеринбург, Челябинск, Нижний Тагил, Невьянск, Златоуст и т. д.), Уральский добровольческий танковый корпус, хозяйка Медной горы, Каменный цветок, Бажов, Николай Кузнецов, «Уральские пельмени» и т. д.
Природно-ресурсный бренд	«Каменный пояс», «Уральские самоцветы», «Седой Урал», «Граница Европы и Азии»	Заповедники и курорты, Челябинские озера, походы и альпинизм, Челябинский метеорит, реки Исеть и Кама	Оленьи ручьи, Курьи, Увильды, Каменные палатки, Чертов палец, перевал Дятлова, проч.
Корпоративный бренд	Крупные металлургические корпорации, транснациональные корпорации, банки	Газпром, ЦБ РФ, УБРиР, УГМК, вузы, заводы, учреждения культуры	«Уралмаш», «ЧТЗ», «ОЦМ», «УГМК», «Уралвагонзавод», «Атомстройкомплекс», и др.
Событийный бренд	Организация крупных национальных и международных событий	Саммиты, форумы, конференции, выставки, ярмарки	ЧМ по футболу, Саммит ШОС, Экспо, Уралэкспоармз и др.
Товарный бренд	Производство оборонной продукции, изделия из уральских камней, металлургия, трубы	Поделки и украшения из самоцветов, малахит, сельхозпродукты	Местные товары, например сосновская молочная продукция, рефтинские изделия из курицы и т. п.
Социальный бренд	Рабочий город, город студентов, столица Урала	Уральское студенчество, стройотряды, студенческие фестивали	Студенты УрФУ (или других вузов)

Таким образом, для создания и развития территориального бренда требуется сложный многоступенчатый процесс, охватывающий всестороннее взаимодействие с аудиторией, «капитализацию» территории, оценки конкурентоспособности места, формирования архитектуры бренда от общенационального бренда до брендов отдельных феноменов. Каждый из этих этапов сопровождается нарративом – историей, содержащей некие обещания целевым стейкхолдерам. Изначально это обещание связано с именем места.

Брендирование территории происходит с укоренением в сознании людей «знаковых мест» (термин, перекочевавший в брендинг из культурной географии). Д. Замятин определяет его как «пространство (территория, акватория, ландшафт, урочище), имеющее определенные семиотические характеристики в рамках кон-

кретного метапространства (пространства, обладающего по отношению к знаковому месту большей семиотической размерностью)» [4, с. 34]. Благодаря знаковым местам возникают культурные ландшафты, которые «обладают базовыми семиотическими уровнями, на основе которых возможны дальнейшие геосемиотические, мифогеографические и образно-географические интерпретации» [Там же, с. 35]. Именно эти интерпретации становятся основой территориального брендинга. Ю. Туана утверждает, что именно названия лежат в основе «букета восприятий» территориального бренда. Имена населенных мест – кульминация местной речи, наиболее четкая формулировка самой идеи, сути бренда. Эти слова имеют такую власть, что могут сделать невидимое видимым, сформулировать обещание, напомнить прошлое и приоткрыть будущее (например, наименование «Московская горка» содержит целый спектр ассоциаций с историей Екатеринбурга, высокостатусным районом наших дней, «столичной» атмосферой). Как общекультурный, так и «бытовой» аспекты названия важны. Ю. Туана выделяет и «моральный контекст» топонимов: те, что звучат как фразы из теплого разговора с друзьями, делают само место теплей, официозные же, напротив, могут спровоцировать враждебное отчуждение [8]. «Географические названия в подавляющей массе отражают те или иные признаки, свойства объекта, сохранившиеся или уже исчезнувшие – физические, хозяйственные, бытовые, а также личные и этнические имена», – утверждал Э. М. Мурзаев (цит. по: [5, с. 145]). Топоним обладает всеми характеристиками, необходимыми территориальному бренду, собственно говоря, он и есть сам имя бренда, складывающееся как автономно, так и преднамеренно и способное дифференцировать территорию в конкурентном окружении, выражать ее уникальность, обеспечивать взаимодействие между людьми и между жителями и местом. Он также имеет многоуровневый характер, воспринимаясь сквозь призму всех элементов архитектуры бренда, поскольку «на определенной территории появится не один топоним, а целая топонимическая система» [Там же, с. 146] из многих названий и их сочетаний, зависящих от «угла зрения» на знаковое место. Одна и та же территория может иметь географическое, экономическое, бытовое, политическое название. Такие топонимические системы складываются везде, где живут люди – носители культуры. Словарная символическо-смысловая составляющая топонимической системы формирует нарратив (историю) бренда территории. Т. Е. Оберюхтина упоминает такое устоявшееся во времени название, как «Урал – каменный пояс». Уральские названия населенных мест и природных феноменов показывают, что нарратив камня – действительно целая система названий разного уровня: камень как форма геологического рельефа выступает нарративом природно-географического бренда «Урал» и прочитывается во многих названиях, таких как «Конжаковский камень» – наивысшая точка в пределах Свердловской области, «Денежкин камень», «Старик-камень». В этом случае камень – преграда, которая преодолена, и тем самым житель Урала получил самоутверждение. С историко-культурным компонентом бренда связано большое количество нарративов «камня», например в сказах Бажова или фольклоре уральских народов, да и само название «Урал» пошло от древних людей, называвших Урал камнем, каменным поясом. «Экономический» нарратив камня – это наименования типа «Тальков камень», сохранивший память о добыче этого минерала.

Существуют и современные нарративы территориального бренда. Так, например, Челябинская область, «благодаря» СМИ, комедийным передачам, например «Наша Russia» и «Comedy Club», а также множеству промышленных предприятий, расположенных на территории Челябинской области и наносящих экологический ущерб, представлена в довольно неблагоприятном свете. Если объединить все негативные нарративы бренда «Челябинск», то получится ироничная картина: Челябинская область – родина «суровых челябинских мужиков», которые рабо-

тают на «грязных предприятиях», таких, например, как предприятия «Карабаш-Медь» (г. Карабаш, считающийся самым грязным городом в мире), «Мечел» (г. Челябинск), Магнитогорский металлургический комбинат (г. Магнитогорск) и др.

Особое значение нарративы приобретают в области туристского брендинга территорий. Исследователи обращают внимание на типичные «ошибки» туристского брендинга при использовании территориальных нарративов и конструировании имен [6]. Среди них, во-первых, так называемые «пафосные нарративы», наподобие «Душа России», «Сердце Родины», предлагаемые без достаточных оснований в реальном материале для формирования бренда (наверное, самый известный из такого рода нарративов – «Россия – родина слонов»). Во-вторых, «местечковые» нарративы, излишне увлеченные мелкими деталями локальной истории без учета потребностей стейкхолдеров-туристов (например, имена и истории о «знаменитостях» районного масштаба). Можно упомянуть также «нишевые» нарративы, направленные на узкий круг туристов и резидентов (например, уже упомянутый «Карабаш – самый грязный город в мире»). Наконец, часто наименования для туристов звучат как нарративы-«близнецы» (в каждом городе есть свои «Черемушки», «Бродвеи», «Арбаты» и т. д.), являющиеся попыткой эндорсмента – встраивания бренда в более сильный конкурентный образ.

Для создания «работающего» бренда территории необходимы тщательное накапливание, переработка и глубокая интерпретация местных традиций, условий и событий, и только рожденный из реальной жизни нарратив будет эффективной основой территориального бренда.

Литература

1. Анхольт С., Хильдрет Дж. Бренд Америка. Мать всех брендов / пер. с англ. А. Дадыкина. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010.

2. Баженова Е. Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11, № 3. – С. 120–125.

3. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

4. Замятин Д. Е. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, № 3. – С. 30–47.

5. Оберюхтина Т. Е. Топонимическая система региона: взгляд географа // Современные исследования природных и социально-экономических систем. Инновационные процессы и проблемы развития естественно-научного образования : материалы Международной научно-практической конференции (11–12 декабря 2014 г.). – Т. 1. – С. 140–147.

6. Чернякина А. О. Брендинг туристской территории: ошибки и ключевые аспекты создания в рамках кластерного подхода развития туризма // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – №12 (127). – С. 47–51.

7. Lucarelli A., Brorström S. Problematising place branding research: A meta-theoretical analysis of the literature // The Marketing Review. – 2013. – Vol. 13, № 1. – Spring. – P. 65–81.

8. Tuana Y. Language and the Making of Place: A Narrative-Descriptive Approach // Annals of the Association of American Geographers. – 1991. – Vol. 81, Iss. 4. – P. 684–690.

Yekaterina Anatol'yevna Batyuta,
Candidate of Philosophy, Associate Professor at Hospitality Management
and Tourism Chair, Department of Social Psychology,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Narrations of the Urals' Brand

The article presents the review of approaches to the concept of «brand of territory» as well as its structure from the outlook of cultural geography, culturology and social marketing. This analysis allows the author to describe brands and sub-brands of the Urals as an integrative phenomenon involving both geographic and cultural narrations.
Key words: brand; sub-brand; brand stakeholders; brand narrations; regional culture.

УДК 791:316.7

Т. Л. Трушина*

Кино и мода: взгляд через экран

В статье проанализирована взаимосвязь двух медиумов современности - кино и моды. На примерах западного киноискусства показано, что кино не только музеефицирует образы ушедшей эпохи, позволяя прикоснуться к эстетике прошлых лет, но и способно заставить зрителя сконструировать новый образ себя, подобно увиденному на экране. Особый иммерсивный язык кинематографа связывает виртуальный мир на экране с живым материальным телом, способствует формированию у зрителя ощущения «тактильной трансмедийности».

Ключевые слова: мода; кинематограф; визуализация; тренд; внешность; идентичность; конструирование; коммуникация.

Сегодня кинематограф стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Те визуальные образы, которые мы получаем через экран, способны не просто знакомить нас с происходящим, но и удивлять, вдохновлять, вовлекать в другую, отличную от нашей, реальность. Они заставляют нас сопереживать героям, ощущать себя частью происходящего на экране, забывая при этом, что перед нами вымышленные сюжеты. Часто после просмотра фильма мы вносим в свою реальную жизнь некоторые элементы образа (а иногда стремимся воспроизвести образ целиком) того героя, с которым идентифицировали себя при просмотре. Мы пытаемся копировать речь, жесты, манеры, а также прическу, макияж и костюм. Однажды примерив экранный образ, человек может пронести его через всю жизнь, принимая как комплимент каждое слово, отмечающее его сходство с «иконой стиля». Следует отметить, что эстетический плюрализм, свойственный эпохе постмодернизма, меняет понятие «иконы стиля» – единого образца для подражания. Визуальные образы кинематографа, задававшие ранее единый канонический образец, раздробились на множество «иконок», которые меняются так же быстро, как меняется мода. Почему так притягательны те образы, которые мы видим на экране? Можно ли назвать кино «фабрикой желаний», возможностью сконструировать свой образ, глядя на любимый персонаж?

Современный мир характеризуется высокими скоростями, вследствие чего появляется огромное количество визуальной информации, так как восприятие и интерпретация ее происходит быстрее, нежели текстовой. Такие источники информации, как телевидение, кино, Интернет, сегодня занимают лидирующие позиции, визуальная информация вытесняет вербальную. Кинематограф способен не просто влиять на модные пристрастия его зрителя, он способен навязать транслируемый образ, заставить зрителя поверить в ту картинку, которую он видит, и привнести ее в свою реальную жизнь. Экран как величайший манипулятор является не только способом визуализации, но и коммуникативной системой и, несомненно, доносит до зрителя определенную информацию, заложенную режиссером. Особое внимание в кино уделяется внешнему образу героя, и в частности его костюмам. Именно по костюму мы считываем такую информацию, как положительный или отрицательный перед нами герой, чем он занимается, какой у него социальный статус и т. д. Потому вполне закономерно, что с появлением кинематографа мода как индустрия вышла на новый уровень своего развития.

* **Татьяна Леонидовна Трушина,** аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург). E-mail: mail@birukova.com

© Т. Л. Трушина, 2017

Сегодня модная индустрия – это внушительный сектор экономики. Суть любой индустрии – это производство товаров или услуг, а затем их реализация. Чтобы понимать суть модной индустрии, необходимо рассмотреть фазы ее движения. «Первая фаза – производство моды (идеальное производство, материализация моделей и массовое производство объектов моды), вторая фаза – распространение модных вещей и стандартов поведения и третья фаза – потребление модных вещей» [6, с. 60]. В данном случае под модными вещами мы будем понимать одежду как модный объект. Такое понимание моды вносит ясность в суть происходящих в ней процессов и объясняет необходимость продвижения моды, так как чертой современного общества является избыточное предложение, которое возможно только в условиях массового потребления. А потому становится очевидным, что вторая фаза в ходе движения моды представляет наибольший интерес и одновременно сложность.

И все же индустрия моды – это особая индустрия, это не просто производство товаров, это производство смыслов, которые, с одной стороны, влияют на культурную составляющую общества, а с другой – определяются культурой. Мода – это визуальная система ценностей, это задаваемые образцы, которым массово следуют и даже подчиняются. «Мода заняла определенное место в массовом сознании, а валовое производство одежды позволило ей стать частью массовой культуры» [7, с. 147]. Поэтому для социокультурных дисциплин интересно проследить, как формируется мода, что оказывает на нее влияние и на что может повлиять она. Необходимо выяснить глубинные механизмы: как и почему конкретные предметы одежды, аксессуары или образы в целом становятся модными в определенный период времени, можно ли влиять на эти процессы или даже управлять ими?

Говоря о моде, чаще всего мы подразумеваем фасон одежды, но очевидно, что моду следует понимать шире, можно говорить о модных тенденциях в сфере кино, музыки, танца, модными становятся те или иные слова, а также повседневные предметы, стиль жизни, сценарии поведения. Тем не менее предметом исследования нашей статьи является мода, отражающаяся в одежде, т. е. вестиментарная (от лат. от vestimentum – одежда) мода. Именно вестиментарной моде посвящены труды многих исследователей различных дисциплин, каждый из которых стремится раскрыть суть феномена моды.

Интересно, что понятие моды является общеупотребимым, но каждый вкладывает в него свой смысл. На разных этапах становления этого феномена исследователи высказывали различные теории происхождения моды, в соответствии с которыми менялась и трактовка понятия. Одними из первых исследователей феномена моды являются Г. Зиммель и Т. Веблен – авторы теории «просачивания». Следуя этой теории, мода создается в высших сословиях и постепенно перенимается низшими, т. е. «просачивается» вниз, теряя свою новизну и становясь в итоге массовой. Это заставляет высшие сословия вновь создавать другую моду, желая продемонстрировать социальную дистанцию. «Поэтому мода означает, с одной стороны, присоединение к равным по положению, единство характеризуемого ею круга и именно этим отъединение этой группы от ниже ее стоящих, определение их как не принадлежащих к ней. Связывать и разъединять» [3, с. 269] – основные функции моды по Зиммелю.

Сегодня теория «просачивания» не столь популярна в большей степени потому, что современная мода часто стирает границы, уже нет ярко выраженной сословной иерархии, мода демократизируется. На фоне этих тенденций были сформулированы другие теории: в 1963 г. теория «горизонтального распространения» моды и в 1970-м теория «просачивания (или всплывания) вверх». Автором теории «горизонтального распространения» моды является Чарльз Кинг, утверждающий,

что с появлением таких информационных каналов, как радио и телевидение, модные тенденции с одинаковой скоростью могут быть донесены до всех слоев общества. Теория «просачивания вверх» была сформулирована Джорджем Филдом в работе «Феномен изменчивого статуса – направленная вверх диффузия инноваций». Суть данной теории в том, что производители моды – дизайнеры – заимствуют идеи из уличной моды, у субкультур и, адаптируя их под массового потребителя, выводят на подиумы.

Совершенно иное понимание моды предлагает Р. Барт, один из основателей структуралистского подхода. Структуралисты рассматривали любое социальное явление как текст, т. е. совокупность знаков. Поэтому в концепции Р. Барта мода представлена как особая знаковая система, являющаяся одной из составляющих более объемной социальной системы.

В основе концепции моды современного исследователя Ж. Липовецкого лежат такие понятия, как «индивидуализация» и «персонализация». Мода «является самым мощным фактором и самой мощной движущей силой развития индивидуализма в различных проявлениях» [5, с. 17]. Ж. Липовецкий отмечает, что над модой не властны традиции, мода пребывает в постоянном движении в поисках изменений и новизны.

Необходимо отметить, что система моды, в том виде, в котором она представлена сегодня, включающая дизайнеров, показы, журналы, выстроилась в XIX веке. Хотя есть точки зрения, которые относят появление моды к тому моменту, когда человек только изобрел одежду, или же к периоду Средневековья, когда впервые стал употребляться данный термин. И все же, не отрицая этих теорий, рассмотрим моду с того момента, когда появился первый дизайнер, прикрепивший бирку со своим именем на созданное им платье, когда стала активно развиваться промышленность, когда появилось массовое производство ткани и одежды, что определило необходимость сбыта, и когда появились общедоступные визуальные носители модных образов в виде гравюры, затем фотографии и кино. Мы говорим о XIX–XX веках.

Появление таких медиумов, как фотография и кино, вывело моду на новую ступень развития. Если раньше модный образ можно было показать только в зарисовке, не всегда передавая точность деталей и тем более реалистичность модели, то фотография отлично справлялась с этими задачами. Фотография запечатлевала реального человека, что облегчало процесс «примеривания» представленного образа на себя. Еще больше возможностей для репрезентации моды возникло с рождением кинематографа, который иммерсивно воздействует на восприятие зрителем временных потоков образов. Стало понятно, что та движущаяся картинка, которая появилась благодаря кино, обладает большим потенциалом в донесении визуальной информации до зрителя, а в дальнейшем покупателя, нежели фотография. Дизайнеры, задачей которых является не просто создавать модели, но и продвигать их в массы, увидели перспективу кинематографа, которая была несравнима, например, с театром, для которого многие модельеры также создавали костюмы. «Можно сказать, что кинематограф фиксирует определенный срез времени, контролируя и сохраняя при этом нарративную динамику, ее структурную целостность» [8, с. 274]. Всеохватность кино позволяла подняться моде на невиданный до этого уровень. Кинематографический язык обладает возможностью преодолеть границы между потреблением и репрезентацией моды. «Голливудские фильмы – фабрика желаний, оказавшаяся идеальным инструментом, наилучшим образом приспособленным для тиражирования и в конечном итоге продвижения моды» [1].

Одним из дизайнеров, стоявшим у истоков сотрудничества моды и кинематографа, была Люсиль (Люси Кристиана Дафф-Гордон) – ведущий английский мо-

дельер конца XIX – начала XX в. В 1916 г. на экраны вышел фильм «Странный случай Мэри Пэйдж» (The strange case of Mary Page), в котором она создала гардероб для одной из героинь, включающий в себя 33 предмета. Эльза Скьяпарелли создавала костюмы для Мэй Уэст – американской актрисы и секс-символа тех лет, а затем для голливудской актрисы Жа Жа Габор. Мода 30-х годов совпадает с периодом мирового экономического кризиса, получившего название Великой депрессии. Жизненные условия были довольно тяжелыми, и, можно сказать, единственным доступным развлечением для людей было кино. Поэтому неудивительно, что именно актрисы и актеры Голливуда стали главными законодателями моды, и не только в одежде, но и самих канонов красоты. Безудержная сюрреалистичная эстетика Скьяпарелли была прекрасно принята зрителем, возможно, потому, что она сильно контрастировала с повседневным костюмом, чего нельзя сказать о сдержанном стиле Шанель.

При жизни знаменитой Коко Шанель сотрудничество с Голливудом не сложилось, ее костюмы в культовых фильмах не появились. Однако кинематограф удивительным образом продлевает значимость модных образов конкретной эпохи, а также позволяет взглянуть на них по-новому и переосмыслить заложенную в них ценность. Примером этому являются современные исторические фильмы, где костюмы героев максимально точно передают эпоху. Например, в мае 2016 года вышел фильм «Светская жизнь» режиссера Вуди Аллена, где воспроизведен стиль 30-х гг. XX века. Художник по костюмам Сьюзи Бензингер тщательно продумывала одежду героев, стараясь с точностью передать моду того времени, а большая часть костюмов была отобрана из винтажных нарядов дизайнеров Мадлен Вионне, Эльзы Скьяпареллли и Коко Шанель. В картине показаны шик и роскошь того времени, что позволяет нам прикоснуться к тогдашней эстетике, рассмотреть ее детально. Можно сказать, что кино музеефицирует образы определенной эпохи. Таким образом скоротечная, казалось бы, мода обретает вторую жизнь, так как, во-первых, дает возможность увидеть тренды, которые были актуальны в то время, а некоторые из них и по сей день, а во-вторых, вдохновляет дизайнеров на создание новой моды; как известно, мода возвращается, но уже адаптированная к современной реальности.

Интересно, что не каждый исторический фильм стремится передать достоверность времени, о котором идет речь. Например, вышедшая на экраны в 2016 г. новая версия романа «Война и мир», снятая британской компанией BBC, изобилует неточностями в костюмах: некоторые платья выполнены из тканей, которые появятся только век спустя, отсутствуют корсеты, присутствуют яркие цвета, красителей для которых тогда еще не было. «От “аутентичности” к “аромату эпохи” и далее к “намеку на эпоху” – вот самое точное описание пути, который преодолевали “исторические” костюмы от замысла до воплощения» [7, с. 158]. Такое искажение смыслов можно объяснить трудностью перевода материала для конкретного зрителя. В данном случае «разрыв» во времени составляет более двух столетий, и чтобы зритель уловил смыслы тех лет, необходимо определенным образом трансформировать изначальную подачу. Зритель должен прочувствовать персонажей, сюжет и в целом эпоху, которую видит на экране, а для этого суть должна быть донесена на понятном ему языке, о чем подробно писал Ю. Лотман в книге «Семиотика кино и проблемы киноэстетики».

Мода сегодняшнего дня прекрасно отслеживается и передается в телесериалах. По сравнению с коротким фильмом, сериалы дают другое ощущение восприятия, оно становится более длительным, более сопоставимым с реальной повседневной жизнью. Зритель часто ассоциирует себя с героем (героиней) сериала и вживается в его (ее) роль. А протяженность во времени позволяет гораздо глубже прочувствовать эмоции и характер героя, а значит, максимально приобщиться и

отождествиться с образом. И, конечно, зритель воспринимает героя целостно, не отделяя внешний облик от характера; следовательно, костюм становится важнейшей и неотъемлемой частью персонажа. «Одежда играет ключевую роль во взаимоотношениях текста и зрителя благодаря своей способности конструировать, трансформировать и играть воображаемую, виртуальную и “подлинную” идентичности» [2, с. 212]. В качестве примера приведем вышедший в 2011 г. сериал «Форс-мажоры». В картине показана жизнь корпоративных юристов из Нью-Йорка. Все действие разворачивается преимущественно в офисных пространствах и судебных залах. Стиль одежды героев сугубо деловой. В данной картине дорогие костюмы главных героев маркируют то, что они не просто интеллектуалы, но и люди, которые следят за внешним видом: подтянутые, ухоженные. Интересно, что в России еще и до сих пор актуальны такие поговорки, как «не родись красивой, а родись счастливой» или «красота с умом редко уживаются». То есть если ты умен, то тебе простят твой нелепый наряд. Здесь же нам предлагается совсем другой код восприятия: сегодня, чтобы быть успешным, ты должен быть не только умным, но и красивым. Такой посыл мы можем наблюдать и в различных токшоу по переодеванию героев, когда за 24 часа героине предлагается изменить свою внешность, понять костюм, а значит – и свою жизнь. «Одежда и внешность понимаются не как самоценность, а как то, что меняет реальность, позволяя женщине поверить в себя и изменить жизнь» [4, с. 120]. Одна из целей таких программ – повлиять на желание их зрительниц сконструировать свой внешний образ, создать свой стиль, следуя примеру героини программы, обещая при этом перемены и во внутреннем мире.

Известным примером сотрудничества мира моды и кино можно назвать сериал «Секс в большом городе», вышедший в 1998 г. и продлившийся вплоть до 2004-го. В сериале представлены четыре абсолютно разных женских типа, каждый из которых может восприниматься нами в качестве определенного образца. Если еще несколько десятков лет назад мы могли наблюдать один или два образа, которые воспринимались как эталоны, на которые хотели равняться, то сегодня мы говорим о множественности образов. Нет одного образца, появляется множество разных. Данный проект не просто пример того, как должны выглядеть современные успешные женщины, это еще и конструирование определенного паттерна поведения, связанного с постоянным потреблением модной одежды, которая демонстрирует женскую привлекательность, раскрепощенность и свободу.

Взаимодействие моды и кино бывает абсолютно неожиданным и непредсказуемым. Бывает так, что кино задает дальнейшую моду, как произошло с «Пиратами Карибского моря», приключенческим фильмом, вышедшим на экраны в 2003 г. «Успех киносерии “Пираты Карибского моря” привел к тому, что “пиратский” стиль покинул маргинальные пределы костюмных игр и фестивальных маскарадов и стал элементом моды и модного дизайна» [2, с. 209]. Действительно, в моду вошли свободного кроя белые рубашки и сапоги выше колена, узоры из черепов, принты в виде скелетов и костей. Такие дизайнеры, как Жан-Поль Готье, Александр Маккуин и Вивьен Вествуд, уловив всеобщее принятие данного тренда, выпустили коллекции с «пиратской» символикой в одежде и украшениях, где читались также намеки на гомосексуальность и игру с гендерной идентичностью. Этот тренд и сегодня не потерял своей актуальности, возможно потому, что и к фильму не остывает интерес на протяжении уже 14 лет (пятая часть фильма выйдет на экраны в 2017 г.). Таким образом, по большей степени выдуманная история, которая легла в основу фильма, не просто создала новый модный тренд, но еще и продлила его жизненный цикл, что для модного явления, можно сказать, противоестественно.

Похожая история складывается и с телесериалом «Игра престолов», который завораживает не только сюжетом, но и роскошными, декорированными костюмами героев. Фильм снят в жанре фэнтези, а потому не имеет ничего общего с действительной жизнью, но это не мешает ему вносить коррективы в реальный мир моды. В коллекциях модных домов «Valentino», «ElieSaab», «Victor & Rolf» прослеживаются черты и силуэты, свойственные нарядам главных героинь сериала. Дизайнер модного дома «Alexander McQueen» Сара Бертон вдохновилась драматическими и готическими образами «Игры престолов». Одним из трендов также стало появление геральдических мотивов, преимущественно в украшениях и декоре одежды. Эта идея с успехом воспроизводится и российскими мастерами, создающими украшения ручной работы.

Само появление довольно большого количества фильмов о том, чего на самом деле нет (фэнтези, фантастика, сказка), свидетельствует о том, что идет постоянный поиск нового. А потому, в частности, в одежде дизайнеры обращаются к прошлому, подавая его в новом, адаптированном к современности виде, и к соединению ранее несочетаемого. Сегодня принимается и поощряется уникальность, необычность в поведении, в образе жизни, в одежде.

Мода и кино взаимодействуют очень тесно, и часто не кино определяет движение моды, а мода является тем фактором, который влияет на продвижение кино в массы, заставляет зрителей с нетерпением ожидать его появления на экранах. Примером такого события в мире кино и моды можно назвать фильм «Великий Гэтсби», вышедший на экраны в 2013 г. Костюмы к этому фильму были созданы при участии известного дизайнера Миуччи Прады, о чем было заранее известно, и весь мир ожидал выхода уже не первой экранизации фильма не только из-за известного и многими любимого сюжета, но и потому, что на большом экране появятся роскошные наряды Миуччи Прады, дополненные украшениями от Тиффани. Магия высокой моды существует, но далеко не каждый может к ней прикоснуться. Мир кино способен предоставить такую возможность. Премьера неоднократно переносилась по неясным для зрителя причинам, а потому становилась еще более ожидаемой. И в момент очередного переноса выхода фильма Миуччи Прада публикует в журнале «Vogue» несколько своих эскизов, которые были разработаны специально для фильма, что вызвало еще больший интерес к премьере и затем отразилось на кассовых сборах.

Таким образом, в данной статье рассмотрены лишь некоторые аспекты союза двух медиумов, но уже на основании использованного материала можно выстраивать более глубокое исследование, которое раскроет и более современные средства передачи и восприятия информации, такие как Интернет, а также, в частности, такую форму кино, как фэшн-фильм и онлайн-игры, основанные на сюжете и образах художественного фильма, так как роль этих каналов в репрезентации моды огромна и на данный момент малоизученна. Сегодня «костюмы, мода и продвижение товаров, связывая виртуальный мир на экране с живым материальным телом, способствует формированию у зрителя ощущения “тактильной трансмедийности”» [8, с. 205], чего не может создать кинематограф. Следовательно, современные реалии открывают новые направления для исследования.

Литература

1. Алябьева Л. Мода и визуальная культура: гравюра, фотография, кино, видеолекция. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=gebmj3NiVqI (дата обращения: 11.11.2016).

2. Гиллиган С. Вздымающаяся грудь и причудливый сюртук: гендерная изменчивость, знаменитости и тактильная трансмедийность в современных костюмных фильмах // Теория моды. – 2014. – № 31.

3. Зиммель Г. Избранное. – Т. 2 : Созерцание жизни. – М. : Юристъ, 1996.

4. Зверева В. В. «Настоящая жизнь» в телевизоре: Исследования современной медиакультуры. – М. : РГГУ, 2012. – 224 с.

5. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / пер. с франц. Ю. Розенберг, под науч. и лит. ред. А. Маркова. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 336 с.: ил.

6. Маркетинг: общий курс : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Экономика» / под. ред. Н. Я. Калюжновой, А. Я. Якобсона. – 4-е изд., стер. – М. : Омега-Л, 2010. – 476 с.: ил., табл. – (Высшее экономическое образование).

7. Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность / пер. с англ. Е. Демидовой, Е. Кардаш, Е. Люминой. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 288 с.:

8. Хан Н. Расчленение модного тела: почему модный образ перестал быть статичным // Теория моды. – 2013. – № 27. – С. 273–290.

Tatiana Leonidovna Trushina,
Post-graduate Student,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Cinema and Fashion: a Look through the Screen

The article analyzes the relationship between two mediums of our time – cinema and fashion. The examples of European cinematography demonstrate that cinema retains the images of the bygone era. It tempts the viewer to touch not only the aesthetics of the past, but also to construct a new self-image, alike the one on the screen. The special immersive language of cinema links the virtual world on the screen with the living material body, contributes to the viewer's feeling of «tactile transmediality».

Key words: fashion; film; visualization; trend; appearance; identity; design; communication.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

С. И. Глушкова*

Дискуссии об актуальных проблемах соблюдения и защиты прав человека (обзор материалов Международной конференции по правам человека)

В обзорной статье представлены актуальные проблемы защиты прав человека, ставшие предметом рассмотрения и обсуждения студентами, магистрантами, аспирантами и преподавателями на двух секциях Международной конференции по правам человека в Гуманитарном университете (г. Екатеринбург), которая состоялась в рамках Международного форума «Юридическая неделя на Урале».

25 октября 2016 года в Гуманитарном университете (г. Екатеринбург) состоялась Международная научно-практическая конференция «Защита прав человека в России и в мире: проблемы, вызовы XXI века, перспективы решения». Основным проблемам, которые были представлены в докладах на пленарном заседании, была посвящена статья советника Уполномоченного по правам человека в Свердловской области И. Н. Литвиновой и автора данной статьи (профессора С. И. Глушковой), которая была опубликована в предыдущем номере «Вестника Гуманитарного университета» (2016, № 4). В настоящей статье представлен обзор материалов докладов и выступлений на двух секциях конференции, в рамках которых выступили студенты, магистранты, аспиранты и преподаватели УрФУ, УрГЮУ, Гуманитарного университета (далее – ГУ), УрГЭУ, Института философии и права УрО РАН.

Модераторами секции «Защита гражданских и политических прав: проблемы и пути решения» выступили **С. А. Денисов**, канд. юрид. наук, доцент ГУ, и **Л. М. Чуркина**, канд. юрид. наук, доцент ГУ, адвокат. На секции выступили не только студенты, магистранты и преподаватели, но и представители общественных организаций. **А. Анферова** (магистрант УрГЮУ) рассмотрела актуальные проблемы защиты гражданских и политических прав человека дипломатическими/консульскими представительствами. Она выделила ряд проблем в правовом регулировании осуществления дипломатическими и консульскими представительствами РФ правозащитной функции, а также некоторые практические проблемы, в частности: 1) пределы осуществления дипломатической/консульской защиты; 2) необходимость разграничения понятий «защита» и «покровительство»; 3) недостаточность консульского штата РФ в ряде государств. **М. Белоносова** (магистрант УрГЮУ) проанализировала взаимосвязь Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции о правах ребенка в части определения понятия «ребенок». **И. Валиуллина** (магистрант УрГЮУ) посвятила свое выступление проблемам, связанным с непредставлением докладов государствами – участниками конвенций ООН.

Канд. юрид. наук, доцент ГУ **С. А. Денисов** проанализировал в своем докладе проблемы имитации признания и обеспечения прав человека и гражданина.

Канд. пед. наук, доцент РГППУ **М. В. Снегирева** представила анализ тенденций милитаризации и пацифизма в контексте реализации права на жизнь в современном российском обществе, в частности отметила излишнюю милитаризацию сознания, повсеместное использование воинственной лексики, присущее многим

* **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, директор Центра правового просвещения и прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), приглашенный профессор Университета Париж – Запад (Франция).

© С. И. Глушкова, 2017

политическим деятелям, представителям СМИ. Особенно актуален сегодня, как подчеркнула М. В. Снегирева, призыв Э. М. Ремарка к педагогам, который он написал в эссе «Будьте бдительны» (1956 г.), утверждая важность воспитания в духе деятельной демократии.

И. Джерыкин (аспирант УрГЮУ) рассмотрел некоторые проблемы реализации и защиты прав ребенка в международном гуманитарном праве, в частности: 1) толкование так называемых «детских» статей в международных договорах в целях дальнейшего добросовестного выполнения государством или иным субъектом права международных обязательств предполагает разъяснение категорий «дети», «подросток», «несовершеннолетние»; 2) необходимость анализа диаметрально противоположных ролей ребенка в вооруженном конфликте – от гражданского лица («жертвы войны») до комбатанта, который имеет право применять оружие на поражение.

А. С. Исаков (аспирант Института философии и права УрО РАН) посвятил свой доклад проблемам дифференциации представлений о правах человека в странах исламского Востока. Он отметил, что актуальность темы обусловлена ростом внутреннего конфликтогенного потенциала мусульманских стран. Возникающие вооруженные конфликты характеризуются крайней асимметрией участников и разным отношением к человеку как таковому. При этом общемировые взгляды на права человека, защищаемые ООН, не являются аксиономичными для стран исламской ойкумены. Кроме того, существуют различия в понимании прав человека и в самих странах мусульманского Востока, более того, даже внутрисистемные акторы могут воспроизводить иное видение вопроса, что способствует росту эскалации в региональных конфликтах. А. С. Исаков рассмотрел 5 основных моделей представлений о правах человека, в соответствии с актуальными правовыми школами: ханафитскую, маликитскую, шафиитскую, ханбалитскую, джафаритскую. По его мнению, преимуществом данного подхода, предполагающего отход от традиционного анализа в дихотомии сунниты-шииты, является возможность описания логики формирования представлений, а также механики изменения ситуации. Подобный подход, как подчеркнул докладчик, позволяет анализировать и прогнозировать действия сторон в вооруженных конфликтах, как, например, в Сирии, Ливии или Йемене. Общей особенностью являются неоднородные представления о правах человека у участников конфликта, принадлежащих одной конфессии.

Оливер Йоксимович (магистр права, Франция, Сербия, магистрант Гуманитарного университета, Екатеринбург, Россия) проанализировал в своем докладе нарушения прав человека в Косово (в частности, проблемы, связанные с международной торговлей органами), используя, прежде всего, данные Совета Европы. **Д. Лагунов** (магистрант ГУ) посвятил свой доклад анализу международных стандартов в отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних. **О. Исаева** (магистрант ГУ) проанализировала в своем выступлении понятие «врачебная тайна» и принципы ее сохранения, право на врачебную тайну как важный элемент права человека на частную жизнь.

И. Леденцова (магистрант УрГЮУ) представила доклад «Право на забвение – новый вызов в области защиты прав человека или естественное развитие механизма реализации и защиты права на частную жизнь?», в котором отметила, что именно из концепции защиты личной жизни, а также защиты персональных данных получила развитие концепция права на забвение (или право быть забытым). Это право любого лица, в отношении которого осуществлялся сбор, хранение и обработка данных, требовать прекращения выдачи данных, которые являются недостоверными, неактуальными, не имеющими значения для такого лица. Дискуссионным является следующий вопрос: право на забвение – это естественное рас-

ширение спектра механизмов на защиту личной жизни или ограничение свободы выражения мнения и принципа свободы информации? Как подчеркнула И. Леденцова, начало быстрому развитию права на забвение в Европейском Союзе положило дело «Марио Костеха Гонсалес против Google» (Суд Европейского Союза) от 13 мая 2014 года, которое стало примером реализации испанским гражданином права на защиту личной жизни путем обращения к Google с просьбой удалить информацию, которая более не являлась актуальной. В эпоху цифровых технологий, по утверждению И. Леденцовой, каждый должен знать о механизмах защиты своих прав в сети Интернет, где права человека нарушаются и умаляются ничуть не реже, чем в офлайн-реальности. И в связи с этим концепция права на забвение, как отметила И. Леденцова, имеет все предпосылки для того, чтобы стать тем необходимым инструментом защиты права.

К. Мартынов (аспирант ГУ) рассмотрел в своем докладе актуальные проблемы осуществления гражданских прав. **Л. С. Лукашёва** (президент Уральской ассоциации беженцев) выступила с докладом «Компетентностный подход в защите прав человека на гражданство». **Ю. Машковская** (магистрант УрГЮУ) проанализировала в докладе прогрессивные и регрессивные тенденции в реализации права человека на свободное выражение своего мнения в XXI веке. **Н. Шубин**, **К. Юрченко, А. Генов** (студенты ГУ**)** представили коллективный доклад, в котором рассмотрели проблемы реализации политических прав и свобод граждан в России.

Е. В. Макей (юрист Ассоциации «Юристы за гражданское общество») проанализировала в своем докладе судебную практику по делам НКО, внесенных в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, на примере решений судов Свердловской области в 2013–2016 гг.

Е. Перевозчикова (магистрант ГУ) рассмотрела в своем докладе проблемы, связанные с развитием и реализацией новых механизмов защиты прав человека, в частности гуманитарного правозащитного механизма.

Наряду с очными докладами, вызвавшими много вопросов и активное обсуждение актуальных проблем защиты прав человека, представляет интерес и доклад, присланный соискателем кафедры теории и истории международных отношений УрФУ **М. Даллакяном** (г. Астана, Казахстан) «Нарушение политических прав в современной Армении: общая ситуация и в процессе выборов в различного уровня органы государственной власти», в котором он проанализировал соответствие международным стандартам избирательной системы и процедуры проведения выборов различных уровней в современной Армении, а также проблемы соблюдения Международного пакта о гражданских и политических правах.

Руководителями второй секцией «Защита экономических, социальных и культурных прав: проблемы и пути решения» выступили **А. Ю. Маракулин**, старший преподаватель ГУ, магистр юриспруденции, и **В. М. Танаев**, старший преподаватель ГУ, магистр частного права.

А. Аршинская и **Ю. Пильникова** (студенты ГУ) обратили внимание участников секции на актуальные проблемы защиты прав детей-сирот, кризис семьи, утрату многих ценностей в современном обществе. **Л. Быкова** (магистрант ГУ) проанализировала проблемы государственного контроля за соблюдением прав военнопленных. **Е. Григорьев** (магистрант ГУ) поднял вопрос о защите прав человека, связанных с проблемами антидопингового законодательства в РФ.

В. Гусева (студентка ГУ) подчеркнула важность защиты прав ребенка в образовании. Данная тема была продолжена **Е. Стихиной** (студенткой ГУ), которая рассмотрела вопросы толкования, реализации и защиты конституционного права ребенка на образование. **Р. Забоев** (магистрант ГУ) представил анализ проблем, связанных с процедурой заключения договора обязательного страхования граж-

данской ответственности владельцев транпортных средств (ОСАГО) потребителем. **К. Коренкина** (магистрант ГУ) представила интересные примеры в докладе «Женщины и дети под защитой международного гуманитарного права». **Д. Коробицына** (магистрант ГУ) рассмотрела вопросы гражданско-правовой защиты имущественных прав несовершеннолетних граждан в судебном порядке. **М. Кузнецова** (магистрант ГУ) проанализировала актуальные проблемы ювенальной юстиции, в частности меры, проводимые государственными органами при защите прав несовершеннолетних (на примере шведского опыта).

Большой интерес участников секции вызвал доклад **Н. Мамина** (магистранта УрФУ) по теме «Арабская хартия прав человека в контексте международного права». Он представил краткий хронологический обзор выработки арабской системы прав человека, а также выделил ряд ее недостатков, вытекающих из анализа текстов Арабской хартии прав человека 1994 и 2004 гг. и Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г. Особое внимание он обратил на факты насилия в отношении женщин, которое принимает разнообразные формы и находит отражение в правовых системах арабских государств (на примере Уголовного кодекса Республики Ирак). Н. Мамин отметил, что, несмотря на значительные уступки по сравнению с версией 1994 г., действующая Арабская хартия прав человека еще далека от международных стандартов в этой области и скорее закрепляет репрессивно-клерикальное законодательство на региональном уровне, нежели способствует развитию прав и свобод человека на Ближнем Востоке. В качестве основных причин, по его мнению, можно назвать: 1) мощное религиозное влияние, которое наблюдается в рамках определенной корреляции документа с Каирской декларацией о правах человека в исламе, и 2) отсутствие действенного механизма контроля над государствами за соблюдением статей хартии, что требует, в первую очередь, создания справедливого Арабского суда по правам человека, подобного Европейскому суду в Страсбурге.

Активное обсуждение вызвал доклад **А. Н. Рундквиста** (преподавателя ГУ, магистра юриспруденции), рассмотревшего проблемы осуществления права на доступ к культурным ценностям с помощью сети Интернет. К основным проблемам в данной сфере, по его мнению, относятся вопросы об обеспечении максимально упрощенного доступа со стороны пользователя к соответствующим ресурсам при соблюдении необходимых и разумных ограничений, которые могут быть связаны с особенностями содержания размещаемой там информации, а также с возрастными характеристиками самого пользователя. Особое внимание А. Н. Рундквист посвятил таким вопросам, как эффективная и адекватная защита прав на результаты интеллектуальной деятельности, включая современные способы защиты авторских прав на произведения науки, литературы и искусства и прав, смежных с авторскими. Он также подчеркнул важность вопросов развития цифровой дистрибуции как одного из важнейших факторов обеспечения доступа к культурным ценностям в современном мире, притом что общественные отношения в данной области, возможно, пока не получили достаточного нормативного урегулирования.

А. Старкова (студентка ГУ) рассмотрела в своем выступлении актуальные проблемы защиты прав многодетных семей. Она отметила, что многодетным семьям необходима помощь в их адаптации в современных экономических условиях, в частности в организации собственного дела. При этом А. Старкова обратила внимание на зависимость возможностей разных типов многодетных семей от ряда условий: возраста, образования и квалификации родителей, количества детей, обеспеченности жильем, наличия сада или огорода, автотранспортного средства, наличия рабочих мест по профилю деятельности родителей и многого другого.

Интерес участников секции и активное обсуждение вызвало выступление старшего преподавателя ГУ, магистра частного права **В. М. Танаева** на тему «Система базовых прав человека: теоретические подходы».

Е. Тодрик (магистрант УрФУ) представила доклад на тему «Культурные права женщин во Франции: особенности реализации свободы вероисповедания в современном мире». Она отметила, что в последнее время все больше европейских государств вводят ограничения на ношение религиозной одежды в общественных местах или рассматривают такую возможность, что связано, прежде всего, со столкновением культур и религий, распространенных в мире. Она рассмотрела соотношение двух французских законов с правами, закрепленными в Международном пакте о гражданских и политических правах (в ст. 18). Так, Е. Тодрик проанализировала Закон о запрете сокрытия лица в общественных местах № 2010-1192 от 11 октября 2010 г. и Закон о запрете на ношение символов и одежды, обозначающих религиозную принадлежность, в школах, лицеях и высших учебных заведениях № 2004-228 от 15 марта 2004 г. Докладчик проанализировала законодательство других стран Западной Европы в этой сфере: Бельгии, Нидерландов, Швеции, Финляндии, Австрии, Испании. Она сделала вывод о более строгом отношении Франции к свободе вероисповедания, которое объясняется высоким уровнем мусульманского населения в стране. Е. Тодрик рассмотрела в своем докладе выступления Комиссара по правам человека Совета Европы, а также представителей Human Rights Watch, Комитета ООН по правам ребенка.

К. Пьянкова (магистрант УрФУ) рассмотрела вопросы реализации культурных прав финно-угорских народностей государств – членов ЕС на примере Финляндии.

Канд. юрид. наук, доцент ГУ **Г. С. Тумалевич** проанализировал в своем выступлении вопросы, связанные с судебной защитой нарушенного права гражданина на обращение. Канд. пед. наук, доцент УрГЭУ **Т. В. Филипповская** представила доклад на тему «Бюрократическое рейдерство: стратегия и тактика наступления на гражданские права». Так, она отметила, что источниками рейдерства считаются коррупция и пробелы в законодательно-правовой базе, при этом первый источник функционирует благодаря привлечению государственных, административных, силовых ресурсов, а второй сопряжен с отсутствием единства в регламентации сущности, признаков рейдерства в уголовном и гражданском праве.

Замдиректора ГКУ «Государственное юридическое бюро по Свердловской области», магистр юриспруденции, выпускница ГУ **И. В. Чарикова** выступила с докладом «Право на бесплатную юридическую помощь: история и современность». Она подчеркнула, что поддержка социально незащищенных слоев населения – основополагающая функция социального государства. В этой связи право на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи, закрепленное в ст. 48 Конституции, является уникальным социальным правом, поскольку оно служит гарантом соблюдения (восстановления) всех иных гарантированных и защищаемых государством прав человека. Используя опыт европейских стран, в 2006 г. Россия провела эксперимент по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам, создав 10 государственных юридических бюро в различных регионах нашей страны. Эксперимент был признан удачным, и в 2011 году, развивая идею создания единой системы бесплатной юридической помощи, Россия закрепила основные гарантии реализации конституционно гарантированного права граждан на получение бесплатной помощи в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». На сегодняшний день, как отметила И. В. Чарикова, государственные гарантии и обязательства, сформулированные в Федеральном законе, уточняются и расширяются на уровне регионального законодательства, бла-

годаря чему всё больше и больше социально незащищенных категорий граждан могут позволить себе безвозмездно защитить свои права и законные интересы.

М. Шарова (магистрант ГУ) в докладе «Права человека не знают цвета кожи: актуальные проблемы реализации международных стандартов по правам человека» обратила внимание на важность разработки критериев эффективности стратегий и реализации международных стандартов ООН. Она отметила важность новых механизмов защиты прав человека, которые возникли в ходе реформирования ООН: Совета по правам человека, Универсального периодического обзора, специальных процедур ООН, др. Обучение в сфере прав человека, как подчеркнула М. Шарова, должно рассматриваться всеми странами прежде всего как одна из самых эффективных стратегий ООН, которая способствует повышению уровня универсальности прав человека, их продвижению в современном мире.

Наряду с докладами, представленными на секции и вызвавшими интересные обсуждения, несомненно достойны внимания и тезисы доклада, присланные на конференцию нашими норвежскими коллегами **Л. Юрт, Е. Хорольцевой** (Норвегия, НПО «Академия прав человека»). Тема, предложенная ими для рассмотрения, – «Возможности преподавания в области прав человека для развития демократии», в большей или меньшей степени затрагивалась на секции многими участниками, более всего ей посвятила свое внимание учитель истории и обществознания (г. Реж) и одновременно магистрант юридического факультета ГУ М. Шарова. В заочном докладе Л. Юрт и Е. Хорольцева содержатся следующие интересные рассуждения: 1) права человека – это не только ценности, юридически закрепленные обязательства государств, но и навыки защиты, необходимые человеку на протяжении всей жизни; 2) особую роль играют методики преподавания прав человека как в школьном курсе обществознания, так и в обращении с детьми в неформальном обучении; 3) важно использовать эффективные методики преподавания прав человека, в частности активные методы обучения (работа в группах, подготовка и обсуждение презентаций, ролевые игры и проектная деятельность); 4) именно активные методы обучения располагают к атмосфере открытости, доверия и уважения при обсуждении правовых ситуаций и международных механизмов прав человека.

В целом нужно отметить, что обе секции конференции прошли успешно, состоялись интересные обсуждения и активные дискуссии начинающих исследователей, опытных ученых и представителей общественных организаций. Международная конференция по правам человека, которая уже второй год в октябре проводится в Гуманитарном университете в рамках «Юридической недели на Урале», продолжает оставаться серьезной площадкой для обсуждения таких актуальных проблем, как: стратегии развития и оптимальные пути решения проблем в сфере защиты прав человека, вызовы в области прав человека в XXI веке, стратегии обучения правам человека в современном мире, реформирование национальных, глобальных, региональных институтов, организаций, систем защиты прав человека, роль государства и институтов гражданского общества в продвижении прав и свобод человека.

Svetlana Igorevna Glushkova,
Doctor of Political Science, Director of the Centre for Human Rights
and Legal Education, Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg); Visiting Professor of Université Paris X – Nanterre (France)

Discussions on Urgent Problems of Observance and Human Rights Protection (Review of Materials of the International Conference on Human Rights)

The review article presents the urgent problems of human rights protection that became a subject of consideration and discussion by students, undergraduates, graduate students and teachers on two sections of the international conference on human rights at Liberal Arts University (Ekaterinburg). The conference took place within the International forum «Legal Week in the Urals».

О. И. Глухих[*], С. И. Глушкова[**], А. В. Загайнов[***]

Защита прав ребенка в России: особенности Свердловской области (обзор материалов научно-практического семинара)

В обзорной статье представлен анализ проблем, связанных с защитой прав ребенка при раздельно проживающих родителях, а также проблем развития инклюзивного образования и других вопросов, ставших предметом рассмотрения в докладах и выступлениях участников областного научно-практического семинара, среди которых – сотрудники Аппарата Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, преподаватели уральских вузов, представители общественных организаций.

27 октября 2016 года в рамках Международного форума «Юридическая неделя на Урале» состоялся областной научно-практический семинар «Защита прав ребенка в России: особенности Свердловской области». Организаторами семинара выступили Уполномоченный по правам человека в Свердловской области (далее – СО), Свердловское региональное отделение Ассоциации юристов России, Свердловское региональное отделение РАПН, Ассоциация преподавателей права Свердловской области, юридический факультет Гуманитарного университета (далее – ГУ) (г. Екатеринбург).

Директор Центра правового просвещения и прав человека ГУ, доктор политических наук С. И. Глушкова, открывая семинар, отметила, что Гуманитарный университет традиционно выступает дискуссионной площадкой для обсуждения вопросов, связанных с соблюдением, обеспечением и защитой прав человека (в том числе прав ребенка) в России. Это обусловлено многими причинами, среди которых прежде всего нужно назвать: многолетнее сотрудничество с Уполномоченным по правам человека в СО (в том числе создание совместной базовой кафедры прав человека на юридическом факультете ГУ), включая экспертную деятельность преподавателей факультета по поручению уполномоченного, активную работу Общественной приемной Уполномоченного – студенческой правовой консультации ГУ, развитие и совершенствование областной программы правового просвещения, которую совместно с Уполномоченным по правам человека в СО с 2005 года по настоящее время ведут преподаватели и сотрудники юридического факультета Гуманитарного университета.

О. И. Глухих, консультант Аппарата Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, рассмотрела в своем выступлении вопросы защиты прав ребенка при раздельно проживающих родителях. Данным проблемам был посвящен специальный доклад Уполномоченного по правам человека в СО [1]. Многие из вопросов, которые были представлены в этом докладе 2010 года, сохраняют, как отметила О. И. Глухих, актуальность и в настоящее время. Опыт работы Уполномоченного по правам человека в СО Т. Г. Мерзляковой с обращениями граждан показал, что не все родители могут и готовы взять на себя ответственность за

[*] **Оксана Игоревна Глухих**, консультант Аппарата Уполномоченного по правам человека в Свердловской области (г. Екатеринбург).

[**] **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[***] **Александр Васильевич Загайнов**, консультант Аппарата Уполномоченного по правам человека в Свердловской области (г. Екатеринбург).

© О. И. Глухих, С. И. Глушкова, А. В. Загайнов, 2017

судьбу своего ребенка. В адрес Уполномоченного часто обращаются родители, желающие защитить права и законные интересы своих детей, нарушенные другим родителем. Когда у ребенка имеются родители, законодательство возлагает обязанность по обеспечению ребенку достойного уровня жизни на родителей, являющихся законными представителями ребенка. Права родителей также охраняются законом: государство лишь в особых случаях имеет право вмешиваться в семейные отношения, это допускается лишь в случае недобросовестного исполнения родителями своих родительских обязанностей [1].

Нарушения прав ребенка на достойный уровень жизни, на основе анализа жалоб Уполномоченному по правам человека, можно классифицировать по следующим направлениям: 1) нарушение права ребенка на достойное содержание, в частности неуплата алиментов родителем, проживающим отдельно от ребенка; 2) нарушение права ребенка на жилье; 3) нарушение права ребенка на общение с родителем, в частности препятствие со стороны одного из родителей, с которым проживает ребенок, общению с бывшим супругом или с родственниками; 4) нарушение прав ребенка на обучение, свободное передвижение, отдых, к которым часто приводят споры между родителями по вопросам обучения, отдыха, выезда ребенка за пределы РФ, др. Среди причин нарушения прав ребенка можно назвать следующие: отказ от уплаты алиментов на ребенка, оспаривание отцовства, попытки различными способами выселить ребенка из занимаемого помещения, неоправданное воспрепятствование второму родителю общаться с ребенком, случаи похищения ребенка у бывшего супруга, попытки лишить бывшего супруга родительских прав. При этом важно отметить, что судебные разбирательства по вопросу определения места жительства ребенка часто проходят с использованием сторонами доказательств, порочащих честь и достоинство одного из родителей [Там же].

Анализ различных ситуаций, касающихся соблюдения прав ребенка при раздельном проживании родителей, позволило Уполномоченному по правам человека, как отметила О. И. Глухих, выявить следующие наиболее актуальные проблемы: 1) личностный характер конфликтов, связанных с вопросами воспитания, содержания детей при раздельном проживании родителей, что приводит к сложности или невозможности ее решения на уровне органов государственной власти и органов местного самоуправления; 2) правовой нигилизм родителей, сохранение которого приводит, с одной стороны, к ложному пониманию своих действий как заведомо правильных, а с другой – к формированию чувства безнаказанности недобросовестных родителей; 3) процессуальную «затянутость» разрешения отдельного вида конфликтов, в частности вопросов об уплате алиментов; 4) отсутствие четких критериев наличия кризисной ситуации в семье (для полномочных органов), поэтому достаточно спорным является вопрос о том, когда наступает тот момент, когда государство может вмешаться в семейную ситуацию; 5) «размытость» полномочий вмешательства в кризисную ситуацию в семье, что в некоторых случаях приводит к формализации действий полномочных органов, проведение ими определенного ряда действий, которые не позволяют достичь необходимого результата; 6) определение степени доверия к родителям, приоритета родительского воспитания, что приводит к ограничению вмешательства в семейные отношения (такая проблема поднимается добросовестными родителями, которые хотят оградить свою семью от неоправданного вмешательства) [Там же].

Нарушения прав ребенка происходят как со стороны родителей, так и в связи с неэффективной работой полномочных органов (некачественная или неверная диагностика семейной ситуации, использование неэффективных методов помощи семье и детям, нехватка специальных знаний), права ребенка нарушаются и на

стадии досудебного урегулирования конфликта, и на стадии исполнения судебного решения [1]. В связи с этим для защиты прав ребенка, по мнению консультанта Аппарата Уполномоченного по правам человека в СО О. И. Глухих (которая представляла в докладе на научно-практическом семинаре позицию областного омбудсмена Т. Г. Мерзляковой), необходимо принять следующие меры: 1) обратить внимание родителей на права их детей, а также на особую степень ответственности родителей за их действия; 2) определить критерии вмешательства в семейную ситуацию уполномоченных органов государственной власти; 3) сформировать количественные и качественные показатели эффективности работы уполномоченных органов с семьей, оказавшейся в сложной жизненной ситуации; 4) поддерживать гражданские инициативы, направленные на ликвидацию правового нигилизма родителей и воспитание чувства ответственности родителей за судьбу своих детей; 4) определить полномочия органов государственной власти в защите прав и законных интересов ребенка в досудебном порядке, в судебном процессе и в процессе исполнения решений суда. Выступление О. И. Глухих вызвало много вопросов и активную дискуссию участников семинара – студентов и преподавателей уральских вузов, представителей общественных организаций Свердловской области.

Программа семинара была достаточно насыщенной. Наряду с консультантами Аппарата Уполномоченного по правам человека в СО (О. И. Глухих, А. В. Загайнов) на семинаре выступили представители Прокуратуры Свердловской области, преподаватели уральских вузов, профессиональные медиаторы, представители общественных организаций, специализирующиеся по вопросам защиты прав ребенка.

Так, начальник отдела по защите субъектов персональных данных и надзора в сфере информационных технологий Управления Роскомнадзора по Уральскому федеральному округу А. А. Гоголева, выпускница юридического факультета Гуманитарного университета, представила доклад на тему «Защита прав субъектов персональных данных несовершеннолетних». Прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних прокуратуры Свердловской области А. М. Пырьев рассмотрел в своем докладе вопросы защиты детей от информации, наносящей вред их здоровью, репутации, нравственному и духовному развитию. О медиации как элементе дружественного к ребенку правосудия рассказала в своем выступлении директор АНО «Уральский центр медиации», общественный помощник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области О. П. Махнева. С докладом «Термин “ребенок” в российском законодательстве, педагогике, социуме» выступил канд. юрид. наук, доцент юридического факультета Гуманитарного университета Г. С. Тумалевич.

Канд. юрид. наук, доцент ИПК Академии Следственного комитета России, капитан юстиции Е. В. Ильюк посвятила свое выступление особенностям расследования уголовных дел, связанных с инцестом. Она отметила, что подобные преступления чрезвычайно латентны (выявляется от 2 до 7 % случаев), но имеют тяжелые психологические последствия (виктимизация, ранняя и травматичная сексуализация), и в ряде случаев отдаленные медицинские последствия. Часто члены семьи защищают насильника, прежде всего в интересах сохранения имиджа «благополучной семьи», отказываясь от защиты потерпевшей (потерпевшего). По мнению Е. В. Ильюк, для предотвращения и пресечения инцеста важна роль субъектов профилактики преступлений против несовершеннолетних. В ч. 3 ст. 56 Семейного кодекса РФ установлена обязанность лиц, которые знали о нарушениях прав несовершеннолетних, сообщить в органы опеки и попечительства, однако уголовной ответственности за несообщение для членов семьи нет.

Возможности, проблемы и перспективы инклюзивного образования рассмотрел в своем докладе консультант Аппарата Уполномоченного по правам человека в Свердловской области А. В. Загайнов. Он отметил, что в 2010 году Уполномоченным по правам человека в СО был подготовлен специальный доклад «Вне зоны доступа: О состоянии и проблемах реализации права на образование детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и детьми-инвалидами на территории Свердловской области» [2]. Проанализировав этот доклад, А. В. Загайнов отметил, что многие рассмотренные в нем вопросы остаются актуальными и сегодня. В настоящее время ведущий вектор в процессе внедрения инклюзии меняется: если раньше он был связан с нравственными аспектами, т. е. вопросами принятия «особых» детей, то теперь он зависит от «профессионализма», т. е. от умения качественно и эффективно оказывать им помощь, от психологической и профессиональной готовности педагога работать в инклюзивном классе.

В настоящее время в инклюзивных классах в России обучается около 160 тысяч детей, но потребности в таком образовании намного больше. В инклюзивном образовании (желательно в массовых школах, в окружении здоровых сверстников) в России нуждаются примерно 500 тысяч детей с определенным статусом – ребенок-инвалид, а также плюсом к этому количеству идут дети с особенностями развития, не имеющие инвалидности, но нуждающиеся в специальных условиях обучения. Согласно информации Министерства общего и профессионального образования СО, в нашем регионе по состоянию на 2015/2016 учебный год из 446 700 обучающихся 21 400 человек – это дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). То есть около пяти процентов детей и подростков в Свердловской области имеют особые образовательные потребности.

В Свердловской области созданы вариативные условия для получения детьми с ОВЗ общего образования [Там же]. В настоящее время 323 школы Свердловской области участвуют в государственной программе «Доступная среда», но только 116 из них смогли создать базовые условия для инклюзивного образования. С 2016 г. в программе «Доступная образовательная среда» принимают участие и дошкольные образовательные организации и организации дополнительного образования. И это очень важно, так как эффективность инклюзии будет тем выше, чем более ранним и всесторонним будет включение ребенка в социум. В Свердловской области сохраняется и развивается сеть, употребляя прежний термин, специальных коррекционных школ (на сегодня их 66). Наряду с ними функционируют 5 центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, действуют 5 профильных составов центральной психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК) и 37 территориальных ПМПК. Разработана дорожная карта по обеспечению введения и реализации ФГОС ОВЗ в образовательных организациях на территории области, создано 8 стажировочных площадок по всем нозологическим группам. С 2016 года такие площадки действуют как информационно-методические центры. По результатам работы стажировочных площадок разработан пакет локальных актов по введению ФГОС, разработаны адаптированные основные образовательные программы по всем нозологическим группам и по самым разным группам предметов. Анализ готовности проведен в 955 школах во всех муниципальных образованиях Свердловской области (91 % от общего количества школ).

Среди опасных тенденций, сопровождающих развитие инклюзивного образования в России, можно назвать следующие: 1) возможность имитации деятельности на местах, что чаще всего вызвано краткосрочностью задач, недостатком ресурсов и жестким контролем; 2) распространенное явление формальной инклюзии. Среди положительных тенденций можно отметить следующие: 1) увеличение числа инклюзивных школ; 2) постепенную систематизацию опыта деятельности

как педагогов в отдельности, так и школ в целом; 3) рост гражданской активности родителей, которые знают свои права и обязанности, но при этом остаются непроясненными вопросы об уровне и границах их ответственности [2].

Интересен зарубежный опыт: так, многие страны, отказавшиеся ранее от специальных (коррекционных) школ в пользу инклюзивного образования, пересматривают свои позиции и признают необходимость существования подобных школ. Всегда важно учитывать, насколько целесообразно внедрение инноваций в той или иной ситуации, а также национальную и культурную специфику, особенности менталитета. Нельзя закрывать школы, реализующие адаптированные основные общеобразовательные программы. Такие школы всегда будут востребованы [Там же]. Выступление А. В. Загайнова, с большим количеством примеров и статистических данных по обозначенной теме, вызвало много вопросов и оживленную дискуссию участников семинара.

С большим интересом всеми участниками семинара также был воспринят доклад специалиста по социальной работе СРО ОО «Аистенок» Т. В. Кочевой на тему «Комплексная помощь и поддержка семей в трудной жизненной ситуации», в котором она представила опыт работы этой известной общественной организации.

Научно-практический семинар по защите прав ребенка прошел достаточно плодотворно, но остались вопросы и проблемы для новых обсуждений и дискуссий, которые будут продолжены на площадках Гуманитарного университета и других уральских вузов под эгидой Уполномоченного по правам человека в Свердловской области.

Литература

1. Права ребенка при раздельном проживании родителей : специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области. – Екатеринбург, 2010. – URL: http://ombudsman.midural.ru/uploads/library/spezdoklad/spezdoklad_19.pdf

2. Вне зоны доступа. О состоянии и проблемах реализации права на образование детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами на территории Свердловской области : специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области. – Екатеринбург, 2010. – URL: http://ombudsman.midural.ru/uploads/library/spezdoklad/spezdoklad_20.pdf

Oksana Igorevna Glukhikh,
a consultant for the Office of Commissioner for Human Rights
in the Sverdlovsk region (Ekaterinburg)
Svetlana Igorevna Glushkova,
Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Human Rights,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)
Alexander Vasilevich Zagaynov,
a consultant for the Office of Commissioner for Human Rights
in the Sverdlovsk region (Ekaterinburg)

Protection of Children's Rights in Russia: Features of the Sverdlovsk Region (Review of Science Workshop's Materials)

The review article presents the analysis of issues related to the protection of children's rights. The authors examine the problems concerning children living at the estranged parents, the development of inclusive education and other issues that were the subject matters of reports and speeches at the regional scientific and practical seminar. There was the staff of the Office of the Commissioner for human Rights in the Sverdlovsk region, professors of Ural universities, representatives of public organizations among the workshop's participants.

И. Н. Литвинова[*], **С. И. Глушкова**[**], **Л. А. Саланова**[***]

Российский Красный Крест: основные направления деятельности, вопросы сотрудничества и взаимодействия (обзорная статья по итогам научно-практического семинара)

В обзорной статье представлены основные идеи докладов и выступлений, представленные на семинаре: вопросы, связанные с формированием, развитием и функционированием Российского Красного Креста (РКК), Красного Креста во Франции и Сербии, а также направления сотрудничества и взаимодействия РКК с государственными структурами и институтами гражданского общества, роль РКК в социальной защите уязвимых групп населения.

3 февраля 2017 года на юридическом факультете Гуманитарного университета (далее – ЮФ ГУ) состоялся семинар на тему «Российский Красный Крест: основные направления деятельности, вопросы сотрудничества и взаимодействия». Семинар был организован ЮФ ГУ совместно с Уполномоченным по правам человека в Свердловской области (далее – УПЧ в СО), Ассоциацией преподавателей права в СО, Свердловским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» (далее – СРО ООО «РКК»). Участниками семинара выступили учителя истории и обществознания, музейные сотрудники, магистранты и преподаватели уральских вузов (ЮФ ГУ и УрГЮУ), представители общественных организаций Свердловской области.

Советник УПЧ в СО, канд. юрид. наук, доцент **И. Н. Литвинова** отметила, что Уполномоченного по правам человека в Свердловской области и СРО ООО «Российский Красный Крест» связывают давние отношения, в частности совместное участие в гуманитарных акциях, проведение общих семинаров и круглых столов по вопросам защиты прав человека, содействия незащищенным категориям населения. В числе целей РКК, вошедших в его Устав, названы следующие: практическая реализация идей гуманизма и сострадания к людям; содействие гуманизации общественных отношений на основе принципов международного права; содействие реализации социальных прав и законных интересов уязвимых категорий населения; сохранение человеческого достоинства. Уполномоченный по правам человека оказывает всестороннюю поддержку региональному отделению «Красного Креста». Знаменательно то, что данный семинар, как подчеркнула И. Н. Литвинова, проходит в преддверии 150-летнего юбилея Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, самого крупного гуманитарного сообщества мира, цель которого – облегчение человеческих страданий, защита жизни и здоровья людей и отстаивание человеческого достоинства, особенно во время вооруженных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций. Особенно важно, что Международное движение Красного Креста действует во всем мире и имеет поддержку миллионов добровольцев и волонтеров. Как подчеркнула И. Н. Литвино-

[*] **Ирина Николаевна Литвинова**, канд. юрид. наук, доцент, советник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области (г. Екатеринбург).

[**] **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, директор Центра правового просвещения и прав человека, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[***] **Людмила Анатольевна Саланова**, начальник канцелярии СРО ООО «Российский Красный Крест» (г. Екатеринбург).

© И. Н. Литвинова, С. И. Глушкова, Л. А. Саланова, 2017

ва, наш «Российский Красный Крест» – это ведущая в стране неправительственная организация, занимающаяся гуманитарной деятельностью, работа которой связана с оказанием помощи людям, прежде всего уязвимым группам населения. В мае 2017 года исполняется 140 лет СРО ООО РКК, это крупнейшая благотворительная организация, в деятельности которой участвуют волонтеры со всей Свердловской области и Уральского федерального округа. Особую важность в последние два года приобрела работа Свердловского регионального отделения РКК по оказанию гуманитарной помощи беженцам из Украины и людям, пострадавшим от военных действий на юго-востоке Украины.

Председатель СРО ООО «Российский Красный Крест» **Д. Ф. Вершинин** рассказал об истории, структуре, направлениях деятельности РКК, а также о проблемах функционирования РКК в советский период и настоящее время в России. Он отметил, что РКК – самостоятельное юридическое лицо – имеет региональные отделения во всех субъектах Российской Федерации, в том числе в Крыму. РКК является членом МККК. На территории Свердловской области в соответствии с Уставом может быть только одно региональное отделение, а в городах области – местные отделения. В настоящее время в нашей области действует региональное отделение в Екатеринбурге и местные отделения в 20 городах (к сожалению, не во всех городах Свердловской области).

3 мая (по старому стилю) 1867 года «Император Александр II утвердил устав **Общества попечения о раненых и больных воинах**, которое 1879 г. было переименовано в **Российское общество Красного Креста (РОКК)**. Почетными членами Общества стали Император, все великие князья и княгини, многие высокопоставленные светские лица и представители высшего духовенства. Общество находилось под покровительством Императрицы, пользовалось содействием всех правительственных лиц и получило значительные права» [1]. В дореволюционный период в Российской империи основной задачей Красного Креста была помощь раненым и больным, старикам, инвалидам, всем нуждающимся. Члены Красного Креста, добровольцы помогали пострадавшим от наводнений, пожаров, неурожая. Во время Первой мировой войны (1914–1918) «под флагом Красного Креста объединяются десятки тысяч добровольцев… На службе Красного Креста на 1 января 1917 г. состояло 2 500 врачей, 20 000 сестер милосердия, свыше 50 000 санитаров… Перевозку раненых осуществляли санитарные поезда, госпитальные суда РОКК и поступившие в его распоряжение автомобили, многие из которых были переданы частными лицами…При Красном Кресте функционировало Центральное справочное бюро о военнопленных. Только за два года выдано 619 тысяч справок. В 1915 году немцы впервые применили на фронте отравляющие вещества. РОКК оперативно освоило изготовление и только за три месяца произвело около 6 млн изобретенных Н. Д. Зелинским фильтрованных противогазов» [Там же].

В дореволюционный период в Российской империи на средства меценатов (на Урале это, прежде всего, купцов Злоказовых, Агафуровых) Красным Крестом создавались больницы (так, первая такая больница была построена на ул. Московской, 19б). В целях пропаганды гигиены строились бани и парикмахерские.

В советский период Красный Крест имел бюджетное финансирование, на местах действовало более 25 тысяч членов КК. В 1923 году Председатели обществ КК России, Украины, Белоруссии, Армении, Грузии и Красного Полумесяца Азербайджана подписали декларацию об объединении, был создан Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (Советский Красный Крест) [Там же]. Среди направлений деятельности Красного Креста в это время нужно отметить следующие: пропаганду здорового образа жизни, в период Великой Отечественной войны – сбор крови для раненых и тяжелобольных, создание и организа-

цию работы госпиталей, помощь раненым в полевых и тыловых госпиталях, лазаретах. Так, на Урале функционировало более 100 госпиталей для раненых, Урал был кузницей Победы, в том числе и кузницей для восстановления солдат после ранений.

Сложным периодом для развития Красного Креста стал 1938 год. В этот период в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 1383 «О Союзе обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР» (3 декабря) из ведения местных и республиканских комитетов Союза Обществ была изъята вся хозяйственная и лечебно-санитарная деятельность, 6 111 лечебно-профилактических и других учреждений были переданы органам здравоохранения и другим организациям [1].

В настоящее время, как отметил Д.Ф. Вершинин, в РКК вступить может любой гражданин РФ (а также иностранный гражданин или лицо без гражданства), достигший 18-летнего возраста, разделяющий идеи РКК согласно уставу, оплачивающий ежегодные взносы. В целом, в России сегодня насчитывается 2,5 тыс. членов РКК. В Свердловском ООО «РКК» пять дней в неделю по 8 часов в день ведется прием граждан, постоянно оказывается гуманитарная помощь всем нуждающимся, заключено соглашение и ведется тесное сотрудничество с УПЧ в СО, Екатеринбургской епархией РПЦ, при которой работает служба помощи обездоленным, старикам, инвалидам. В 2011 году за 3 дня под эгидой РКК в нашей области было собрано более 120 тонн гуманитарной помощи пострадавшим в Крымске (вода, медикаменты, одежда, продукты питания). В 2012 году наше отделение РКК оказало помощь и поддержку пострадавшим от наводнения в Хабаровске, волонтеры из Свердловской области сопровождали доставку гуманитарной помощи и оказали помощь на месте трагедии. В 2014 году Свердловское отделение РКК помогло в создании и сопровождении деятельности Центров временного размещения беженцев из Украины. Свердловским отделением постоянно ведутся программы помощи пострадавшим от пожаров, многодетным матерям, больным диабетом, обездоленным, старикам, инвалидам и многим другим. СРО ООО «РКК» активно участвует в благотворительных акциях, проводит обучение оказанию первой медицинской помощи, совместно со Свердловским медицинским колледжем ведет «Школу третьего возраста».

Выступление Д. Ф. Вершинина вызвало много вопросов и оживленную дискуссию участников семинара. Среди вопросов, которые послужили поводом для активного обсуждения, надо отметить следующие: 1) налажено ли взаимодействие с социальными службами, органами государственной власти (ответ положительный, главным помощником СРО «РКК» назван Уполномоченный по правам человека в СО Т. Г. Мерзлякова); 2) планируется ли обучение населения навыкам необходимой медицинской помощи родным в семьях при тяжелых заболеваниях (диабет, почечная недостаточность и др.), учитывая дорогостоящие услуги медицинских учреждений (ответ: определенное время на средства гранта проводилась «Школа пациента», нужно обсуждать вопросы о проведении такого обучения). Наряду с этими вопросами участники семинара интересовались взаимодействием СРО РКК с религиозными организациями, направлениями деятельности отделения, вступлением в РКК. Некоторые участники семинара предложили составить обращение от СРО РКК, в котором призвать мировое сообщество к прекращению всех военных действий во имя сохранения человечества.

Начальник канцелярии СРО ООО «Российский Красный Крест», магистрант ЮФ ГУ **Л. А. Саланова** в своем выступлении отметила, что в советское и особенно в постсоветское время, на территории РФ работа РКК была социально значимой и востребованной обществом, особенно в период Первой и Второй мировых войн. Задачи, поставленные перед филиалами Красного Креста по всему ми-

ру, имеют общие направления деятельности. Так, в России региональные и местные отделения занимаются поиском пропавших российских граждан; оказывают помощь семьям, пострадавшим от военных действий и межнациональных конфликтов, помогают семьям жертв терактов; помогают в сборе документов на получение пособий и льгот дожившим до наших дней жертвам фашистских концлагерей, в которых находились «дети войны», а также – ветеранам преклонного возраста; принимают участие в спасательных операциях при возникновении чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий с оказанием необходимой медицинской и гуманитарной помощи пострадавшим; занимаются реализацией специальных гуманитарных программ медицинской помощи и реабилитации обращающихся в местное отделение уязвимых групп населения; ведут оказание гуманитарной, медицинской, профилактической помощи больным сахарным диабетом, туберкулезом, СПИДом и другими заболеваниями, носящими необратимый характер; занимаются оказанием бесплатной юридической, социально-бытовой, медицинской и другими видами помощи с привлечением волонтеров; организуют пункты выдачи гуманитарных продуктовых наборов и предметов первой необходимости наиболее социально необеспеченным слоям населения. Всех, кто поддерживает РКК и МККК, объединяет одна идея гуманизма и помощи людям, в масштабах всего человечества.

Одну из значимых задач Красного Креста в Российской Федерации, как подчеркнула Л. А. Саланова, выполняет Центр розыска и информации, который был создан в конце Великой Отечественной войны при Союзе обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР по постановлению СНК СССР от 11 марта 1945 года и изначально носил название Центральное справочное бюро о перемещенных лицах. В настоящее время это – негосударственное учреждение «Центр розыска и информации Общероссийской общественной организации «РКК», единственным учредителем которого является ООО «РКК» [2]. В своей деятельности центр руководствуется Женевскими конвенциями, Дополнительными протоколами к ним, Севильским соглашением и Стратегией по восстановлению семейных связей на период с 2008-го по 2018 год, принятой национальными обществами Красного Креста и Красного полумесяца на XXX Международной конференции (Женева, 2007 год) [3]. Одним из направлений деятельности Центра розыска и информации Российского Красного Креста в настоящее время является розыск мигрантов и беженцев.

Оливер Йоксимович, магистр права (Франция, Сербия), магистрант ЮФ ГУ, посвятил свое выступление отдельным аспектам деятельности Красного Креста во Франции и Сербии. Так, он отметил, что Анри Дюнан 25 мая 1864 года создал французский Красный Крест, под названием «Общество милосердия военным раненым». Объединившись с Ассоциацией французских женщин (созданной в 1879 году) и Союзом женщин Франции (созданным в 1881 году), данное «Общество» создало 7 августа 1940 года единый Французский Красный Крест (далее – ФКК). В настоящее время ФКК объединяет 57 000 добровольцев и 18 000 сотрудников, являясь при этом добровольной организацией, один из важных принципов которой – солидарность. Основные направления деятельности ФКК – оказание чрезвычайной и первой помощи, социальные действия, обучение, забота о здоровье и международные действия по защите гражданского населения и военнопленных. ФКК оказывает помощь пострадавшим в бедствиях, взаимодействует с госструктурами при проведении спасательных операций.

Красный Крест Сербии (далее – ККС) – это национальная ассоциация, которая состоит из Красного Креста Воеводины и Красного Креста Косово и Метохии, а также 183 Красных Крестов в городах и муниципалитетах. Свою деятельность ККС осуществляет с помощью 60 000 добровольцев и профессионального участия

800 сотрудников в сети ККС. Основные принципы ККС, как и других национальных, региональных и местных отделений, – гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность, единство и универсальность. Целями и задачами ККС являются участие в защите и спасении людей в случае стихийных и других бедствий в мирное время и во время войны, сбор средств и распределение помощи жертвам военных конфликтов, стихийных и других бедствий и опасностей в условиях мира и войны, организация сборов и собрание помощи в Сербии и организация доставки за рубежом помощи от национальных органов, других органов и организаций, компаний и других юридических лиц и доноров из Сербии, участие в приеме и размещении эвакуированного населения, беженцев и перемещенных лиц, участие в регулярных и внеочередных акциях солидарности в Сербии, поиск данных об эвакуированных, беженцах, перемещенных лицах и пропавших без вести лицах, организация, обучение и подготовка команд для оказания первой медицинской помощи, санитарно-эпидемиологической профилактики, ухода за ранеными и больными, социальной работы, психологической поддержки и технической помощи отдельным лицам для выполнения задач в случае стихийных, экологических и других бедствий и вооруженных конфликтов, участие в медико-санитарном просвещении населения, обучение населения навыкам оказания первой медицинской помощи в случае войны, стихийных и других бедствий и опасностей в условиях мира и войны и популяризация добровольного донорства крови. Во время Первой мировой войны ККС осуществлял свою деятельность как в стране, так и за рубежом. С 25 декабря 1921 года Сербский КК стал называться КК Королевства сербов, хорватов и словенцев, а затем КК Королевства Югославии, а в конце 1944 года во всех республиках были созданы главные комитеты КК. В период распада Югославии Сербский КК оказал помощь беженцам и перемещенным лицам из Хорватии и Сербии, распределил помощь международных доноров в объеме 650 000 тонн. Распад Югославии вызвал и разделение Красного Креста. Международное признание КК Сербии было подтверждено 21 сентября 2006 года, в настоящее время Красный Крест Сербии занимается, в первую очередь, приемом и уходом за беженцами и перемещенными лицами из бывшей Югославии, социально уязвимыми группами населения в Сербии [4]. Выступление Оливера вызвало большой интерес и активное обсуждение.

В целом надо отметить живой интерес участников семинара к направлениям деятельности Красного Креста как в России, так и во Франции и Сербии. Сотрудники Свердловского отделения Российского Красного Креста, завершая семинар, пригласили к сотрудничеству в качестве членов КК или волонтеров всех присутствующих – магистрантов и преподавателей, представителей институтов гражданского общества.

Литература

1. История Российского Красного Креста // Российский Красный Крест. – URL: http://www.redcross.ru/?pid=10 (дата обращения: 01.02.2017).

2. Информационно-методическое пособие по розыску для региональных отделений Российского Красного Креста (доп.). – М. : Изд-во НУ «ЦРИ ООО «РКК», 2010. – С. 3–11.

3. Стратегия 2020 Российского Красного Креста – 2011 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.redcross.ru/?pid=176 (дата обращения: 10.01.2017).

4. Красный Крест Сербии. – URL: https://www.redcross.org.rs/ (дата обращения: 01.02.2017).

Irena Nikolaevna Litvinova,
Candidate of Law, Associate Professor,
the Adviser of Commissioner for Human Rights in the Sverdlovsk Region (Ekaterinburg)
Svetlana Igorevna Glushkova,
Doctor of Political Science, Director of the Centre for Human Rights
and Legal Education, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)
Lyudmila Anatol'evna Salanova,
Office Head of Russian Red Cross in Sverdlovsk region (Ekaterinburg)

Russian Red Cross:
the Main Activities, Cooperation and Interaction
(Review on the Seminar Results)

The review presents the basic ideas of the reports and speeches presented at the seminar. They include issues related to formation, development and functioning of the Russian Red Cross (RRC), the Red Cross in France and Serbia, as well as cooperation and interaction of RRC with government agencies and civil society institutions, the role of the RRC in the social protection of vulnerable populations.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно **(полные тексты в открытом доступе).**

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Экономика**
- **Юриспруденция**
- **Философия**

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman,
  размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5,
  абзацный отступ – 0,7 см;
  поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
  - **название статьи;**
  - **сведения об авторах**:
    фамилия, имя, отчество ***полностью;***
    ученая степень, ученое звание, должность;
    место работы – ***полное название организации;***
    контактная информация: адрес электронной почты *(укажите, согласны ли Вы опубликовать его)*, телефон;
  - **аннотация** (150–250 слов);
  - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru **с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук»**, например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

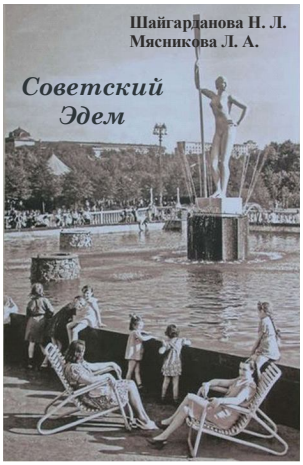
Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:
№ 1 – до 15 февраля
№ 2 – до 15 мая
№ 3 – до 15 августа
№ 4 – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!

ИЗДАНИЯ ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

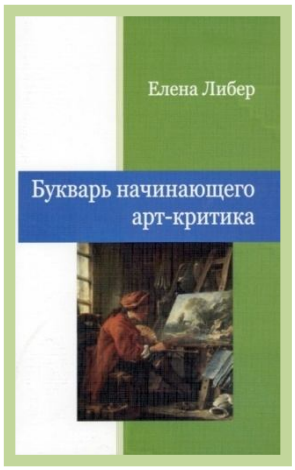


Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.



Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетику А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысляется трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

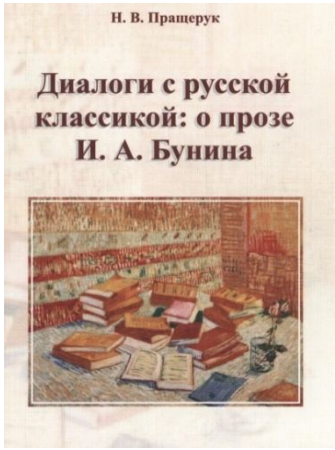
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.



Пращерук Н. В.

Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философовкоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

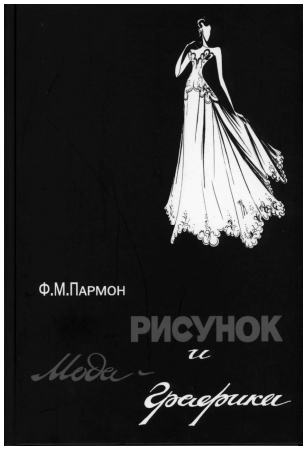
Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.



Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Лицензия на осуществление образовательной деятельности
серия 90Л01 № 0009150, рег. № 2114 от 26.04.2016
Свидетельство о государственной аккредитации серия 90А01 № 0002206, рег. № 2105 от 08.07.2016)

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение
по программам магистратуры на 2017/18 учебный год
по следующим направлениям:

- Психология (37.04.01)
- Экономика (38.04.01)
- Юриспруденция (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре
составляет 2 года по очной форме,
2,5 года по очно-заочной и заочной форме

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- Психология (37.04.01)

Очно-заочная форма – 24 места
Заочная форма – 16 мест

- Экономика (38.04.01)

Очно-заочная форма – 10 мест

- Юриспруденция (40.04.01)

Очно-заочная форма – 21 место
Заочная форма – 25 мест

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

Бюджет:

- Все формы обучения – с 1 июня по 10 августа

Внебюджет:

- Очная форма – с 1 июня по 26 августа
- Очно-заочная форма – с 1 июня по 27 сентября
- Заочная форма – с 1 июня по 26 октября

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре
составляет 3 года (очная форма),
по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Научное издание

Вестник Гуманитарного университета
2017. № 1 (16)

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 06.03.2017.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,95
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3